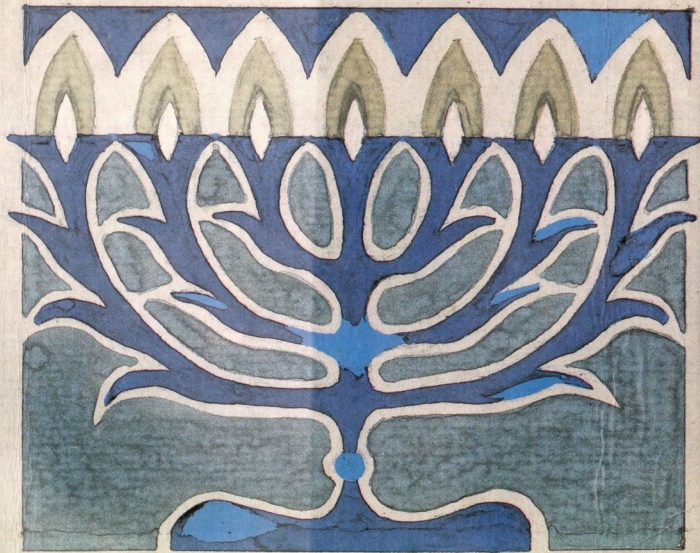

МЕНОРА

*ЕВРЕЙСКИЕ МОТИВЫ
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ*

MEHOPA

ה'תש"ב

MEHOPA

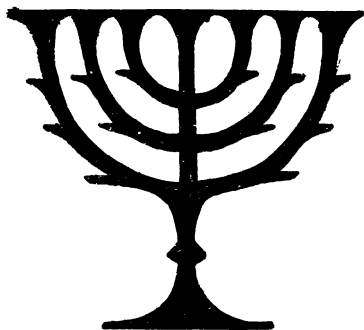

Еврейский университет в Москве
в содружестве
с Иерусалимским Институтом еврейских
исследований
рава Адина Штейнзальца
сотрудничает с Американским еврейским
распределительным комитетом «Джойнт»
и Фондом развития еврейского образования
в диаспоре
им. Л.-А. Пинкуса

מבזרה

Москва
1993

Иерусалим
5753

МЕНОРА

*Еврейские мотивы
в русской
поэзии*

Еврейский Университет в Москве
Jewish University in Moscow
האוניברסיטה היהודית במוסקבה

Составление, предисловие и примечания –
Ада КОЛГАНОВА

Оформление –
Елизавета ЛИСТВИНСКАЯ

Макет – Александр ГИНЗБУРГ

На форзацах –
рисунки Соломона ЮДОВИНА

85829/2
154

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולמי
בית ארדשטיין - ספריה
מס. מלאי.....

ISBN 5-7349-0008-6

85829/2

- © Еврейский университет в Москве, 1993
- © «Gesharim», Jerusalem, 1993
- © Составление А. Колганова, 1993
- © Оформление Е. Листвинская, 1993

Гори же, гори, семисвечник,
Гори, согревай...

А. Глезер

*Маме,
Берте Давидовне Маломед,
посвящает эту книгу*

составитель

Эта книга может показаться необычной. Достаточно заглянуть в ее содержание: Сарра Погреб, Михаил Лермонтов, Георгий Шенгели, Семен Липкин, Ольга Чюмина... Поэты, наделенные всемирной славой, и совсем неизвестные, разлученные во времени и пространстве, стоят здесь как бы в одном ряду.

Эта книга составлялась не для евреев или неевреев, не для верующих или атеистов. Она для тех, кого волнует загадка еврейства.

Предпринимая попытку собрать под одной обложкой русские стихи, так или иначе связанные с еврейской темой, я отдавала себе отчет в заведомой непредсказуемости того, что получится в результате. Ведь это не философские работы, исследующие один из самых, может быть, животрепещущих сюжетов всемирной истории. Поэзия, как известно, не стремится к полноте знания. Стихи поют. На разные голоса, то громко, то шепотом. Именно свойственная им метафоричность, недосказанность, может быть, и помогают приблизиться к тайне. Здесь и пересекается загадка поэзии с загадкой еврейства.

Традиция еврейской темы в поэзии давняя и многообразная, она восходит к древности, обогащается в средневековье и особенно в XIX веке. Еврейские мотивы из Байрона и Гейне могли бы составить отдельную книгу, — но это будет совсем иная книга, чем та, которую ты, дорогой читатель, держишь в руках. Эта книга задумана, чтобы восполнить определенные пустоты на «поэтической полке».

Наше издание сложилось по известному образу — образу меноры, традиционного еврейского семисвечника: в книге семь разделов. И хотя объединение стихов по темам, конечно же, условно, сборник задуман именно таким:

тысячелетние пути народа, магия Святой земли, катастрофа XX века, русское еврейство, тайны ненависти и любви, вечная Книга, женщины Сиона — вот семь больших тематических глав, семь поэтических свечей книги.

Прежде чем эта своеобразная менора начнет, смею надеяться, отдавать свой свет читателю, считаю необходимым сообщить, что наиболее полным собранием еврейских мотивов в русской поэзии была книга «Неопалимая купина» (Нью-Йорк, 1973, составитель А. Донат). Затем в 1974 году в Израиле появился сборник «На одной волне», подготовленный Т. Должанской. Он был переиздан в 1990 году в серии «Библиотека — Алия». Следует упомянуть и давний сборник «Из еврейских поэтов» (Берлин, 1922, под редакцией В. Ходасевича). Из изданного в России укажем на антологию, сосредоточенную на библейской тематике, что, впрочем, видно из самого названия «Библейская поэзия» (СПб., 1874), поэтический сборник «Урек вавилонских: национально-еврейская лирика в мировой поэзии» (Москва, «Сафрут», 1917, составитель Л. Яффе) и на «Еврейскую антологию» (Москва, 1918, под редакцией В. Ходасевича и Л. Яффе).

Несколько слов об особенностях нашего издания. В нем устранены некоторые неточности, связанные с трудностями самиздата и зарубежных публикаций. Например, публикации сегодняшних дней позволяют указать Б. Слуцкого как автора стихотворений «Евреи хлеба не сеют...» и «А нам, евреям, повезло...», ходивших прежде в списках и отнесенных к стихам неизвестного автора.

На страницах «Меноры» рядом с классически известными читатель найдет вещи, никогда не переиздававшиеся в советское время. Это ранние стихи С. Маршака, сочинения Л. Гордона, С. Дубновой-Эрлих, А. Несмелова, С. Фруга, Т. Щепкиной-Куперник, Л. Яффе и других авторов.

Неизвестны широкой публике и «еврейские» стихи В. Брюсова, М. Цветаевой, В. Маяковского, К. Чуковского, И. Эренбурга.

Многие стихи были найдены на страницах старых русско-еврейских журналов («Восход», «Еврейский мир», «Еврейская жизнь», «Еврейская библиотека», «Молодая Иудея» и др.). Начав когда-то выуживать еврейские

стихи еще из книжных каталожек спецхранов, я время от времени пополняла свою «коллекцию» сочинениями Ф. Сологуба и А. Галича, Ю. Айхенвальда и Е. Гинзбург, Н. Коржавина, Д. Кнута, Г. Шенгели и матери Марии (Караваяевой-Кузьминой).

Есть в сборнике и стихи, никогда прежде не публиковавшиеся (Н. Злотникова, А. Кобенкова, В. Краско, С. Мороза, Ю. Нейман, Б. Слуцкого, С. Погреб). Такие стихи отмечены в содержании знаком *. Многие из них писались, по понятным причинам, «в стол».

Неизвестные сочинения были найдены мною в фондах ЦГАЛИ. Из них в сборник включены «Стихотворение на открытие синагоги» С. Фруга и «Еврейке» — имя его автора так и не удалось установить. Впервые публикуется у нас и «Послание Маркову» С. Маршака — стихи в защиту «Бабьего Яра» Е. Евтушенко.

Еврейской теме иной поэт мог посвятить всего одно стихотворение. Одно, но какое! «Я рос тебе чужим...» С. Надсона стоит среди вершин русской поэзии. Но эта же тема, постоянно пульсирующая, смогла собрать и целые циклы у И. Бунина, А. Галича, С. Липкина, К. Льдова, Л. Мея, Б. Слуцкого, Д. Кнута. «Отзвуки Давидовых псалмов» звучали у самых неожиданных авторов — от О. Анстей до И. Бродского. Но, как ни соблазнительно собрать литературную антологию, показав индивидуальность каждого поэта в этой далекой от тривиальности теме, задача представить авторское творчество здесь не ставилась.

Еврейская тема, имеющая в российской поэзии длительную традицию, воплощена многообразно, в разных жанрах и тональностях. В книге открытый пафос Е. Евтушенко соседствует с откровенной самоиронией Б. Слуцкого, восторженная патетика Л. Гордона — с религиозностью В. Жуковского, ясность А. Пушкина с рефлексией раннего С. Маршака.

У одних, как у А. Ахматовой или В. Брюсова, это — тончайшая стилизация, у других — ностальгические зарисовки детства (смотрите строки А. Кобенкова). Что сильнее звучит: публицистические стихи А. Вознесенского, Е. Евтушенко, И. Сельвинского или лирические строки С. Липкина, И. Эренбурга, А. Аронова?..

Решать тебе, читатель. Но прежде чем откроешь эти страницы, я хочу, чтобы ты узнал о тех, кто помог мне в работе над этой книгой. Я благодарю в первую очередь — президента Еврейского университета в Москве М. Л. Гринберга, поэтов М. Синельникова и Н. Злотникова, критика Ю. Болдырева, актера З. Гердта, специалиста по иудаике С. Гольденберга, библиофила М. Левина за их внимание и доброжелательную помощь. Особая признательность писателю Е. Витковскому, предоставившему мне тексты О. Анстей, А. Несмелова, С. Прегель, щедро направившего мой поиск на новые имена. Благодарю издательство «Рубеж» и редколлегию одноименного альманаха за предоставленные материалы.

Сборник еврейских мотивов в русской поэзии подготовлен в двух вариантах. Данный представляет двести девяносто три стихотворения ста семнадцати авторов. В расширенное издание включены стихотворные переводы с идиш и иврита. Книга будет снабжена широким справочным аппаратом.

Как составитель буду благодарна всем, кто отзовется на «Менору» и своими пожеланиями улучшит готовящийся сборник.

* * *

В большинстве стихотворений сохранено авторское написание имен собственных, отсюда — разные формы: «Егова» — «Иегова», «Ерусалим» и «Ерушалаим», «Шалим» и т. д.

В примечаниях объясняются лишь специфические, мало знакомые широкой публике еврейские слова и понятия.

В ряде случаев приходилось давать объемные произведения в отрывках (поэмы Е. Евтушенко, И. Бродского, М. Светлова, М. Цветаевой) или выбирать из нескольких редакций текста. Предпочтение отдавалось, как правило, вариантам, не подверженным цензурным искажениям. Например, урезанные ради публикации в собрании сочинений С. Маршака стихи о Палестине печатаются по малоизвестному сборнику издательства «Сафрут» «На реках Вавилонских» (1922).

А. Колганова

НАРОД ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Я молча на колени встану,
Припомнив все наперечет —
Эпохи, города и страны,
Где похоронен мой народ.

А. Берлянт

Таит тоску тысячелетий
Разрез иерусалимских глаз.

Н. Павлович

Теряются следы в тысячелетних
скитаньях по сожженным городам.

П. Антокольский

АЛЕКСАНДР БЕРЛЯНТ

* *
*

Я молча на колени встану,
Припомнив все наперечет —
Эпохи, города и страны,
Где похоронен мой народ.

Его громили, гнали в землю
Из роскоши, из нищеты,
И эти судьбы я приемлю
И всякий раз кладу цветы.

Седые или молодые,
На склоне лет, в расцвете сил,
Мои друзья, мои родные,
Я их любил и хоронил.

Судьбу поставивши на карту,
Об стену расшибая лоб,
От преждевременных инфарктов
Они сегодня сходят в гроб.

И вновь встают сквозь стены гетто
Их погребенные мечты
На грани голубого света
И запредельной темноты.

И эта вековая участь,
Могильник плит тяжелый гнет,
Она гнетет меня и мучит,
И за собой ведет и учит,
И жить мне силы придает.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

* *
*

Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет —
И будет мрак в земном краю;
По крайней мере есть один,
Который все с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!..

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

*

СЕМИТЫ

Разомкнут горизонт, и на простор из плена
Прибоем яростным летят сыны земли.
В излогах берегов воздвигнулись кремли,
Сидона гавани и молы Карфагена.

А на глухой восток, где каменная пена
Ливанских гор горит, вся в щебенной пыли,
В горящий зноем горн упорно залегли,—
В двенадцать областей,— ревнивые колена.

Их черные глаза во глубь обращены,
Считают вихри сил в провалах глубины,
Где в темном зеркале мерцает лик Иеговы,

Где наковальнею и молотом душа
Сама в себе плотнит навечные оковы,
Вдали от вольных вод безвыходно греша.

СЕМЕН ЛИПКИН

*

СТРАННИКИ

Горе нам, так жили мы в неволе!

С рыбой мы сравнялись по здоровью,
С дохлой рыбой в обмелевшем Ниле.
Кровью мы рыдали, черной кровью,
Черной кровью воду отравили.

Горе нам, так жили мы в Египте!

Из воды, отравленной слезами,
Появился, названный Мойсеем,
Человек с железными глазами.
Был он львом, и голубем, и змеем.

Вот в пустыне мы блуждаем сорок
Лет. И вот небесный свод задымлен
Сорок лет. Но даже тот, кто зорок,
Не глядит на землю филистимлян.

Ибо идучи путем пустынным,
Научились мы другим желаньям,
Львиным рыкам, шепотам змеиным,
Голубиным жарким воркованьям.

Научились вольности беспечной,
Дикому теплу верблюжьей шеи...
Но уже встают во тьме конечной
Будущие башни Иудеи.

Горе нам, не будет больше странствий!

ОЛЬГА ЧЮМИНА

*

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХРАМА

Хвала творцу, хвала Ему и слава!
 Воспойте все хваления Ему!
 Прощает Он ходившему лукаво
 Пред Ним в грехе народу Своему.

Опять в сердцах сияет веры пламень;
 При звуке труб и пении псалмов,
 Положен вновь краеугольный камень;
 Восстанет Храм, как узник из оков.

Конец слезам, изгнанники Сиона,
 Возрадуйтесь, возвеселитесь все,
 Воздвигнется святыня Соломона
 Пред вами вновь, во всей ее красе!

Забыты скорбь, изгнание и обида,
 Поют хвалы священник и левит,
 И снова гимн ликующий Давида
 Среди толпы молящихся звучит.

Лишь плачут те о разоренном Храме,
 Кто знал его в величии былом,
 И слушают поникшие главами,
 Они в тоске ликующий псалом.

Но тонет в хоре общих ликований,
 В восторженном и шумном торжестве
 Бесследно звук их старческих рыданий,
 Как облака в лазурной синеве.

СЕМЕН ФРУТ

*

НЕСГОРАЕМЫЙ КУСТ

Еще неведомый избранник
 И стройный юноша тогда —
 Он пас в долинах Мадиямских
 Иофора пестрые стада.
 И было юноше виденье:
 Он близ Хорина увидал
 Терновый куст, огнем объятый, —
 Но куст горел и не сгорал...
 И из огня раздался голос:
 «Скажи народу Моему:
 Как ветер — тучу, Я рассею
 Его души и скорбь, и тьму;
 Я сокрушу его оковы,
 Его скорбей низвергну гнет;
 Из дома рабства в край свободы,
 Ведомый Мною, он придет...»

*

Прошли века, тысячелетья...
 Осиротел его народ
 И без пути и цели бродит
 Среди лишений и невзгод.
 Весь Божий мир пред ним раскинут
 Пустыней мрачной и глухой,
 А все горит и не сгорает
 Терновник старый и сухой —
 Горит века, тысячелетья
 И все стоит, и все растет...
 Тот дивный куст — душа народа;
 Судьба народа — пламень тот...
 И может быть, бездушным пеплом
 Давно бы стал народный дух,
 Когда б огонь его страданий,
 Огонь судьбы его потух...

ИЗГНАННИКИ

С древнееврейского

- Что спасла ты от богатства,
Разоренного врагами,
В день, когда Господня кара
Пронеслась над нами?
- О, супруг мой! В день ужасный
Из всего, чем я владела,
Шелк, парчу, ковры и бархат
Я спасти успела...
- Шелк, парча, ковры и бархат...
Ими ль будешь ты богата?
Брось в огонь ковры с парчою,
Бархат — в глубь Евфрата...
- Дочь моя! В огне, в обломках
Наша родина святая...
Чем же ты ее вспомнешь
Средь чужого края? —
- Белых лилий из долины
Под Кармельскою горою...
Не цвести им, не сребриться
Свежею росою
На лугах чужбины мрачной,
Крупным жемчугом играя
В блеске розового утра...
- Брось их, брось, родная!..
- Ты, мой сын, что взял с собою
Против дикой вражьей силы?..
- Меч и заступ: меч — для битвы,
Заступ — для могилы...
- Нет, не меч нам нужен, сын мой!
Наша сила и спасенье
Не в железе, обреченном
Ржавчине и тленью...

Для защиты от гоненья,
Для борьбы со злом и ложью
Я иное спас оружие—

Спас я Слово Божье.

Не слабеет и не вянет,
И не ржавеет то слово —
Вечно живо, вечно юно,
Вечно, вечно ново!..

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

И зорок глаз, и крепки ноги,
И посох цел... Народ родной,
Чего ж ты стал среди дороги,
Поник седую головой?
Ты не один: взгляни, толпой
К тебе твои вернулись дети...
Прими же их и всей семьей
Ты к сонму будущих столетий,
Чрез бездну мук, чрез цепь невзгод
Ступай вперед!

Вперед — под звуки старой песни.
Века грядущие зовут,
И громы нам кричат: воскресни!
И бури гимны нам поют.
И под громами, и под тучей,
На зов святой, на зов могучий —
Чрез бездну мук, чрез цепь невзгод,
Смелей, седой старик-народ,
Вперед! Вперед!

ПОРА!

За дело, работники Божьи! Пора!
Осыпалась ложных надежд мишура,
С кумиров Эдомских сошла позолота...

Не время нам раны считать,
 Не время нам тризны справлять,—
 Великая ждет нас работа.

*

Двухтысячелетний кошмар... Лютый ад...
 Оковы и тела и духа...
 Слепая вражда, как навозная муха,
 Кругом разносящая мерзостный яд...
 И в лучшие дни — лишь отбросы, объедки
 С чужого стола на пиру мертвецов...
 Среди прокаженных — особые клетки...
 Рабы — у презренных рабов...

*

Довольно! Довольно блуждать в бездорожье,
 Скорей на дорогу, работники Божьи!

*

Не умер — заглох в беспробудной глуши
 Пленительный образ народной души —
 Царевна-раба Суламита.
 Как пальма ей родственных солнечных стран,
 И гибок, и крепок девический стан.
 Царевна-раба Суламита,—
 Не снег седины у нее в волосах,
 То пепел пожаров и прах
 Мучительно долгих столетий;
 Лишь ветер свободы над ней пролетит —
 И мрамором белым чело заблестит,
 И золотом — локоны эти...
 Наш лозунг «Сион» и пароль наш «Свобода»;
 Спаяла их вечность в душе у народа.

*

Не время нам раны считать,
 Не время нам тризны справлять.
 К родной колыбели, к истокам старинным

Мы путь заповедный сначала начнем,—
Начнем муравьиным трудом,
Окончим полетом орлиным!..

*

Наш лозунг «Сион» и пароль наш «Свобода»!
Все силы, всю душу, всю жизнь — для народа!..

— — —

ДМИТРИЙ ЦЕНЗОР

* *
*

В этих глазах, потускневших от слез,
В душах, замкнутых пугливо,
Есть ли безумье желаний и грез,
Пламя тоски и порыва?
Если в тебе не угасла вполне
Гордая страсть возмущенья —
Что же ты, бледный, стоишь в стороне,
С краской стыда и смущенья?

Празднеством светлым нетленно горят
Будущей жизни чертоги.
Ты же, как нищий, потупил свой взгляд,
Молча стоишь у дороги...
Шумно струится великий поход
К двери, открытой для смелых...
Что же ты медлишь, Изгнанник-народ,
В чуждых и темных пределах?

Солнце — для тех, кто свободу любил,
Счастье — для жаждущих счастья...
Если ты жажду святую убил
В темной печали ненастья,

Если ты снова поверить не мог,—
 Лучше умри на дороге!..
 Жалких не любит безжалостный рок,
 Слабых казнит на пороге.

Время бежит, как движенье воды,—
 Время смывает былое.
 Жизни минувшей бледнеют следы,
 Мощно цветет молодое.
 Если твой дух навсегда обнищал,
 Если ты стар и бессилён,—
 Лучше умри, как разбившийся вал,
 В мраке скалистых извилин!

МИХАИЛ АБРАМОВИЧ

*

ОШЕЙНИК

Племя Сиона в тоске изнывает,
 Тщетно на время оно уповает:
 Время несет утешенье другим,
 Только не сжалится время над ним,

Выю согбенную давит ошейник,
 Давит и колет, как жесткий репейник...
 Вечна его закаленная сталь,
 Бедного племени миру не жаль.

Этот ошейник искусно сковали.
 В келье смиренной его измышляли,—
 В келье монаха, где мир и покой,
 Как зародился ты, помысел злой?

В пламени, в дыме костров и пожаров
 Сталь раскалилась от сильных ударов;
 Папа щипцами ее изогнул,
 Демон на пламя без устали дул,

Рыцари дружно рубили мечами:
 Искры взлетали до неба столбами.
 Старый законник приплелся потом,
 Сталь он отметил позорным клеймом;

Этот ошейник священным собором
 Был освящен и был назван «позором».
 «Многая лета» пропели ему,
 «Многая лета позору сему!»

ЛЕВ МЕЙ

*

ЖИДЫ

Жиды, жиды! Как дико это слово!
 Какой народ! Что шаг, то чудеса...
 Послушать их врагов — ревниво и сурово
 С высот жидам грозят святые небеса...
 Быть может,— и грозят, но разве только ныне.
 Где вера в небеса, там и небесный гром,
 А прежде без грозы народ Свой вел в пустыне
 Сам Бог то облаком, то огненным столпом.
 Теперь презренней нет, проклятей нет народа,
 Нет ни к кому такой, как к ним, жидам, вражды,
 Но там, где понят Бог и понята природа,
 Везде они — жиды, жиды, жиды!
 В Шалиме их, рукою Саваофа,
 Пророку на скрижаль начертан был закон,
 И крестным знаменем отмечена Голгофа,
 И венчаны цари: Давид и Соломон.

И на Сион к жидам сошла от Бога вера;
И святы стали все шалимские места;
И пламенной мольбой шалимская гетера
Свой испутила грех у Божьего креста...

СОФИЯ ДУБНОВА-ЭРЛИХ

*

ПАНИХИДА

Осень — время печали,
Догорают листья.
Так было — мы это знали —
Рядом с людьми умирали
Человечьи слова.

Ветер над мертвыми душами
Читал псалтырь,
И серых страниц задушенных
Росли пласты.

Бессильны, обречены,
Тлели на пепелище
Эти страницы, похищенные
У онемевшей страны.

Стерта с лица земли
Правда, живущая в слове...
Бабель, где ваша повесть,
Которую унесли?

Веет осенним ладаном,
Тленьем дышит трава...
Заупокойным обрядом
Чту я у нас украденные,
Задушенные слова...

СЕМЕН НАДСОН

* *
*

Я рос тебе чужим, отверженный народ,
и не тебе я пел в минуты вдохновенья.
Твоих преданий мир, твоей печали гнет
мне чужд, как и твои ученья.

И если б ты, как встарь, был счастлив и силен,
и если б не был ты унижен целым светом,
иным стремлением согрет и увлечен,
я б не пришел к тебе с приветом.

Но в наши дни, когда под бременем скорбей
ты гнешь чело свое и тщетно ждешь спасенья,
в те дни, когда давно название «еврей»
в устах толпы звучит как символ отверженья,

когда твои враги, как стая жадных псов,
на части рвут тебя, ругаясь над тобою,
дай скромно стать и мне в ряды твоих бойцов,
народ, обиженный судьбою!

БОРИС ЛЕСМАН

*

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Нет сил страдать, нет сил уже томиться,
И слез уж нет, и стоны замерли!..
О, дайте мне на время хоть забыться,
Жестокие мучители мои!..

Томят мой ум нерадостные думы,
Волнует грудь, грызет ее тоска,
И вечно жду чего-то я, угрюмый,
И вечно жизнь печальна и горька.

Я вечно жду,— бесплодно и напрасно! —
 Блаженство есть, но мне его не знать;
 Светла и даль, и это небо ясно,—
 Я ж должен дни ненастья коротать...

А сил уж нет! Под бременем запрета,
 Тоски и слез моя изныла грудь...
 Но я хочу простора, воли, света,—
 Я жить хочу — не здесь, так где-нибудь!..

.....

Туда, в ту даль душа моя все рвется,
 Где у тебя, бездомный мой народ,
 Под вековым бичом спина не гнется,
 Не чахнет грудь под бременем невзгод.

Но где страна та, где тот край желанный
 И где пути, ведущие туда?
 Везде, Еврей! везде ты гость незванный,
 Везде кипит и ждет тебя вражда.

Так спи ж, мечта, в душе моей унылой!..
 Напрасно все: хоть велика земля,—
 Она служить нам может лишь могилой,
 Но жить, увы! нам жить на ней нельзя...

ДМИТРИЙ ЦЕНЗОР

* *
 *

Я вернулся к тебе. Не отвергни, прости!
 Я покорен мечте неизбежной...
 Я вернулся к тебе, чтоб с тобою пойти.
 К высоте красоты неизбежной.
 О, воскресни! Пойдем к неизведанным дням,
 Освещая отставшим дорогу!
 Создадим на горах человеческий храм,
 Чтоб молиться бессмертному богу.

Если б знал я, что ты на пути вековом
 Растерял благородные силы,
 И стоишь, одряхлев, терпеливым рабом
 На краю неизбежной могилы,
 Что упал ты навек пред кумиром земным,
 Пред кумиром тельца-властелина, —
 Никогда не пришел бы я к дверям твоим
 С покаянием блудного сына!

Но, гонимый, как зверь, на кровавом пути
 Ты в душе сохранил Маккавея,
 И готов за мечту на страданье пойти,
 И пойти на костер, не бледнея...
 Но под тяжелой стопой беспощадной судьбы,
 Обессиленный рабством бесплодным,
 Ты способен восстать для великой борьбы
 Непокорным и гордо свободным.

Так иди же вперед! Будь спокоен и тверд,
 Бросив вызов земным исполинам,
 Только тот, кто могуч и возвышенно горд,
 Подойдет к лучезарным вершинам.
 И возьми всю мятежную силу мою,
 Весь полет мой к небесному своду —
 Я тебе все заветные песни спою
 И с тобою умру за свободу!!

САМУИЛ МАРШАК

*

ДВЕ ЗАРИ

Посвящается молодому еврейству

...Наш старый храм горел. Пылала вся страна,
 И ночь пред пламенем бушующим бежала
 И рамкой черною, казалось, окружала
 Картину зарева она...

Мы гибли... Впереди чернела лишь тоска...
Там ужасы Изгнанья рисовались...
За этим пламенем утрюмые века,
Как ночь без края, простирались...

Вот охватил огонь свягыню Алтаря,
Нам одинокий путь в Изгнанье освещая!..
Так, беспросветный мрак тоскливо предвещая,
Горит вечерняя заря!..

*

...А дальше ночь была... Как грозная лавина
Столетия шли... И вдруг среди груды мертвых тел
Могучий клич: «в борьбу!», как прежде прогремел.
Как прежде, вспыхнула багровая картина!..

Но кровью пламенной, как заревом, горя,
Теперь она несет спасение народа...
Теперь она встает, как яркая заря —
Заря победного восхода!..

МИХАИЛ АБРАМОВИЧ

* *
*

Ах! Званье избранного мне надоело!
До рас и вопросов какое мне дело?
Нет! Я не еврей, не еврей.

Терпеть не могу хвастовства своим родом,
Не ставлю в пример я нас прочим народам —
Друзья мои, я не еврей!

Не стану ни ползать пред сильным и знатным,
Ни бредить уделом отцов невозвратным —

Ведь я не еврей, не еврей.

О! Я сумасброд: все еще в человека
Я верю средь ужасов буйного века —

Смешно мне: какой я еврей!

Но прочь, о враги, со своим одобреньем!..
Вас встречу я смехом и гордым презреньем,

Ведь я не для вас не еврей.

Лишь вспомнится злоба бездушная ваша —
Взволнуется сердце, преполнена чаша —

И в битву! Мой лозунг: «еврей»!

За нищих, бездомных, поруганных братьев
Звучит моя песнь среди ваших проклятий! —

Для вас, о враги, я еврей!

БОРИС СЛУЦКИЙ

* * *

Созреваю или старею —
Прозреваю в себе еврея.
Я-то думал, что я пробился.
Я-то думал, что я прорвался.
Не пробился я, а разбился,
Не прорвался я, а сорвался.
Я, шагнувший ногою одною
То ли в подданство,
То ли в гражданство,
Возвращаюсь в безродье родное,
Возвращаюсь из точки в пространство.

ЮЛИЯ НЕЙМАН

*

ЕВРЕЙСКОМУ НАРОДУ

И вновь подобье прежних изобилий
 На ваших незатейливых пирах...
 Как распинали вас! Как вас дробили!
 Как превращали в пепел, пыль и прах!

Народ мой стойкий! Искорка живая,
 Упрямо рвущаяся сквозь века!
 Пусть я твоих обычаев не знаю,
 Пусть твоего не помню языка!

Но в миг решений, и всегда — в печали,
 Оно со мной — высокое родство
 Не с теми, кто «распни его!» кричали,
 А с добрыми, кто вырастил его!

О РОДОСЛОВНОЙ

Был беден и ничем не знаменит
 Мой предок — безымянный тот семит,
 Отнюдь не из разряда фарисеев.
 Он сеял хлеб. И собирал, посеяв,
 Скупую жатву. Так ему велел
 Его закон. Был прост его удел.

Но умудренный зрелыми годами
 Другими предок занялся трудами
 И стал в обитель познаванья вхож...
 ...Я вижу своды. Слышу запах кож.

Там пишет он с восхода до заката.
 Склонился низко профиль хрящеватый.
 Мессию зрит настороженный глаз,
 А ухо вопиющий слышит глас.

ВАЛЕРИЙ КРАСКО

*

АССИМИЛЯЦИЯ

Арону Марантиди

Он понял у дверей
 потерянного времени:
 не грек и не еврей —
 совсем иного племени
 была его душа,
 впотьмах, по бездорожию
 отчаянно спеша
 к безбрежному безбожию,
 и не было уже —
 в процессе восхождения —
 в ликующей душе
 тяжей «происхождения»:
 Коринф и Назарет
 в лице его растаяли,

но где-то — на заре
 Олимпа ли, Синая ли —
 двуликая душа
 от Лика отрекается —
 по-гречески греша,
 по-иудейски кается...

Д. МИТИН

*

СВЕЧИ ХАНУКИ

Свечи сиротливые, свечи молчаливые,
 Свечи одинокие, грустные, тоскливые!
 Некогда ведь пламенем ярким бушевали вы,
 Грозный мрак, удушливый, мощно разгоняли вы.
 А теперь вы жалобно в мраке притаились,
 Робким лишь мерцанием, тихие, затмились.
 Светлячки пугливые, робко вы мерцаете,
 Светите — не светите, тьмы не разгоняете.
 Грустные, печальные, скорбно-молчаливые,
 В ужасе дрожащие и во тьме пугливые.
 Свечи, свечи тихие! Вы, томясь, мерцаете,
 Старое, хорошее мне напоминаете.
 Старое, хорошее в огоньках виднеется,
 Что, по стенкам крадучись, тихо-тихо тлеются.
 И сижу я с думами, старыми, глубокими,
 Думами забытыми, думами далекими...
 А очнись: все так же вы грустно догораете,
 Точно взоры робкие на меня кидаете,
 Точно горько плачетесь, свечи сиротливые,
 На свое мерцание, вечно молчаливое.

ИВАН БУНИН

*

ДА ИСПОЛНЯТСЯ СРОКИ

Х. Н. Бялику

— Почто, о Боже, столько лет
 ты мучишь нас в пустыне знойной?
 Где правый путь? Где отчий след
 к стране родимой и спокойной?

— Мужайтесь, верные! Вперед!
Я дал вам горький лист оливы,
но слаще будет он, чем мед,
от тех, чьи руки нечестивы.

Прямые коротки пути.
Потребна скорбь, потребно время,
чтобы могло произрасти
на ниву брошенное семя.

ДОЛИНА ИОСАФАТА

Отрада смерти страждущим дана.
Вы побелели, странники, от пыли,
Среди врагов, в чужих краях вы были.
Но вот вам отдых, мир и тишина.

Гора полдненным солнцем сожжена,
Русло Кедрона ветры иссушили.
Но в прах отцов вы посохи сложили,
Вас обрела родимая страна.

В ней спят цари, пророки и левиты.
В блаженные обители ея
Всех, что в чужбине не были убиты,
Сбирает милосердный судия.

По жестким склонам каменные плиты
Стоят раскрытой Книгой Бытия.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

* *
*

В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает Библию. Седые

На книгу падают власы.
 Над колыбелию пустой
 Еврейка плачет молодая.
 Сидит в другом углу, главой
 Поникнув, молодой еврей,
 Глубоко в думу погруженный.
 В печальной хижине старушка
 Готовит позднюю трапезу.
 Старик, закрыв святую книгу,
 Застежки медные сомкнул.
 Старуха ставит бедный ужин
 На стол и всю семью зовет.
 Никто нейдет, забыв о пище.
 Текут в безмолвии часы.
 Уснуло все под сенью ночи.
 Еврейской хижины одной
 Не посетил отрадный сон.
 На колокольне городской
 Бьет полночь.— Вдруг рукой тяжелой
 Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
 Младой еврей встает и дверь
 С недоумением отворяет —
 И входит незнакомый странник.
 В его руке дорожный посох.

.....

МИХАИЛ АБРАМОВИЧ

*

ЛЕГЕНДА

Раби Папа, мудрый старец,
 Говорил темно и льстиво,—
 Прямодушен и бесстрашен
 Был великий муж Акива.

В дни, когда отяготела
Рима длань над Палестиной,
Тот вздыхал тайком, но этот
Собирал бойцов дружины.

*

В полночь раз — уже сошелся
Вождь с друзьями удалыми —
Вдруг раздался шорох — смотрят:
Раби Папа перед ними.

«О, глупцы! безумен путь ваш!»
Прошептал он, озираясь,—
«Мощен Рим по воле Божьей;
Вы ж погибнете, сражаясь...»

«Брат мой,— так прервал Акива,
Улыбнувшись несмутимо,—
Все в руке господней.
Лучше бой, чем милость Рима».

*

Мудрый раби, скорбь смирая,
В лести Риму изощрялся:
По ночам он долго плакал,
Днем он сладко улыбался.

Но не раз проконсул гордый
Вдруг бледнел за чашей пира
И взывал: «Все жив Акива,
Над главой моей секира!»

Раз взглянув на Папу мрачно,
Продолжал тиран суровый:
«Ты наскучил мне, предатель!
Ликтор, с глаз его!.. В оковы!»

*

Бренно все... Для львов могучих
Сети крепкие плетутся.
Дни бегут... Темницы двери
Вновь скрипят и раздаются —

Узнает Акиву Папа...
Грустно голову склоняя,
«Прав ты был, мой брат Акива!» —
Говорит ему, вздыхая:

«Все пути в деснице Божьей,
Все встречаются незримо,
Но блажен прямым грядущий:
Бой славней, чем милость Рима...»

ЯКОВ ГИТИН

*

РАЗБИТАЯ АРФА

Я полон звуков, полон дивной страсти,
В душе моей поет хор громких голосов;
Но им не одолеть тюрьмы постыдной власти,
И песнь моя — поток тюремно-горьких строк...

И бередит мне мозг сознание мысли жгучей,
Что в ряд певцов твоих, народ, не стану я:
Там, далеко, под ивою плакучей,
Лежит и арфа гордая моя!

Ее давно разбил мой предок побежденный
В безумной ярости, с проклятием в устах,
Когда на чуждых мрачных берегах
Со струн не мог исторгнуть песнь Сиона...

БОРИС ЗАЦ

*

ДРУГУ

Песен о радости светлых полей
В ярком потоке весенних лучей
Ждешь ты, мой друг, от меня!
Сказок весенних, как шепот цветов,
Нежно повитых гирляндой слов,
Ярких и полных огня!..

*

Видишь: народ, утомленный борьбой,
Стал на распутье, с глубокой тоской,
Как безоружный боец...
Черные тучи сгустились кругом,
Замерли стоны в безмолвье ночном,
Стоны разбитых сердец...

*

Песен не просит страдалец-народ,
Скованный игом тяжелых невзгод,
Жаждет он пламенных слов!
В громе и буре, из огненных туч,
Снова чтоб грянул, велик и могуч,
Грозный божественный Зов!

*

Сказок весенних, как шепот цветов,
Нежно повитых гирляндами слов,
Ты от поэта не жди,
Если стоит на распутии народ,
Жалкий, согбенный под игом невзгод,
С ужасом мертвым в груди...

ДАВИД ГЛИКМАН

*

ПРАЗДНИК ТОРЫ

Бывало, в давно минувшие годы
На праздник торжественный Торы святой
Спешил Иудей, как на праздник свободы,
Чист мыслью и светел душой.

Тимпанов и лютней зазорные звуки
Сливались с песнями жен и детей,
В любовном пожатии сплетались руки
Под небом родимым полей...

Бывала ль полней и прекраснее радость,
Когда на свободе Отчизны родной
Спокойная старость и резвая младость
Сливались в мысли одной?

Не в мелочной мысли о ложной тревоге,
В дневной суете погрязавших людей,
Но в мысли о правде, о чести, о Боге,
О славе Отчизны своей!

.....

Умчались, как сказка, счастливые годы,
Как тягостный сон, потянулись века,
И пылью развеяла праздник свободы
Сурового рабства рука!..

Не родины милой живые напевы
С тимпанов и лютней задорно звучат,
Не жены Сиона, не юные девы
Наш праздник священный живут.

Не в братском пожатии сплетаются руки:
Толпой беззащитных, угрюмых рабов
На празднике злобы, на празднике муки
Пируем мы много веков!

Чужого веселья незваные гости,
Как стая голодных, отверженных псов,
Мы жадно глодаем забытые кости,
Остатки господских пиров...

И в пляске безумной, вином опьянены,
Покорные року, прощая врагов,
Мы все забываем — и цепи, и стоны,
И кости погибших отцов...

О, братья!.. Безумцы!.. Слепцы! — Заглушите
Бессмысленный голос веселья в груди!
О, братья, в минувшее глубже взгляните
И в то, что вас ждет впереди!..

Разбейте бокалы веселости праздной!
Срывайте уборы с преступных голов!
На братской могиле ваш пир безобразный
В преддверье грядущих гробов!..

Довольно! Минули века ослепленья!
 Довольно, как жертвы, без слов умирать!
 Раб хочет свободы! Весь ужас паденья постиг он
 Постиг он! Довольно молчать!..

Вперед!

И на празднике Торы священной
 Угасшая древность пусть встанет на миг,
 И все мы сольемся в один вдохновенный
 Навеянный Торою клик!

Презренны, кто продал свободу родную
 За цепи из золота нашим врагам,
 Кто веру отцов променял на чужую,
 Изменники Богу и нам!..

Кто вечно трепещет, душой лицемерен,
 Кто рабства позорной дорогой идет.
 Но тот, кто бесстрашно Израилю верен,
 Кто любит свой бедный народ,

В ком сердце исполнено скорби народной,
 Кто мыслью и чувством бесхитростно прям,
 Кто радостно с нами дорогой свободной
 Пойдет, не покорный цепям,

Тот с нами пусть чашу пенящейся влаги
 По праву подымет! Пусть льются струи
 Во имя свободы, борьбы и отваги,
 Во имя народной любви!

БОРИС ЗАЦ

* *
*

Всюду тучи... Будто небо
Не сверкало синевой,
Будто солнце не смеялось
В колыбели голубой!

Все молчит... Как будто вечно
Здесь царила тишина,
Будто гневом и страданьем
Не кипела здесь душа!

Те знамена, что недавно
Развевались над толпой,
Позабыты, точно ужас
Их окутал пеленой!

Где мечты о возрожденье,
Что лелеял мой народ?
Иль страданья позабыты?
Или найден им исход?

Не рассеять мрака ночи
Неподвижностью и сном!..
Не склонится враг суровый
Пред униженным рабом!..

ДОВИД КНУТ

* *
*

Я,
Довид-Ари бен Меир,
Сын Меира — Кто — Просвещает — Тьмы,
Рожденный у подножия Ивелиса,

В краю обильном скудной мамалыги,
 Овечьих брынз и острых качкавалов,
 В краю лесов, бугаев крепкоудых,
 Где, средь степей и рыжей кукурузы,
 Еще кочуют дымные костры
 И таборы цыган.

Я,
 Довид-Ари бен Меир,
 Кто отроком пел гневному Саулу,
 Кто дал
 Израиля мятежным сыновьям
 Шестиконечный щит;

Я,
 Довид-Ари бен Меир,
 Чей пращ исторг
 Предсмертные проклятья Голиафа,—
 Того, от чьей ступни дрожали горы —
 Пришел в ваш стан учиться вашим песням,
 Но вскоре вам скажу
 Мою.

Я помню все:
 Пустыни Ханаана,
 Пески и финики горячей Палестины,
 Гортанный стон арабских караванов,
 Ливанский кедр и скуку древних стен
 Святого Ерушалайми.

И страшный час:
 Обвал, и треск, и грохоты Синая,
 Когда в огне разверзлось с громом небо
 И в чугунах отягощенных туч
 Возник, тугой, и в мареве глядел
 На тлю заблудшую, что корчилась в песке,
 Тяжелый глаз владыки — Адоная.

Я помню все: скорбь вавилонских рек,
 И скрип телег, и дребезги кинор,
 И дым, и вонь отцовской бакалейки,—
 Айва, халва, чеснок и папушой,—
 Где я стерег от пальцев молдаван
 Заплесневелые рогаи и тарань.

Я,
 Довид-Ари бен Меир,
 Тысячелетия бродившее вино,
 Остановился на песке путей,
 Чтобы сказать вам, братья, слово
 Про тяжкий груз любви и тоски —
 Блаженный груз моих тысячелетий.

БОРИС ЛЕСМАН

* *
 *

Верь: настанет блаженное время, родной,
 Когда, полный великих стремлений,
 Ты воспрянешь могучей, гранитной скалой
 Над глубокою бездной гонений.
 Дни настанут — и сильным, и смелым орлом,
 Вольно маша своими крылами,
 Ты взовьешься высоко в сиянье святом,
 Золотыми облитый лучами.

И божественный свет, исходя от тебя,
 Над землю потоком прольется,
 И, над тьмой торжествуя, искрясь и горя,
 Заалет на небе дней новых заря,
 К жизни новой все в мире проснется.

И настанут века всепобедной любви,
И под сению братства и мира,
Раскрывая друг другу объятия свои,
Заживут все, как дети единой семьи,
В эти дни обновления мира...

Верь, народ мой: Заря эта скоро блеснет,—
Не столетья — промчатся лишь годы:
Новой, свежую жизнью с Востока пахнет —
И, весь мир обвивая лучами, взойдет
Солнце Правды, Любви и Свободы...

НЕДАРОМ

Недаром из тьмы роковых унижений,
Из мрака тяжелых невзгод
Спас чудом тебя твой божественный гений,
Великий страдалец-народ!

Недаром твой дух так могуч и так крепок,
И гордые силы твои
От самых корней вековых и до веток
Так юны. Так гибко-свежи.

Недаром ты блещешь немеркнувшей славой
В укор своим ярим врагам
И, полный надежд, головой величавой
Киваешь грядущим векам,—

Недаром, народ мой! Твое назначенье
Для нас непонятно, но тот,
Кому не опасен закон разрушенья,
Недаром под солнцем живет...

ФЕОФАН ШИПУЛИНСКИЙ

*

НАРОДУ-ДРУГУ

Ты — мой народ. Из племени чужого
Прими меня в семью твоих детей:
И я, как ты, — избранник Иеговы,
И я, как ты, — изгнанник меж людей.

В своей душе заветные скрижали
Средь бедствий голуса мы верно сберегли.
Нас ненависть, вражда, презренье окружали, —
Из края в край гонимые бежали,
Но избежать гонений не могли.

Мы лишены земли обетованной.
У нас был храм — теперь разрушен храм.
И скорбные мы ждем тот день желанный,
Когда наш Бог вернется снова к нам.

Гонимы мы с тобой одной судьбою.
И я твои страдания терплю.
Вот отчего я близок так с тобою.
Вот отчего я так тебя люблю.

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

*

ИУДЕИ

Народ, чье имя — отгулье Иуды,
Влачащий на себе его судьбу, —
О, не в твоём ли замкнутом гробу
Созрели пламенеющие руды?

Не там ли Бог сокрыл свою трубу,
Чей вопль сметет последние запруды,
Когда на суд прихлынут трупов груды
И гордый царь поклонится рабу?

Народ! Влачи звенящие оковы:
Ты избран повелением Иеговы
Распространить священные лучи.

И миру благовествуя спасенье,
Иди! Иди закланцем отпущенья
И о своем страдании — молчи.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

*

ЕВРЕЙСКОМУ НАРОДУ

Народ, ведущий род от Авраама,
Когда-то мощный и большой народ,
Пахал ты землю долго и упрямо,
Трудясь над нивами из года в год.
Ты был народом юным и веселым
В своих родных и вспаханных полях,
Раскинувшись по плодоносным долам,
В росой сверкавших пальмовых шатрах.
Но недовольный избранным уделом,
Покинув пастбища и отчий дом,
Побрел ты нищий по чужим пределам
И сделался пришельцем и рабом.

Всегда униженный, гонимый,
Под тяжким бременем забот,
Ты шествуешь едва терпимый,
Бессильный и большой народ.

Ты столько выдержал позора,
 Костров, изгнаний и тюрьмы.
 Тебя боятся, точно мора,
 И сторонятся, как чумы.
 Пришелец жалкий и убогий,
 Ко всем народам ты привык,
 Забывши об еврейском Боге
 И потеряв родной язык.

Ты больше не взрываешь нивы,
 Не стережешь стада овец.
 В своей лавчонке боязливый
 Ты ныне жадный торговец?
 Старик, ослепший и злосчастный,
 Рожденный некогда в полях,
 Ты умираешь ежечасно
 В неумолимых городах.
 Лишенный нив, среди душных сводов,
 Стеною крепкой обнесен,
 Рождая немощных уродов
 От вырождающихся жен,
 Еврей, ты раб у всех народов,
 Ты парий между всех племен!

Ты здесь не нужен, пришлый и гонимый,
 Сбери своих расслабленных детей,
 Уйди к родным полям Иерусалима,
 Где счастье знал ты в юности своей.
 Увидишь ты покинутые нивы,
 И снова двинешь заржавелый плуг.
 Быть может, там под ветками оливы
 Ты отдохнешь от долголетних мук.
 И если должен ты погибнуть вскоре,
 Умри не здесь, среди чужих полей,
 А там, где видел ты иные зори,
 Где счастье знал ты в юности своей.

* *
*

Евреи, с вами жить не в силах,
Чуждаясь, ненавидя вас,
В скитаньях долгих и унылых
Я прихожу к вам всякий раз.
Во мне рождает изумленье
И ваша стойкость, и терпенье,
И необычная судьба,
Судьба скитальца и раба.
Отравлен я еврейской кровью,
И где-то в сумрачной глуши
Моей блуждающей души
Я к вам таю любовь сыновью,
И в час унылый, в час скорбей
Я чувствую, что я еврей!

ЗИНАИДА ГИППИУС

*

АДОНАИ

Твои народы вопиют: доколь?
Твои народы с севера и юга.
Иль ты еще не утолен? Позволь
Сынам земли не убивать друг друга!

Не ты ль разбил скрижальные слова,
Готовя землю для иного сева?
И вот опять, опять ты — Иегова,
Кровавый бог отмщения и гнева!

Ты розлил дым и пламя по морям,
Водою алою одел ты сушу.
Ты губишь плоть... Но, Боже, матерям —
Твое оружие проходит душу!

Ужели не довольно было Той,
Что под крестом тогда стояла, рано?
Нет, не для нас, но для Нее, Одной,
Железо вынь из материнской раны!

О, прикоснись к дымно-багровой мгле
Не древнею грозою, а — Любовью.
Отец, Отец! Склонись к твоей земле:
Она пропитана сыновней кровью.

ЯКОВ ГОДИН

*

ПОЭЗИЯ ПЕЧАЛИ

Сонет

Я чуткий жрец поэзии печали
И робким братьям трепетно несу
Усталых слез горячую росу,
Тревожных дум тоскливые скрижали...
Мои отцы томились и страдали,
Их песни — плач забытого в лесу,
И скорбных песен скорбную красу
Они унылым внукам завещали...
И в тихий час, в вечерний тихий час,
Когда лазурь глядит миллионом глаз
На красоту застывшего залива —
Во мне трепещет страстною игрой
Вечерних песен сумеречный рой,
Бессильных песен, плачущих тоскливо!..

Л. ДЫМШИЦ

*

В СИНАГОГЕ

В старой синагоге сумерки витают.
Под высоким сводом притаилась тень.
Пурпуром прозрачным блики догорают,
Шлет улыбку, рдея, догоревший день...

Сумрачно, печально... Лишь струится шепот
Вековечных жалоб, стонов и молитв,
Как волны прибоя отдаленный ропот:
Отклики страданий и тяжелых битв...

Восковые свечи... В их мерцаньи сонном
Чары дней далеких, позабытых снов,
Древние молитвы реют над амвоном,
Мысли улетают от земных оков...

Старые виденья, грустное былое.
В дымке позабытых и неясных грез...
Но за ними детство, чистое, святое;
Трепет первой веры, сладость детских слез...

АЛЕКСЕЙ ХОМЯКОВ

* *
*

«Мы род избранный,— говорили
Сиона дети в старину.—
Нам божьи громы осушили
Морей волнистых глубину.

Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,
И дым и огонь, как божье знамя,
В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса,
Для нас закон, у нас пророки,
В нас Божьей силы чудеса".

Не терпит Бог людской гордыни;
Не с теми он, кто говорит:
«Мы соль земли, мы столб святыни,
Мы Божий меч, мы Божий щит!»

Не с теми он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком
И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия;

Но с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил;

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм!

ДМИТРИЙ ЦЕНЗОР

*

ИЗ ЦИКЛА «СТАРОЕ ГЕТТО»

Нависли сумерки. Таинственны и строги
Пустые улицы. Им снится даль времен.
И только иногда, смущая мутный сон,
Спешит по ним еврей — дитя земной тревоги.

Брожу у ветхих стен угрюмой синагоги —
И слышу пение унылое, как стон...
Здесь тени скорбные глядят со всех сторон, —
О, как бледны они, измучены, убоги!

Здесь реют призраки кровавых темных лет
И молят жалобно и гонятся вослед
Испуганной мечте... Сгустилась тьма ночная.

И гетто старое мне шепчет, засыпая:
«Возьми моих детей... Им нужен вольный свет.
Им душно, душно здесь... Темна их доля злая...»

СЕМЕН ФРУГ

*

МУДРЕЦ И НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Трак. «Таанис» XXIV

Мне дорога святая сень —
Тот светлый храм, венчаный славой,
Где осиял, как яркий день,
Мне разум гений величавый.

Но и дороже, и милей
 Мне память ранних детских дней;
 Как живы, ясны предо мною
 Ряды невинных школьных сцен:
 И стол с изрезанной доскою,
 И полки с книгами вдоль стен,
 И в ореоле полубога
 Наставник старый за столом —
 С седой главой, с поднятым строго
 И вразумительно перстом;
 И мудрой речи звук протяжный,
 И взор приветливый, но важный...
 О, юность милая моя,
 Мой рай, угасший без возврата!..
 Садитесь, дети, вокруг меня,
 И расскажу вам сказку я
 Глубокой древности:

Когда-то

Среди полей Святой Земли
 Бездожде долгое стояло;
 Колосья бедные в пыли
 Томило засухою. Вяло
 Висел на ветвях чахлый плод...
 И вот из сёл с бедой своею
 Пришел измученный народ
 к святому равви-чудодею:
 «Внемли мольбам твоих рабов:
 У Бога-мести, Бога-гнева
 Проси прохлады для садов,
 Дождя для нашего посева!»...
 Толпою пестрой окружен,
 Сияя мудростью и славой,
 Им внемлет старец величавый.
 На холм высокий всходит он,
 Стоит, простерши к небу руки,—
 И упоительные звуки,
 Хваля и славя Божество,

Текут из сладких уст его.
 Святых псалмов молениям жарким
 Литавры вторят звоном ярким;
 Кафельниц мягкий аромат
 По нивам стелется волнисто...
 Но даль ясна, но небо чисто;
 Как прежде, знойные, палат
 Бессильно вянущее поле,
 Сады, долины и леса,
 И утешенья горькой доле
 Не шлют немые небеса...

*

Но кто это — в скромной одежде, в пыли,
 Чужой и безвестный, выходит вдали
 Из задних рядов пред толпой преклоненной?
 С молитвою краткой, с молитвой простой
 Он взор поднимает к лазури немой,
 И — чудо! — мольбе его краткой внимая,
 Свершает великое власть неземная:
 «Господь, направляющий ветры, внимли!»
 И ветер поднялся с иссохшей земли.
 «Господь, насыщающий влагою тучи!»
 И тучи сгустились в лазури горючей.
 «Господь, орошающий землю дождем!»
 И рощи, сады и поля орошая,
 Потоками хлынула влага живая...
 И крики восторга в порыве одном
 Слились, беспредельную ширь оглашая...

*

Народ спешит со всех сторон,
 Кумиру новому готовый
 Возжечь алтарь... Но кто же он,
 Избранник славный Иеговы?

И говорит старик суровый:
 «Скажи нам, кто ты, для чудес
 Представший ныне перед нами?
 Пророк ли, в хартии небес
 Прозревший светлыми очами?
 Господних скиний строгий жрец?
 Святой подвижник иль мудрец,
 Могучий мыслью своевольной?..»
 Но тот премудрому в ответ:
 «Пророк... Подвижник... Жрец... О, нет!
 Нет, равви: я — учитель школьный».
 «Но чем Небесному Царю
 Ты стал угоден?»...

«Чем? не знаю.

Учу детей по букварю
 И никогда не различаю
 Меж богачом и бедняком,
 Меж господином и рабом,—
 И всей душою день за днем
 За то Творца благословляю»...

ЮРИЙ АЙХЕНВАЛЬД

*

ДИАЛОГ О ВЕЧНОМ ЖИДЕ

Из цикла «Песенки из долговой ямы»

Поют. И пьют. И бьют.
 Уют!
 Гуляют. Весело живут.
 А рядом, здесь, двадцатый век,
 Всех девятнадцати — наследник,
 Обходит, ищет:

Собеседник,
 Ровесник нужен, человек.
 — Ты?
 — Я с семнадцатого года.
 — А ты?
 — С двадцать седьмого года.
 — А кто от Рождества Христова?
 — Никто от Рождества Христова,
 Ищите вечного жида.
 — Где вечный жид?
 — Ах, вечный жид!
 Убит. Расстрелян. Арестован.
 Во рву под Киевом лежит.
 — Но разве на земле забыты
 Умерших скорби и заботы,
 И разве их всегда, всегда
 Один за всех не вспомнит кто-то?
 Ты?
 — Я с семнадцатого года.
 — А раньше?
 — Раньше было что-то...
 Ищите вечного жида!

СЕМЕН ЛИПКИН

* *
 *

Присягаю песенке пастушьей
 Около зеленого холма,
 Потому что говорит мне: «Слушай
 Отзвуки Давидова псалма».

Присягаю выпренному слогу,
 Потому что по земле иду.
 В том саду, где Бог молился Богу,
 И цветы сияют в том саду.

Присягаю ночи заполярной,
Движущейся, может быть, ко мне,
Потому что вижу свет нетварный
В каждом пробуждающемся дне.

ВЛАДИМИР ЖАБОТИНСКИЙ

*

НЕСPÊD

Он не угас, как древле Моисей,
на берегу земли обетованной;
он не довел до родины желанной
ее вдали тоскующих детей;
он сжег себя, и жизнь отдал святыне,
и «не забыл тебя, Ерусалим»,—
но не дошел, и пел еще в пустыне,
и в лучший день родимой Палестине
мы только прах трибуна предадим...

И понял я загадку странных слов,
поведанных в Агаде Бен-Барханой,—
что погребен пустынею песчаной
не только род трусливых беглецов,
ничтожный род, рабы, в чей дух и спины
вожгла клеймо египетская плеть,—
но кроме них среди немой равнины
в сухом песке зарыты исполины,
их сердце — сталь, и тело их — как медь.

Да, понял я сказанье мудреца:
весь мир костями нашими усеяв,
не сорок лет, а сорок юбилеев
блуждаем мы в пустыне без конца;

и не раба, вскормленного бичами,
 зарыли мы в сухой чужой земле:
 то был титан с гранитными плечами,
 то был орел с орлиными очами,
 с орлиною печалью на челе.

И был он горд, и мощен, и высок,
 и зов его гремел, как звон металла,
 и прогремел: во что бы то ни стало!
 и нас повел вперед и на восток,
 и дивно пел о жизни, полной света,
 в ином краю, свободном и своем,—
 и днем конца был день его расцвета,
 и грянул гром, и песня не допета...
 Но за него мы песню допоем!

Пусть мы сгнием под муками ярма,
 и вихрь умчит клочки священной Торы;
 пусть сыновья уйдут в ночные воров,
 и дочери в позорные дома,
 и в мерзости наставниками людям
 да станем мы в тот черный день и час,
 когда тебя и песнь твою забудем
 и посрадим погибшего за нас...

Твой голос был, как манна с облаков,
 и без него томит нас скорбь и голод;
 из рук твоих упал могучий молот —
 но грянем мы в сто тысяч молотков,
 и стихнет скорбь от их живого гула,
 и голод наш умрет среди разгула
 и пиршества работы напролом:
 мы прогрызем утесы на дороге,
 мы проползем, где нам изменят ноги,
 но — *chaj ha Shêm!* — песню допоем.

Так в оны дни отец наш Израиль
 свой стан привел к родимому порогу —

и преградил сам Бог ему дорогу
и бился с ним, но Яков победил.
Грозою нас, как листья, разметало,
но мы твои потомки, Богобор:
мы победим «во что бы то ни стало»—
пусть Божий меч на страже перевала,
но мы пройдем ему наперекор!

Спи, наш орел, наш царственный трибун.
Настанет день — услышишь гул похода,
и скрип телег, и гром шагов народа,
и шум знамен, и звон веселых струн;
и в этот день от Дана до Баршевы
благословит спасителя народ,
и запоют свободные напевы,
и поведут в Сионе наши девы
перед твоей гробницей хоровод...

ЛЕВ ДРУСКИН

* *
* *

...Выручить их — их, нас, меня —
могло только чудо. И оно сверши-
лось: 5 марта 1953 года умер Сталин.

В тот день я — неверующий чело-
век — написал стихи:

Мелькает огонек зеленый,
И машинист угрюмо ждет,
Пока рассадят по вагонам
Тот Богом проклятый народ.
Но Ягве на расправу бурям
Не даст народа своего,
И умирает в ночь на Пурим,
Кто руку поднял на него.

ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ

* *
*

...И вновь, как седые евреи,
воскликнем, надеждой палимы,
и голос сорвется, слабея:
«На будущий — в Ерусалиме!»

Тюремные кружки содвинув,
осушим их, чокнувшись прежде.
Ты смыслишь ли что-либо в винах?
Нет слаще вина надежды!

Товарищ мой! Будь веселее!
Питаясь перловкой, не манной,
мы все ж, как седые евреи,
в свой край верим обетованный.

Такая уж вот порода!
Замучены, нищи, гонимы,
все ж скажем в ночь Нового года:
«На будущий — в Ерусалиме!»

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

* *
*

Эта ночь непоправима,
А у вас еще светло!
У ворот Ерусалима
Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнее —
Баю-баюшки-баю.
В светлом храме иудей
Хоронили мать мою!

Благодати не имея
И священства лишены,
В светлом храме иудей
Отпевали прах жены;

И над матерью звенели
Голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели,
Черным солнцем осиян!

ЛЕВ ЯФФЕ

*

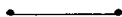
ЕВРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

Лепечут детские уста,
И каждый звук, как вешний лепет,
Как счастья вешняя мечта,
В душе рождает новый трепет...

Мне в душу радостно проник
Ребенка голос нежный, звонкий,—
Звучит воскресший наш язык...
Сияют детские глазенки.

В глазенках этих голубых
Я вижу будущее наше,
В них блеск зари времен иных
Светлей, свободнее и краше!

Как много в звуках этих есть —
Свободных, сильных, вдаль зовущих,—
Звучит в них благостная весть
Страны родной, времен грядущих!..

БОРИС СЛУЦКИЙ

*

ГЕБРАИЗМЫ

Все пропало.
Осталось токмо
Слово «хала»
И слово «хохма».
Обменяли хохму на халы,
Обменяли мудрость на хлеб
И пропали.
Повысыхали,
Словно пятна дождя на земле.

РОДСТВЕННИКИ ХРИСТА

Что же они сделали
с родственниками Христа?
Что же с ними сделали?
В письменных источниках не найдешь ни черта,
прочерки, пустота.
Что же с ними сделали?

До седьмого колена, как считалось тогда,
тетки, дядья, двоюродные дядья,
троюродные дядья,
племянники, племянницы,
кто там еще вспомнется.

Что же с ними случилось, когда пришла беда?
Куда девалась семья?
Куда исчезла семья?
Ведь почти всегда
хоть кто-нибудь да останется.

Племянники Магомета предъявили права
и получили с лихвою.

История, которая перед ними была не права,
с повинною головою
пришла и заявила, что была не права.

Однако никто не знает про родственников Христа,
Иисуса Назаретянина, казненного в Иерусалиме.
Анналы — не поминают.

Хотя бы единое имя
осталось бы, уцелело от родственников Христа.

Что же они сделали

с жителями простыми,
мелкими ремесленниками и тружениками земли?
Может быть, всех собрали в близлежащей пустыне,
выставили пулеметы и сразу всех посекли?

Так или иначе, век или два спустя
никто не взимал убытки, никто не взывал о мести.
Полная реабилитация Иисуса Христа
не вызвала реабилитации членов его семейства.

И вот цветы прорастают из р. Христа.
И вот глубина под ними, над ними — высота.
А в мировой истории не занимают места
родственники Христа.

СЕМЕН ЛИПКИН

*

ОДЕССКАЯ СИНАГОГА

Обшарпанные стены,
Угрюмый, грязный вход.
На верхотуре где-то
Над скинией завета
Мяучит кот.

Раввин каштаноглазый —
 Как хитрое дитя.
 Он в сюртуке потертом
 И может спорить с чертом
 Полушутя.

Сегодня праздник Торы,
 Но мало прихожан.
 Их лица — как скрижали
 Корысти и печали...
 И здесь обман?

И здесь бояться надо
 Унылых стукачей?
 Шум, разговор банальный,
 Трепещет поминальный
 Огонь свечей.

Но вот несут святыню —
 И дрогнули сердца.
 В том бархате линиялом —
 Все, ставшее началом,
 И нет конца!
 Целуют отгрешенно,
 И плача, и смеясь,
 Не золотые слитки,
 А заповедей свитки,
 Суть, смысл и связь.

Ты видишь их, о Боже,
 Свершающих круги?
 Я только лишь прохожий,
 Но помоги мне, Боже,
 О, помоги!

САМУИЛ МАРШАК

*

МЕНДЕЛЕ

Обитель для изгнанников.
Для юных и для старых.
По шестеро, по семеро
Лежат они на нарах.

Меж ними мать печальная —
Вдова с пятью детьми.
И старший в роде — Менделе,
Мальчишка лет семи.

У Менделе, у Менделе
Веселые глазенки,
И голосок у Менделе
Смеющийся и звонкий.

— Шалить не место, Менделе,
Не время хохотать. —
И часто, часто мальчика
Зовет с укором мать.

Проснется ночью Гершеле,
Кричит он благим матом.
За ним проснется Ривеле
И плачет вместе с братом.

Берет тут мама Гершеле.
Возьмет его к груди
И просит: «Полно, доченька,
Соседей не буди».

Не слышит криков Менделе,
Спокойно спит в сторонке,
Прикрытый шалью рваной,
Раскинувши ручонки.

У мамы и на родине —
 Ни дома, ни двора.
 И все ее имущество —
 Вот эта детвора.

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ

*

ЕВРЕЙКА

Еврейка смеется в ночном ресторане,
 Бокал за высокое горло берет.
 Слова осужденья сурово чеканя,
 Надменно кривится опасливый рот.

И молча — так осенью смотрит волчица —
 Взирает с бесстрастной тоской, свысока...
 Улыбчивый камень на пальце лучится,
 И веет духами в чаду кабака.

Что мне этот взгляд, недреманно и сонно
 Скользнувший по зыби вселенского зла,
 Широкие бедра шинка и Сиона,
 Лоза вертограда, Треблинки зола?

Лазутчицы четкость и желчь секретарши...
 Заносчиво курит, приветливо ест.
 Зачем же мне грезится жезл патриарший,
 Пылающий куст и чернеющий крест?

Немые молитвы о нищенской манне,
 Века и кружение душное толп.

Ведь мы заблудились. И что там в тумане —
 Телец золотой или огненный столп?!

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

* *
*

Жил Александр Герцевич,
Еврейский музыкант.
Он Шуберта наворачивал,
Как чистый бриллиант.

И всласть, с утра до вечера,
Заученную вхруст
Одну сонату вечную
Играл он наизусть.

Что, Александр Герцевич,
На улице темно?
Брось, Александр Сердцевич,—
Чего там! Все равно!

Пускай там итальяночка,
Покуда снег хрустит,
На узеньких на саночках
За Шубертом летит:

Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
Там хоть вороньей шубою
На вешалке висеть...

Все, Александр Герцевич,
Заверчено давно.
Брось, Александр Скерцевич,
Чего там! Все равно!

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

*

ЧАСОВЩИК

Зимний день светил в окошко скупю.
Я издрэг — пришел издалека.
...Лобзик, сверла, верстачок и лупа,—
Оловянный глаз часовщика.

Мучила какая-то забота,
Тягостью большой обременя.
Жаловался я, а он работал,
Слушая внимательно меня.

А потом, замученный рассказом,
В огорченные мои глаза
Заглянул своим стеклянным глазом
И, качая головой, сказал:

— Вы в скитаньях — маленькие дети,
Нам бы вечный сетовать черед,
Ибо скоро два тысячелетья,
Как рассеян избранный народ.

Обмелело, расплескалось море,
Но все так же солоно оно:
Наше горе, это наше горе,
Лишь тысячелетнее оно.

И в трущобах всякого изгнания
С нищетой лохмотьев и прорех,
Слышен голос древнего рыданья
С тростниковых вавилонских рек.

И умолк. И на металл направил
Острие скрипящего резца...
Был лобастый, как апостол Павел,
Часовщик с глазами мудреца.

САРРА ПОГРЕБ

* *
*

Как славно подгонять к строке
строку.

Есть где-то взгляд и внемлющее
ухо.

Боюсь, без зренья этого и слуха
Мне снилась бы веревка на суку.
Случайно фильм прокрутится назад,
И полыхнет последнее объятье.
На полуслове замолчу некстати,
И люди удивленно поглядят.
За той рекой туманятся поля.
Смысл облетел.

Остыли угли чуда,
И огорчают только шекеля,
Которых Боре не послать оттуда.

В. ЛЕБЕДЕВ

*

КАВКАЗСКИЙ ЕВРЕЙ

Века, века прошли с тех пор,
Когда беглец из Палестины
Завидел снег Кавказских гор
И знойной Грузии долины;

С тех пор, когда судьбой гоним
И жгучей скорбью отуманен,
Но Богом Библии храним,
Сюда пришел Израильтянин.

Его тоскующей душе
 Был дик и чуден вид природы,
 В его убогом шалаше
 Пахнуло веяньем свободы...

Приветлив был счастливый юг,
 И рад был гость трудолюбивый
 Изведать мощь рабочих рук
 Над колосящеюся нивой.

Народ Израиля расцвел
 Под земледельческой кровлей;
 Не омрачался тихий дол
 Крикливой, суетной торговлей.

Израиль пас свои стада,
 Сбирал, как встарь, плоды земные —
 И помнил, помнил он всегда
 Заветы праотцев святые...

И здесь, в ликующей стране,
 Скиталец, изгнанный донине,
 Не позабыл о старине,
 О сердцу милой Палестине.

Сменил одежду и язык
 Он на наряд и говор местный,
 Он привязался, он привык
 К стране приветливо-чудесной...

Но жив он верою отцов,
 По ней не справил робкой тризны —
 И палестинских беглецов
 Соединяет дух отчизны!

*

Сон этот с радостью новой мне вспомнился ныне.
 Вестник отрадный звучит с вышей печальных Сиона:
 Книгохранилище, скиния слова живого,
 Скиния мысли бессмертной воздвигнута там.
 Прахом покрыты развалины нашей Святыни;
 Храм наш руиною стал, — книга лишь, книга одна
 Все достояние наше... Впишите же, братья,
 В свиток, лежащий пред нами, свои имена,
 В свиток, в котором записано все, что донныне
 За восемнадцать веков создано духом народным,
 Мыслью, и в рабских цепях вольной, как вольная
 птица,
 Мыслью, как солнце, горевшей во тьме вековой
 И согревавшей сердца верою животворящей...
 Не ароматы востока, не мирру, и нард,
 Не фимиам для треножников пышных, а книгу,
 Книгу пожертвуйте, братья, в хранилище это, —
 Книгу, подобную горлице, жертве убогих,
 Но дорогую стократ более, чем приношенья
 Всех богатейших князей и старейшин народных;
 И, посылая Сиону дар этот радостный, верьте --
 Жертву сыновнюю Вашу примет с любовью Господь.

АНАТОЛИЙ КОБЕНКОВ

*

ВИЗИТ

Тетя Нехама уселась
 на чемодан и сказала:
 — Здравствуйте, я ваша тетя!—
 А дядя Ефим сказал:
 — Допустим, вы наша тетя,
 но чем вы докажете это?—

А дедушка Лейб согласился:
— Должен быть документ.

Тетя всплеснула руками
и закричала:

— Мерзавцы,
биндюжники, мародеры,
я ваша тетя, и все!

— Это другое дело, —
сказала бабушка Эстер.
— С этого бы и начинали, —
дядя Ицик сказал.

И все закричали «вейзмир»,
бросились к тете Нехаме,
стали кричать и плакать
на несколько лет вперед —
ровно настолько,

насколько
смерть была терпелива.
Потом она тоже сказала:
— Я ваша тетя, и все!..

СЕМЕН ФРУГ

*

ОБЩИЙ ПРАЗДНИК

По «Debarim Rabba»

I

Раби Иошуе-бен-Кархи
Юный патриций сказал:
«Рабби, я был в вашем храме,
Вашим левитам внимал —

Слушал их стройные гимны,
 Видел, как сонмы жрецов
 Жгли благовонные травы,
 Тучных кололи тельцов;
 В синем дыму от курильниц,
 В ярком сиянье огней
 Девушки розы кидали
 По ступеням алтарей...
 Рабби, я там не молился,
 Внемя мне чуждым богам,
 Чтоб испросить у бессмертных
 Милости их и любви,
 В храмы родного мне Рима
 Жертвы несу я свои...
 Да. Но когда я безмолвно
 В вашем чертоге стоял,
 Гений печали мне душу
 Грустною думой смущал.
 Думал: израильтянин,
 Римлянин, эллин и гот —
 Каждый особому богу
 Дар и молитву несет...
 Солнце одно над вселенной;
 Небо над нами одно;
 Всех нас единое в мире
 Жизни питает зерно;
 Праздники ж — разные наши,
 Разные храмы у нас.
 Мудрый учитель, скажи мне,
 Скоро ль наступит наш час
 Общего братства и дружбы,
 Радостей общих, когда
 Все племена и народы,
 После забот и труда,
 С форумов шумных, из цирков,
 С гаваней, с мирных долин
 В храме едином сойдутся
 Праздновать праздник один?»

II

Кроткой, грустною улыбкой
 Улыбнулся старый раввин
 И сказал он: «Посмотри:
 Как светло и чисто небо,
 Как прозрачен, как спокоен
 Золотистый свет зари.
 Завтра будет день прекрасный;
 Завтра шумными толпами
 Выйдут жрицы на поля;
 Песней звонкой, песней общей
 Огласится на раздолье
 Плодоносная земля.
 Виноградари сойдутся
 К холодильникам, к точилам
 На отрадные труды;
 Песней звонкой, песней общей
 Огласятся до заката
 Благовонные сады.
 Пастухи под звук свирелей
 На заре стада погонят
 В тень долин, в ущелье гор;
 Песней звонкой, песней общей
 Зазвучит во славу Божью
 Пастбищ радостных простор...
 Вот, мой сын, тот светлый праздник,
 Праздник чуткий, праздник общий
 Всех народов и племен,
 Что зовет людей, как братьев,
 В храм единый, вечный, сущий
 С незапамятных времен...»

АЛЕКСАНДР АРОНОВ

* *
*

Невнятицею всей
Зайдясь почти до визга,
Был страшен Моисей.
Хрипел, слюною брызгал.

Тогда-то, умудрен
Судьбы своей уроком,
Мой предок Аарон
Вставал перед Пророком.

Он глаз не заводил,
Не тряся перед вами,
Он лишь переводил
Мычание — словами.

Так кто ж из рабства звал?
Умчалось время оно.
Мне кажется, я знал
Молитву Аарона.

— Господь, о почему,
Уча, зова, рисуя,
Я должен дать уму
Авторитет безумья?

Зачем среди людей,
Взалкавших света снова,
Юродивый — сильней
Единственного слова?

Пророк, хрипун, урод.
Постой со мною рядом.
Я стану младшим братом
И выведу народ.

ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

Когда в глазах темно от горя,
Я вспоминаю край отцов...

С. Я. Маршак

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

* *
*

Я не завидую ни долголетью дуба,
Ни журавлям, ни кораблям, ни человеку,
Чьи ослепительные зубы
Сверкают на экранах
Будущего века.
В музеях плачут мраморные боги.
А люди плакать разучились. Всем
Немного совестно и как-то странно.
Завидую я только тем,
Кто умер на пороге
Земли обетованной.

САМУИЛ МАРШАК

*

ПАЛЕСТИНА

1

Когда в глазах темно от горя,
я вспоминаю край отцов,
простор бушующего моря
и лодки полные гребцов.
Несутся к городу — к обрыву,
легко ныряя, челноки.
Там гул нестройный и ленивый,
торговцев крики и звонки.

В кофейне низкой и убогой
 чдет игра, дымит кальян...
 А рядом с пыльной дорогой
 проходит тихий караван.
 И величавый, смуглолицый,
 степных просторов вольный сын,
 идет за стройной вереницей
 своих верблюдов бедуин.
 То у ворот Иерусалима
 дает верблюдам он покой,
 расположась невозмутимо
 среди тревоги городской.
 То в мирной и счастливой сени
 случайной рощицы олив
 верблюды спят, склонив колени,
 пока не будит их призыв.
 Давно в печальное изгнание
 ушли Иакова сыны,—
 но древних дней очарование
 хранят кочевники страны.
 Они — как прошлого виденья
 среди пришлых чуждых горожан.
 И ты не можешь без волненья
 смотреть на стройный караван.

2

Как странно, что поток бурливый —
 века, события, племена —
 не смысл здесь прошлого. И живы
 в стране родимой имена
 священных мест. Я был в деревне
 феллахов бедных — Анатот.
 Там рос и жил великий, древний
 пророк, оплакавший народ.

И глядя на немые камни
жилищ, раскинутых окрест,
я долго думал, как близка мне
печаль суровых этих мест.
Не плиты предков гробовые
меня пленяли стариной:
восстав из праха, Иеремия
стоял в деревне предо мной.
И «Плач», что в день девятый аба
отец мой медленно читал,
у скромной хижины араба
из уст пророка прозвучал.

3

Иду за первым караваном.
Поют бегущие звонки,
и золотистым океаном
чуть слышно зыблются пески.
Полдневный путь в истоме зноя,
я вспоминаю, как во сне.
Но помню сладкий час покоя
и шелест листьев в тишине.
Бежит из камня ключ прохладный,
журчит невинно, как в раю.
И пьет, склонившись, путник жадно
его прозрачную струю.
И открывается неожиданно
за пыльной зеленью оград
лимонов сад благоуханный,
растущий пышно виноград.
Волшебный край! Тоску, лишения —
я все готов перенести
за светлый час успокоенья,
за отдых сладостный в пути.

Придешь ли ты путем мучений,
народ-кочевник чуждых стран,
к истоку вод, к блаженной сени,
как этот стройный караван?

4

Но те, что в край обетованный
вернулись в наши времена,
нашли не отдых долгожданный, —
борьба была им суждена.
Сосед воинственно-лукавый
тревожил мирный их приют,
и прерывал раздор кровавый
их терпеливый, честный труд.
И незаметно лихорадка
губила молодую мощь,
пока в пустынях шла посадка
целебных, благодатных рощ.
С тех пор возник среди пустыни
один оазис за другим,
а дух борцов еще поныне,
как в первый день, несокрушим.
Там сторож — пеший или всадник —
спешит отважно в час ночной
стеречь родимый виноградник,
объятый жуткой тишиной.
Как листья в месяц листопада,
роняют звезды небеса.
На темной кисти винограда
блестит холодная роса.
А за оградой, где без края
лежат остывшие пески,
ночных шакалов плачет стая
в порыве страха и тоски.

5

Мы жили лагерем — в палатке,
кольцом холмов окружены.
Кусты сухие в беспорядке
курились, зноем сожжены.
В прибытья час мой спутник старый
мне указал на ближний склон
с деревней бедной: «Это Цар`а.
Здесь жил в младенчестве Самсон».
Теперь здесь нужен труд Самсонов:
с утра до поздней темноты
здесь гонят змей и скорпионов,
сдвигают камни, жгут кусты,
колодезь роют терпеливо,
чтоб оживить заглохший дол,
и в тишине ревет тоскливо,
весь день работая, осел.
Но веет вечера прохлада,
горят венки закатных роз.
Легко бежит по склонам стадо
прохладой оживленных коз.
Луна встает в нежданном блеске,
созвездья четкие зажглись.
Шатра отдернув занавески,
мы, отдыхая, смотрим ввысь.
Как тихий ключ, струится пенье:
в порыве трепетном застыв,
араб, наш сторож, в отдаленье
поет молитвенный мотив.
Стоит он белый, озаренный,
и в царстве сонной тишины
напев молитвы монотонной
растет, как ясный блеск луны.
Душа светла и благодарна,
а ночь таинственна, нема,
и мнится: ангел светозарный
летит с небес на край холма.

Там он стоял во время оно,
когда он землю посетил
и скромной матери Самсона
рождение сына возвестил.

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

*

ПАЛЕСТИНА

Свод безоблачно синий
Иудейских небес,
Беспредельность пустыни,
Одиноких деревьев.
Пальмы, маслины скудной
Бесприютная тень,
Позолотою чудной
Ярко блещущий день.

По степи — речки ясной
Не бежит полоса,
По дороге безгласной
Не слышать колеса.
Только с ношей своею
(Что ему зной и труд!),
Длинно вытянув шею,
Выступает верблюду.

Ладия и телега
Беспромышленных стран,
Он идет до ночлега;
Вслед за ним караван.
Иль, бурнусом обвитый,
На верблюде верхом
Бедуин сановитый,
Знойно-смуглый лицом.

Словно зыбью качаясь,
Он горчит и плывет,
На ходу подаваясь
То назад, то вперед.
Иль промчит кобылица
Шейха с длинным ружьем,
Иль кружится, как птица,
Под лихим седоком.

Помянув Магомета,
Всадник, встретясь с тобой,
К сердцу знаком привета
Прикоснется рукой.
Полдень жаркий пылает,
Воздух — словно огонь;
Путник жаждой сгорает
И томящийся конь.

У гробницы с чалмою
Кто-то вырыл родник;
Путник жадной душою
К холодной влаге приник.
Благодетель смиренный!
Он тебя от души
Помянул, освеженный
В опаленной глуши.

Вот под сенью палаток
Быт пустынных племен:
Женский склад — отпечаток
Первобытных времен.
Вот библейского века
Верный сколок: точь-в-точь
Молодая Рсевка,
Вафуилова дочь.

Голубой пеленою
 Стан красивый сокрыт,
 Взор восточной звездой
 Под ресницей блеснит.
 Величаво, спокойно
 Дева сходит к ключу;
 Водонос держит стройно,
 Прижимая к плечу.

В поле кактус иглистый
 Распускает свой цвет.
 В дальней тьме — каменистый
 Аравийский хребет.
 На вершинах суровых
 Гаснет день средь зыбей,
 То золотых, то лиловых,
 То зеленых огней.

Чудно блещут картины
 Ярких красок игрой.
 Светлый край Палестины!
 Упоенный тобой,
 Пред рассветом, пустыней,
 Я несусь на коне
 Богомольцем к святыне,
 С детства родственной мне.

Шейх с летучим отрядом —
 Мой дозор боевой;
 Впереди, сзади, рядом
 Вьется пестрый их рой.
 Недоверчиво взгляды
 Озирают вокруг:
 Хищный враг из засады
 Не нагрянет ли вдруг?

На пути, чуть пробитом
 Средь разорванных скал,
 Конь мой чутким копытом
 По обломкам ступал.
 Сон под звездным наметом;
 Запылали костры;
 Сон тревожит полетом
 Вой шакалов с горы.

Эпопеи священной
 Древний мир здесь разверст:
 Свиток сей неизменный
 Начертал божий перст.
 На Израиль с заветом
 Здесь сошла Божья сень:
 Воссиял здесь рассветом
 Человечества день.

Край святой Палестины,
 Край чудес искони!
 Горы, дебри, равнины,
 Дни и ночи твои,
 Внешний мир, мир подспудный,
 Все, что было, что есть,—
 Все поэзии чудной
 Благодатная весть!

И в ответ на призванье
 Жизнь горé возлетев,
 Жизнь — одно созерцанье
 И молитвы напев.
 Отблеск светлых видений
 На душе не угас;
 Дни святых впечатлений,
 Позабуду ли вас?

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

*

ПЕСНИ СИОНА

Из Ричарда Гарнета

Сонет

Уж нет моей арфы под кущами ивы,—
И страхом, и горем мой разум пленен.
Боюсь позабыть ее сладостный звон,
Хоть был он напрасен,— тот звон сиротливый.

Нет, песню вернут нам сионские нивы,
Умей только сердцем проклясть Вавилон;
Где лира Сиона, там дышит Сион,
Услышь только лиры сионской призывы!

Ни ветру шальному, ни водам ручья
Вовеки не снять с себя долга святого,—
Им песен души не всеряй,

Но песню, что пела родная твоя,
Не чти ее только, а спой ее снова,
Не память, а отзвук ей дай!

ЛЕВ ЯФФЕ

*

EREZ ISRAEL

Мой край, отрезанный морями
Кипящей крови и огня,
В моей душе горишь лучами
Неугасающего дня.

Моя душа благоуханьем
 Твоим всегда напоена
 С тех пор, как Библии дыханьем
 Была овеяна она.

И гордый кедр твой на Ливане,
 Твой каждый холм и каждый дол
 Мне были ближе и желанней
 Страны, где юность я провел.

Тебе, страна моя родная,
 Порывы юношеских сил,
 В восторге творческом рыдая,
 Я безраздельно приносил.

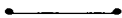
Тоской и радостью томимый,
 К мечте далекой взор воздев,
 Тебе, не женщине любимой,
 Сложил я первый свой напев.

Ты в скорби вдовой и священной,
 Всегда печальна и светла,
 В моей душе устало-пленной,
 Как мать-страдалица жила.

Ты вновь цвела благоуханней,
 Ты вновь сияла мне светлей
 В зеленой и расцветшей ткани
 Твоих воскреснувших полей.

И в дни, когда война сурово
 Испепеляющим перстом
 Коснулась нашей нивы новой,
 Прошла над нашим очагом,

Ты стала мне еще дороже,
 За каждый стебель твой дрожу,
 В благоговейной страстной дрожи
 Я имя светлое твержу.

ИВАН БУНИН

* *
 *

На пути под Хевроном,
 в каменистой широкой долине,
 где по скатам и склонам
 вековые маслины серели на глине,
 поздней ночью я слышал
 плач ребенка — шакала...
 Из-под черной палатки я вышел,
 и душа моя долго искала
 хоть единой мне близкой души в полумраке.

Но уснули верблюды, собаки
 и арабы в палатке. Светили
 молчаливые звезды над старой
 позабытой землею. В могиле
 почивал Авраам с Исааком и Саррой.
 И темно было в древней гробнице Рахили.

СОФИЯ ПАРНОК

* *
 *

В те дни младенчества напевом
 Звучали первые слова,
 Как гром весенний, юным гневом
 Гремел над миром Егова,

И тень бросать учились кедры,
И Ева лишь успела пасть,
И семенем кипели недра,
И мир — был Бог, и Бог был — страсть.

Своею ревностью измаял,
Огнем вливаясь прямо в кровь...
Ужель ты выпил всю, Израиль,
Господню первую любовь?

ЛЕВ ЯФФЕ

*

У РУИН БЕТАРА

В цветах, в садах оранжевых равнина
Потоком солнечным слепит глаза,
Вся в золоте Саронская долина
И в брызгах солнца моря бирюза...

Руины — дней забытых мавзолеи,
Как бледный след полуистертых рун...
Пред нами голубеют горы Иудеи,
За нами россыпь золотая дюн.

Горя в лучах чешуйчатом драконом,
Играя кольцами, дыша огнем,
Несется поезд наш по горным склонам
Над пропастью, над высохшим руслом,

Он рвется вдаль в ущельях иудейских,
Железный путь в священный прах вонзив...
Тревожит тишину высот библейских
Насмешливым свистком локомотив...

Дымятся в зное горные теснины,
Волною раскаленной льется жар.
Стоянка близко... На холме руины...
Все к окнам бросились... Бетар...

Стоим без слов, и стихло все в вагоне...
Остановилось сердце в муке той,
Что не прорвется в жалобе и стоне,
Не выльется целительной слезой.

Руин тысячелетних пыль и глыбы —
Убежища шакалов и лисиц...
И тени скорбные Бар-Кохбы и Акибы
Витают средь развалин и гробниц...

В безмолвье вещем я услышать мог бы
Оружья звон — идут на смерть войска
За родину и честь — и зов Бар-Кохбы,
Идущий к нам чрез дальние века.

ИЗ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ

Старый дед мне с Востока подарок привез —
Обожженный, запыленный камень,—
Обмывали его реки крови и слез,
Без конца обжигал его пламень,

Но навек устоял под ударом меча,
Под напорами бешеных схваток
Этот темный, сожженный кусок кирпича,
Оскверненного храма остаток.

Вновь в душе, как привет от родимой страны,
Воскресил он былое преданье:
Кто на память от Западной древней стены
Унесет с собой камень в изгнание,—

Уж не сможет навек успокоиться тот,
Бесконечной тоской пораженный,
До поры, пока камень он сам отвезет
В край родимый, к стене опаленной...

Оттого наболевшее сердце полно
Всюду болью гнетущей, безумной,
Оттого так к Отчизне стремится оно
Из чужбины далекой и шумной,

Оттого беспокойное сердце всегда
Пожирает томления пламень,
До поры, пока сам отнесу я туда,
К незабвенным руинам, мой камень...

ОГНИ НА ВЫСОТАХ

Как лучистые сны прмелькнувшей весны,
Замерцавшие снова случайно,
Предо мною обычай родной старины
Воскресает, волнуя, как тайна.

В нашем светлом былом перед праздничным днем
На холмах и горах Палестины
Зажигались внезапно костер за костром,
Ряд огней ярко вспыхивал длинный,
И во мраке ночном от вечерней зари
Трепетали огнями вершины,
И казалось, горели на них алтари,
Падал отблеск их всюду в долины.
Возвещал так Сангедрин о праздничном дне,
И как только огонь зажигался,
В деревнях, в городах, по далекой стране
Яркий праздничный гул воцарялся.

*

Мы должны в эти дни возрождения огни
 Зажигать, охранять на высотах,
 Пусть о празднике светлом вещают они
 Нашим братьям в нужде и заботах...
 Так мучителен мрак, свет надежды иссяк,
 Путь лежит перед нами пустынный,
 Пусть наш горный огонь, как манящий маяк,
 Бросит отблеск в родные долины,
 Пусть пронзает он ночь, эту ночь без конца,
 Нам заставшую жизнь и свободу.
 Мы, как факел, зажжем молодые сердца,
 Мы зажжем их в служенье народу,
 Но, сгорая в борьбе, путь укажут они
 К долгожданной свободе, к отчизне,
 Свету солнца сродни, будут жить те огни...
 Вечно жить в новой творческой жизни...
 Будем помнить обычай дней светлых былых,
 Нашей жизни далекой свободной;
 Будем свет зажигать на высотах родных,
 Близок праздник наш, праздник народный!..

В ДОЛИНЕ САРОНА

С холма я вижу ширь Сарона,
 Лугов сверкающий убор,
 И моря солнечное лоно,
 И выси Иудейских гор.

Вокруг — минувшего обломки,
 Безмолвье мрачное могил,
 А рядом — радостны и громки
 Расцвет и трепет новых сил.

В сиянье утреннем деревни
Лучом пронизаны насквозь;
Здесь в каждом камне, в глыбе древней
С былым грядущее слилось.

Поля, долины и курганы
Свой тяжкий сбрасывают плен...
Мой светлый край, мой край желанный,
Вовеки будь благословен!..

САМУИЛ МАРШАК

*

ИЗ СИОНИД

Снится мне: в родную землю
Мы войдем в огнях заката
С запыленную одеждой,
Замедленную стопой.
И войдя в святые стены,
Подойдя к Ерусалиму,
Мы безмолвно на коленях
Этот день благословим.

И с холмов окинем взглядом
Мы долину Иордана,
Над которой пролетели
Многоскорбные века.
И над павшими в пустыне,
Пред лицом тысячелетий
В блеске желтого заката
Зарыдаем в тишине.

А на завтра на рассвете
 Выйдет с песней дочь народа
 Собирать цветы в долине,
 Где блуждала Суламифь...
 Подойдет она к обрыву,
 Поглядит с улыбкой в воду —
 И знакомому виденью
 Засмеется Иордан.

БОРИС ФИЛИППОВ

* *
 *

Стада овец библейские седые
 И тот же хлеб, и та же горсть воды,
 И тот же ужас завтрашней беды,
 Неотвратимой, как глаза слепые.
 И мудрая походка пастуха,
 Наследника немудрого Исава,
 И тяжкая прадедовская слава,
 И крик предутренний провидца-петуха.

САРРА ПОГРЕБ

* *
 *

Я начинаю с откоса, с обрыва,
 С камня над узкой петливой дорогой.
 И своевольна. И терпелива.
 Гида не надо — сама понемногу.

Цабра красива. Как розы — в колючках.
 Ствол у оливы столетьями кручен.
 Нет здесь черемухи, нет и жасмина.
 Вспыхнувшим порохом пахнут хамсины.

Я отвалила родимую глыбу
И получила право на выбор.
Выбрала небо синего цвета,
Длинное лето.

Нерусское лето.

Что еще выбрала, твердо не знаю.
Сердце — открыто. Как рана сквозная.

* *
*

Из Ариэля в Иерусалим...
Вершины и долины молчаливы.
В склоненности седеющих олив
Сквозит намек на ниспадение ивы...
(Намек, что нет, не сгнуло, с тобой
То, что взаправду за душой имелось:
И ранний свет, и ком беды, и зрелость,
И что сбылось, и сколько не сумелось.
И смотрит вниз сквозь сумрак голубой
Созвездие, сливающее судьбой.
Пустое! Суть — в эпохе, и в стране,
И в тоненькой нервущейся струне.)
В дороге от хлопот отчуждены,
Мы сваливаем в кучу впечатленья.
Вот склон почти отвесной крутизны,
Вон серый гурт пасущихся каменьев.
Теперь я возвращаюсь в Ариэль.
Ныряет и взбирается автобус,
И гор неповторимых карусель,
Как будто поворачивают глобус.

* *
*

Мы теперь самаритяне:
Озираемся безмолвно.
Горизонт — как в океане,
И холмов застыли волны.

Все торжественно и скупое,
Ось вращается без скрипа,
И огромный синий купол
За несуетность мне выпал.

Каменистые террасы.
Пятна крон...

Внизу — посевы.
В мире нет древнее красок,
Чем оливковый и серый...

Ветер с маху налетает,
Паруса белья мотает,
А над вами снег кружится
И в душе моей не тает.

* *
*

Испоконность оливковых рош
И бездонность небесных высот
Сто гипербол на ломаный грош
И в придачу — немножко литот

Меж больших и огромных камней
Единичность былинки видней.
В красоту не подбавлен сироп
Будто схлынул недавно потоп.

Удивиться — уже полюбить!
Но — забыть?

Не успею забыть.

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВ

*

У ПРУДОВ СОЛОМОНА

Ночь над пустыней мертвой Палестины.
Небесный свод и темен, и глубок.
Ткут звезды свет лучистой паутины,
И Млечный Путь сверкает, как поток,

Среди холмов, где древние маслины
Стоят, как сны, склоняет месяц рог.
Там свой шатер разбили бедуины,
И от костра чуть тлеет огонек.

Но спят давно арабы и верблюды,
Спит все кругом. Печален сон земли
Там, где лишь терн да диких камней груды.

Голодный вой шакалов издали
Пугает тьму, и хоры жаб бессонно
Рыдают в водоемах Соломона.

И. ФАЙНШМИДТ

* *
* *

Ты часто говорил о родине своей.
Но родина моя... Нет, я молчал о ней.
И я любовь твою и скорбь твою делил:
Любовь я отдал всю, но скорбь глубоко скрыл.
То скорбь моя... то странная печаль,
И ты, мой друг, поймешь ее едва ль...

.....

Ты часто говоришь о родине... Мечта,
Тебя согревшая, сковала мне уста,
И я не ведаю, кому из нас больней:
Тому, кто говорил или молчал о ней.

МИХАИЛ ПУСТЫНИН

*

ПЕСНЯ

Пусть волосы наши заткали седины,
Но дух наш горит, молодея...
Наш панцирь могучий — твой прах и руины,
Иудея!..

Мы тайну лишений своих разгадали,
И думы не жалят нас боле...
О, скоро блеснут нам родимые дали —
На воле, на воле!

Мы пели когда-то у склонов Синая;
Как грустно — в безмолвье — теперь им!
Отчизна, щедроты твои вспоминая,
Мы верим, мы верим:

В Сионе желанном, в Сионе едином
Закроются жгучие раны...
И будут зарею греметь по долинам —
Тимпаны, тимпаны!

Жемчужною влагой сверкнут водоемы;
Ключи зажурчат веселее...
И посох наш ветхий, ликуя, сожжем мы
В Иудее!..

ЗИНАИДА ГИППИУС

* *
*

Он принял скорбь земной дороги,
Он первый, Он один,
Склонясь, умыл усталым ноги,
Слуга и господин.
Он с нами плакал — Повелитель
И суши, и морей...
Он царь и брат нам, и Учитель,
И Он — еврей.

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

*

ХРАМ

Победоносного Израиля оплот
И Бога Вышнего приют неистребимый!
Где слава гордая? Исчезла, точно дымы,
И в трещинах стены убогий мох растет,

Да юркая пчела, собирая дикий мед,
Жужжит и вьется там, где пели серафимы,
И, вековечною стальной тоской томимый,
У врат святилища рыданья льет народ.

Но храм разрушенный все был на страже Бога:
Когда Отступника влекла его дорога,
И Ягве алтари он дал богам земным,—

Вкруг идолов огонь запылал багряно.
Израиль, радуйся развалинам твоим:
В них гроб язычества и плаха Юлиана.

ИВАН БУНИН

*

ИЕРУСАЛИМ

Это было весной. За восточной стеной
был горячий и радостный зной.
Зеленела трава. На припеке во рву
мак кропил огоньками траву.

И сказал проводник: «Господин! Я еврей
и, быть может, потомок царей.
Погляди на цветы по сионским стенам:
это все, что осталось нам».

Я спросил: «На цветы?» И услышал в ответ:
«Господин! Это праотцев след,
кровь погибших в боях. Каждый год, как весна,
красным маком восходит она».

В полдень был я на кровле. Кругом подо мной,
тоже кровлей — единой, сплошной, —
желто-розовый, точно песок, возлежал
древний город и зноем дышал.

Одинокая пальма вставала над ним
на холме опахалом своим,
и мелькали, сверлили стрижи тишину,
и далёко я видел страну.

Морем серых холмов расстилалась она
в дымке сизого мглистого сна.
И я видел гористый Моав, а внизу —
ленту Мертвой воды, бирюзу.

«От Галгала до Газы, — сказал проводник, —
край отцов ныне беден и дик.
Иудея в гробах. Бог раскинул по ней
семя пепельно-серых камней.

Враг разрушил Сион. Город тлел и сгорал —
и пророк Иеремия собрал
теплый прах, прах золы в погасавшем огне.
и развеял его по стране:

да родит край отцов только камень и мак!
да исчахнет в нем всяческий злак!
да пребудет он гол, иссушен, нелюдим
до прихода реченного Им!»

А. ГЕОРГИЕВА

* *
*

Одинокий, без участия,
И судьбой гоним,
О тебе всю жизнь мечтал я,
Иерусалим!..
Чудным утром, тихой ночью,
Скорбию томим.
Я рвался душой моею
В Иерусалим.

Жизнь прошла в стране далекой,
Словно тяжкий плен,
Умереть пришел я, странник,
У родимых стен.
Стар я, немощен, без силы,—
Здесь утал пред Ним...
И твою лобзаю землю,
Иерусалим!

Позабыты все страдания,
Кончен длинный путь,
Я склонюсь с молитвой светлой
На родную грудь...

Лягу я в святую землю,
Тих и недвижим,
Здесь, у ног твоих, великий
Иерусалим!

САМУИЛ МАРШАК

*

ИЕРУСАЛИМ

По горной царственной дороге
вхожу в родной Иерусалим
и на святом его пороге
стою смущен и недвижим.

Меня встречает гул знакомый:
на площадях обычный торг
ведет толпа. Она здесь дома,
и чужд ей путника восторг.

Шумят открытые харчевни,
звучат напевы дальних стран,
идет, качаясь, в город древний
за караваном караван.

Но пусть виденья жизни брэнной
закрыли прошлое, как дым,—
тысячелетья неизменны
твои холмы, Иерусалим!

И будут склоны и долины
хранить здесь память старины,
когда последние руины
падут, веками сметены.

Во все века, в любой одежде
родной, святой Иерусалим
пребудет тот же, что и прежде,—
как твердь небесная над ним.

SCHIR-ZION

Снится мне, в родную Землю
Мы войдем в огнях заката
С запыленной одеждой,
Замедленной стопой...
И войдя в Святые Стены,
Подойдя к Ерусалиму,
Мы затихнем на мгновенье —
И колени преклоним.
И окинем светлым взглядом
Мы долину Иордана,
Над которой пролетели
Многоскорбные века...
И над павшими в Пустыне
Пред лицом тысячелетий
В блеске грустного заката
Зарыдаем в тишине.
А на завтра на рассвете
Выйдут девушки с цветами...
Будет виться темный локон
По сбегаящим плечам...
Подойдут они к обрыву.
Засмеются. Взглянут в воду —
И проснется в Иордане
Отраженье черных глаз!..

ЛЕВ ЯФФЕ

*

У БЕРЕГОВ КОРФУ

Из путевых заметок

...Мы на судно вернулись поздно,
Гремели гулко якоря,
И рокотало море грозно
И зажигалася заря.

Вдруг к нам навстречу волны звуков,
Колебля воздух, донеслись —
Средь грязных ящиков и тюков
Толпой евреи собрались.

На них субботние наряды,
Их храм на палубе в огнях,
И луч покоя и отрады
Играл в их выцветших чертах.

Вспугнув страданье и заботу,
Под грозный гул морских валов
Скитальцы радостно субботу
Встречали пением псалмов;

В простор задумчивый и ясный
По волнам песня их плыла,
Гремел над морем хор согласный
«Lecho doidi likrath kalah!»

*

Стоял на палубе я поздно,
Ревел тревожный моря вал,
И зажигался полог звездный,
И в бездну звезды он ронял.

Тонул и падал берег в море,
Бледнел далекий огонек,
Зажегся Млечный Путь в просторе,
Мы плыли дальше на восток...

Сгорали свечи беспокойно,
Дрожала вспугнутая мгла...
В душе напев тянулся стройный:
«Lecho doidi likrath kalah!»...

СЕМЕН ЛИПКИН

*

В НИЩЕЙ ХАТЕ

В нищей хате, в Назарете...

Ф. Сологуб

Женщины в синих рубашках стоят у колодца.
Светится скупо внизу Назарет.
Вечер сухою и колкой прохладой льется,
Но кое-где еще глиняный город нагрет.

Женщина с полным кувшином спускается к хате.
Плотник ячменные хлебы испек.
Уголь истлел в очаге, а над люлькой дитяти
Через открытые двери сгустился восток.

Было б неплохо купить для светильника масло,—
Где там, гроша не найдут бедняки.
Но, чтоб младенец без страха заснул, чтоб не гасла
Нишая хата, слетелись в нее светляки.

ВЛАДИМИР ЖАБОТИНСКИЙ

*

ГОРОД МИРА

Над костром моим синее
ширь ночного небосклона.
Тихо дремлют в отдаленьи
стены скорбного Сиона.
Провожатый мой, потомок
древних шейхов Эбн-Али,
шлет привет пытливым взором
звездам неба от земли.

«Скоро полночь», — говорит он
и смолкает, засыпая.
Спит печальная долина,
неподвижная, немая.
Этот сон меня пугает:
в этой чуткой тишине
словно стоны чьи-то реют
и доносятся ко мне...

Тише — арфа зазвенела.
Там, вдали, где тьма густая,
струны стонут, надрываясь,
разбиваясь и рыдая;
тихий голос где-то плачет
или, может быть, поет, —
над Сионом легкий призрак
белой женщины плывет.

«Шейх, мне страшно!»
Он проснулся,
поднял взоры и мгновенно,
скрыв лицо свое руками,
преклонил одно колено.

Я невольно опустился
рядом с шейхом Эбн-Али,
и рыданья постепенно
где-то замерли вдали.

И, шепча свои молитвы,
встал араб неторопливо.
«Да прославится Всевышний,
нам явивший это диво.
Этот призрак — Город Мира.
Я слышал, что каждый год
песню скорби над Сионом
эта женщина поет.

Я слышал среди арабов:
Тот, пред Кем благоговеем,
обещал во дни былые
эту землю иудеям.
Нет владыки кроме Бога —
Ла Иллахгу иль Алла! —
Злоба сильных только глина,
слово Господа — скала.

Но столетья проходили,
и в печали непрерывной
скорбно жили иудеи
вне страны обетованной, —
жили, родины и чести
волей рока лишены,
только веру сохранивши
от великой старины.

Этот призрак — Город Мира,
это — мать того народа.
Каждый год она рыдает
над Сионом с небосвода

и зовет из стран изгнания
в тихий рай своих полей
Божьей карой многолетней
истомленных сыновей»...

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

*

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Снилось мне, что я младенцем
В тонкой капсуле пелен
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.

Ослик пасся близ оливы,
Я резвился на песке.
Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.

Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил.

И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.

Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой —

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах,—

Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.

АЛЕКСАНДР АРОНОВ

*

ХАЙФА. ЛАГЕРЬ ДЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

О чем ты там, польская, плачешь, еврейка,
В приюте, под пальмой, где стол и скамейка,
Дареный букварь, и очки, и оправа,
И буквы, в тетрадку входящие справа?

Студентик, учитель, пан будущий ребе,
Так громко толкует о хляби и хлебе,
О том, как скиталась ты в странах нежарких
Две тысячи трудных и семьдесят жалких.
Прошло две войны. Унесло два семейства.
Каникулы. Кончились оба семестра.
Ты выучишь иврит и столько увидишь,
Забудешь и польский, и нищий свой идиш.
И ешь ты, и пьешь, и ни гроша не платишь,
Читаешь и пишешь — и что же ты плачешь?
По мебели, на шести метрах в избытке,
По старой соседке, антисемитке.

ХОЛОКОСТ

Ты видел все. Запомни и живи.

И. Эренбург

БОРИС СЛУЦКИЙ

* *
*

Черта под чертою. Пропала оседлость:
Шальное богатство, веселая бедность.
Пропало. Откочевало оттуда,
Где призрачно счастье, фантомна беда.
Селедочка — слава и гордость стола,
Селедочка в Лету давно уплыла.

Он вылетел в трубы освенцимских топок,
Мир скатерти белой в субботу и стопок.
Он — черный. Он — жирный. Он — сладостный дым.
А я его помню еще молодым.
А я его помню в обновах, в шелках,
Шуршащих, хрустящих, шумящих, как буря,
И в будни, когда он сидел в дураках,
Стянув пояса или брови нахмурия.
Селедочка — слава и гордость стола,
Селедочка в реку давно уплыла.

Планета! Хорошая или плохая,
Не знаю. Ее не хвалю и не хаю.
Я знаю не много. Я знаю одно:
Планета сгорела до пепла давно.

Сгорели мелаеды в драных пальто.
Их нечто оборотилось в ничто.
Сгорели партийцы, сгорели путейцы,
Пропойцы, паршивцы, десница и шуйца.

Сгорели, утопи в потоках летейских,
 Исчезли, как семьи Мстиславских и Шуйских.
 Селедочка — слава и гордость стола,
 Селедочка в Лету давно уплыла.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

*

ДАТСКАЯ ЛЕГЕНДА

Немцы заняли город
 без боя, легко, на бегу,
 и лишь горстка гвардейцев,
 свой пост у дворца не покинув,
 в черных шапках медвежьих
 открыла огонь по врагу
 из нелепых своих,
 из старинных своих карабинов.
 Копенгаген притих.
 Вздорожали продукты и газ.
 В обезлюдевший порт
 Субмарины заходят во мраке.
 Отпечатан по форме
 и за ночь расклеен приказ:
 всем евреям надеть
 нарукавные желтые знаки.
 Это было для них,
 говорили,
 началом конца.
 И в назначенный день,
 тот, что ныне становится сказкой,
 на прогулку по городу вышел король из дворца
 и неспешно пошел
 с нарукавной желтой повязкой.

Копенгагенцы приняли
 этот безмолвный сигнал.
 А начальник гестапо
 гонял
 неприметный «фольксваген»
 по Торговой,
 к вокзалу,
 в ратушу
 и в порт,
 на канал,—
 с нарукавной повязкой ходил,
 ходил уже весь Копенгаген!..
 Может, было такое, а может быть, вовсе и нет,
 но легенду об этом я вам рассказал не напрасно,
 ибо светится в ней золотой андерсеновский свет
 и в двадцатом столетье она, как надежда, прекрасна.

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ

*

ВСПОМИНАЯ ФЕЙХТВАНГЕРА

По-весеннему солнышко греет
 На вокзалах больших городов,
 Из Германии едут евреи
 Накануне тридцатых годов.

Поезд звонко и весело мчится
 По стране, безмятежной и чистой,
 В воды доброго старого Рейна
 Смотрят путники благоговейно.

Соплеменники, кто помудрее,
 Удивляются шумно: «Куда вы?»
 Процветали извечно евреи
 Под защитой разумной державы.

Ах, старинная кельнская площадь!
 Ах, саксонские светлые рощи!
 Без земли мы не можем немецкой,—
 Нам в иных государствах —
 не место».

Жизнь людская — билет в лотерею,
 Предсказанья не стоят трудов.
 Из Германии едут евреи
 Накануне тридцатых годов.

От Германии — родины милой,
 Покидая родные могилы,
 Уезжают евреи в печали,—
 Их друзья пожимают плечами.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

* *
 *

Теряются следы в тысячелетних
 скитаньях по сожженным городам,
 в песках за Бабьим Яром, в черных сплетнях,
 на черных рынках, в рухляди,— а там

прожектора вдоль горизонта шарят,
 ползут по рвам, елозят по мостам.
 А где-то жгут, дробят, кромсают, жарят,
 гноят за ржавой проволокой,— а там

сочувствует ханжа, и жметесь скаред,
 и лжесвидетель по шпаргалке шпарит,
 и журналист строчит уже,— а там

нет и следа — ни в городах Европы,
 ни на одной из мыслимых планет,
 ни в черной толще земляной утробы,
 ни в небе, ни в аду — их больше нет.

Лежит брусками данцигское мыло,
что выварено из костей и жил.
Здесь чья-то жизнь двумя крылами взмыла
и кончилась, чтоб я на свете жил.

Чья жизнь? Чья смерть бездомна и бессонна?
В венце каких смолистых черных кос,
в каком сиянье белого виссона
ступила ты на смертный тот откос?

Прости мне три столетья опоздания
и два тысячелетья немоты.
Опять мы разминулись поездами
на станции, где отпылала ты.

Дай мне рукою прикоснуться к коже,
прильнуть губами к смуглому плечу.
Я все про то же — слышишь? — все про то же,
но сам забыл, про что же я шепчу.

Мой дед-ваятель ждал тебя полвека,
врубаясь в мрамор маленьким резцом,
чтоб ты явилась взгляду человека
с таким вот точно девичьим лицом.

Еще твоих запястий не коснулись
наручники, с упрямицей борясь.
Еще тебя сквозь строй варшавских улиц
не прогнала шпицрутенами мразь.

И колкий гравий — прах костедробилок —
не окровавил этих нежных ног.
И злобная карга не разрубила
жизнь пополам, прокаркав: «Варте нох!»

Не подступили прямо к горлу комья
сырой земли у страшных тех ворот.
Жить на земле! Что проще и знакомей,
чем черный хлеб и синий кислород...

Но что бы ни сказал тебе я, что бы
ни выдумал страннее и святей,
я вырву только стебель из чащобы
на перегнутое всех твоих смертей.

И твой ребенок, впившийся навеки
бессмертными губами в твой сосок,
не видит сквозь засыпанные веки,
как этот стебель зелен и высок.

Охрипли трубы, струны отзвучали.
Смычки сломались в пальцах скрипачей.
Чьим ты была весельем? Чьей печалью?
Чьей Суламифью? — Может быть, ничьей.

Очнись, дитя библейского народа!
Газ, или плетка, иль глоток свинца,—
встань, юная! В делах такого рода,
в такой любви не может быть конца.

В такую ночь безжалостно распахнут
небесный купол в прозелени звезд,
сверкает море, розы душно пахнут
сквозь сотни лет, за сотни тысяч верст.

Я для свиданья нашего построил
висячие над вечностью мосты.
Всё мирозданье слышит:

— Шма, Исроэль! —
и пышет алым пламенем.

А ты?

БОРИС СЛУЦКИЙ

* *
*

Я освобождал Украину,
шел через еврейские деревни.
Идиш, их язык,— давно руина.
Вымер он и года три как древний.

Нет, не вымер — вырезан и выжжен.
Слишком были, видно, языкаты.
Все погибли, и никто не выжил.
Только их восходы и закаты

в их стихах, то сладких, то горючих,
то горячих, горечью горящих,
в прошлом слишком, может быть, колючих,
в настоящем — настоящих.

Маркишем описан и Гофштейном,
Бергельсоном тщательно разыскан
этот мир, который и Эйнштейном
неспособен к жизни быть привязан.

Но не как зерно, не как полу,
а как пепел черный рассевают,
чтоб сам-сто взошло любое слово
там, где рты руины разевают.

Года три как древен, как античен
тот язык, как человек, убитый.
Года три перстами в книги тычем,
в алфавит, как клинопись, забытый.

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

*

БАЛЛАДА О ВЕЧНОМ ОГНЕ

Посвящается Льву Копелеву

...Мне рассказывали, что любимой мелодией лагерного начальства в Освенциме, мелодией, под которую отправляли на смерть очередную партию заключенных, была песенка «Тум-балалайка», которую обычно исполнял оркестр заключенных.

...«Червоны маки на Монте-Кассино» — песня польского Сопротивления.

...«Неизвестный», увенчанный славою бранной!
 Удалец-молодец или горе-провидец?!
 И склоняют колени под гром барабанный
 Перед этой загадкою главы правительств!
 Над теми могилами — воплем — надгробья...
 Но порою надгробья — не суть, а подобья!
 Но порой вы не боль, а тщеславье храните —
 Золоченые буквы на черном граните!..

Все ли про то спето?
 Все ли навек — с болью?
 Слышишь, труба в гетто
 Мертвых зовет к бою!
 Пой же, труба, пой же,
 Пой о моей Польше,
 Пой о моей маме —
 Там, в выгребной яме!..
 Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
 Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
 Тум-балалайка, шпилт балалайка,
 Рвется и плачет сердце мое!

А купцы приезжают в Познань,
 Покупают меха и мыло...
 Подождите, пока не поздно,
 Не забудьте, как это было!
 Как нас темным огнем косило
 В той последней слепой атаке...
 «Маки, маки на Монте-Кассино» —
 Как мы падали в эти маки!
 А на ярмарке все красиво,
 И шуршат то рубли, то марки...
 «Маки, маки на Монте-Кассино» —
 Ах, как вы почернели, маки!

Но зовет труба в рукопашный
 И приказывает — воюйте!
 Пой же, пой нам о самой страшной,
 Самой твердой в мире валюте!..
 Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
 Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
 Тум-балалайка, шпилт балалайка,
 Рвется и плачет сердце мое!
 Помнишь, как шел ошалелый паяц
 Перед шеренгою на апельплац.
 Тум-балалайка, шпилт балалайка,
 В газовой камере — мертвые в пляс...

А вот еще:
 В мазурочке
 То шагом, то ползком
 Отправились два урочки
 В поход за языком!
 В мазурочке, в мазурочке
 нафабрены усы,
 Затикали в подсумочке
 Трофейные часы!
 Мы пьем, гуляем в Познани
 Три ночи и три дня...
 Ушел он неопознанный,
 Засек патруль меня!

Ой, зори бирюзовые,
 Закаты — анилин!
 Пошли мои кирзовые
 На город на Берлин!
 Грома гремят басовые
 На линии огня,
 Идут мои кирзовые,
 Да только без меня!..
 Там, у речной излучины,
 Зеленая кровать,
 Где спит солдат обученный,
 Обстрелянный, обученный
 Стрелять и убивать!
 Среди пути прохожего —
 Последний мой постой,
 Лишь нету, как положено,
 Дошечки со звездой.

Ты не печалься, мама рódная,
 Ты спи спокойно, почивай,
 Прости-прощай, разведка ротная,
 Товарищ Сталин, прощевай!
 Ты не кручинься, мама рódная,
 Как говорят, судьба слепа,
 И может статься, что народная
 Не зарастет ко мне тропа...

А еще:

Где бродили по зоне каэры,
 Где под снегом искали гнилые коренья,
 Перед этой землей — никакие премьеры,
 Подтянувши штаны, не преклонят колени!
 Над сибирской Окою, над Камой, над Обью
 Ни венков, ни знамен не положат к надгробью!
 Лишь, как нетленный огонь, как нетленная слава,—
 Штабеля! Штабеля! Штабеля лесосплава!

Позже, друзья, позже,
 Кончим навек с болью,
 Пой же, труба, пой же!
 Пой и зови к бою!
 Медною всей плотью
 Пой про мою Потьму!
 Пой о моем брате —
 Там, в ледяной пади!..
 ...Пой, труба, не чуди коленцами,
 Пой, труба, чтобы сила крепла
 И чтоб встали, как в Освенциме,
 Взявшись за руки — среди пепла.
 Ах, как зовет эта горькая медь
 Встать, чтоб драться, встать, чтоб сметь!
 Тум-балалайка, шпилт балалайка —
 Песня, с которой шли мы на смерть!
 Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
 Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
 Тум-балалайка, шпилт балалайка,
 Рвется и плачет сердце мое!

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

* *
*

За то, что зной полуденный Эсфири,
 Как горечь померанца, как мечту,
 Мы сохранили и в холодном мире,
 Где птицы застывают на лету,

За то, что нами говорит тревога,
 За то, что с нами водится луна,
 За то, что есть петлистая дорога
 И что слеза не в меру солона,

Что наших девушек отличен волос,
 Не те глаза и выговор не тот,—
 Нас больше нет. Остался только холод.
 Трава кусается, и камень жжет.

* *
 *

Бродят Рахили, Хаимы, Лии,
 как прокаженные, полуживые.
 Камни их травят. Слепы и глухи,
 бродят, разувшись пред смертью, старухи.
 Бродят младенцы, разбужены к ночи.
 Гонит их смерть, земля их не хочет.
 Горе! Открылась старая рана —
 мать мою звали по имени Ханна.

* *
 *

В это гетто люди не придут.
 Люди дышат где-то. Ямы тут.
 Где-то и теперь несутся дни.
 Ты не жди ответа — мы одни —
 потому что у тебя беда,
 потому что на тебе звезда,
 потому что твой отец другой,
 потому что у других покой.

* *
 *

Морили прежде в розницу,
 Но развивались знания.
 Мы, может, очень поздние,
 А может, слишком ранние.

Сидел писец в Освенциме,
 Считал не хуже работа —
 От матерей с младенцами
 Волос на сколько добыто.

Уж сожжены все родичи,
 Канаты все проверены,
 И вдруг пустая лодочка
 Оторвалась от берега,
 Без виз, да и без физики,
 Пренебрегая воздухом,
 Она к тому приблизилась,
 Что называла звездами.

Когда была искомая
 И был искомый около,
 Когда еще весома
 Ему дарила локоны.
 Одна звезда мне нравится.
 Давно такое видано,
 Она и не красавица,
 Но очень безобидная.

Там не снует история,
 Там мысль еще не роздана,
 И видят инфузории
 То, что зовем мы звездами.

Лети, моя любимая!
 Так вот оно, бессмертие,—
 Не высчитать, не вымолвить,
 Само собою вертится.

* *
 *

Скребет себя на пепле Иов,
 И дым глаза больные выел,
 А что здесь было — нет его.
 И никого, и ничего.
 Зола густая тихо стынет.
 Так вот она, его пустыня.
 Он отнял не одно жильё —
 Он сердце обобрал мое.

Сквозь эту ночь мне не пробраться.
 Зачем я говорил о братстве?
 Зачем в горах звенел рожок?
 Зачем я голос твой берег?
 Постой. Подумай. Мы не знали,
 В какое счастье мы играли.
 Нет ничего. Одна зола
 По-человечески тепла.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

*

Я ЭТО ВИДЕЛ

Можно не слушать газетных сказаний,
 Не верить газетным столбцам,
 Но я это видел своими глазами.
 Понимаете? Видел. Сам.
 Вот тут — дорога. А там вон — взгорье.
 Меж ними
 вот этак —
 ров.
 Из этого рва подымается горе.
 Горе — без берегов.
 Нет! Об этом нельзя словами...
 Тут надо рычать! Рыдать!
 Семь тысяч расстрелянных в мерзлой яме,
 Заржавленной, как руда.
 Кто эти люди? Бойцы? Нисколько.
 Может быть, партизаны? Нет.
 Вот лежит лопухий Колька —
 Ему одиннадцать лет.
 Тут вся родня его. Хутор Веселый.
 Весь «самострой» — сто двадцать дворов.

Ближние станции, ближние села —
Все как заложники брошены в ров.

Лежат, сидят, всползают на бруствер.
У каждого жест. Удивительно свой!
Зима в мертвецке заморозила чувство,
С которым смерть принимал живой,
И трупы бродят, грозят, ненавидят...
Как митинг, шумит эта мертвая тишь.
В каком бы их ни свалило виде —
Глазами, оскалом, шеей, плечами
Они пререкаются с палачами,
Они восклицают: «Не победишь!»

Парень. Он совсем належке.
Грудь распахнута из протеста.
Одна нога в худом сапоге,
Другая сияет лаком протеза.
Легкий снежок валит и валит...
Грудь распахнул молодой инвалид.
Он, видимо, крикнул: «Стреляйте, черти!»
Поперхнулся, упал, застыл.
Но часовым на лежбище смерти
Торчит воткнутый в землю костыль.
И ярость мертвого не застыла:
Она фронтовых окликает из тыла,
Она водрузила костыль, как древко,
И вежа ее видна далеко.

Бабка. Эта погибла стоя.
Встала меж трупов и так умерла.
Лицо ее, славное и простое,
Черная судорога свела.
Ветер колышет ее отрепье...
В левой орбите застыл сургуч,
Но правое око глубоко в небе
Между разрывами туч.
И в этом упреке девы пречистой
Крушенье веры дремучих лет:
«Коли на свете живут фашисты,
Стало быть, Бога нет».

Рядом истерзанная еврейка.
 При ней ребенок. Совсем как во сне.
 С какой заботой детская шейка
 Повязана маминым серым кашне...
 Матери сердцу не изменили:
 Идя на расстрел, под пули идя,
 За час, за полчаса до могилы
 Мать от простуды спасала дитя.
 Но даже и смерть для них не разлука:
 Не властны теперь над ними враги —
 И рыжая струйка

из детского уха

Стекает

в горсть

материнской

руки.

Как страшно об этом писать. Как жутко.

Но надо. Надо! Пиши!

Фашизму теперь не отделаться шуткой:
 Ты вымерил низость фашистской души,
 Ты осознал во всей ее фальши
 «Сентиментальность» пруссацких грез,
 Так пусть же

сквозь их

голубые

вальсы

Горит материнская эта горсть.

Иди ж! Заклейми! Ты стоишь перед бойней.

Ты за руку их поймал — уличи!

Ты видишь, как пулюю бронебойной

Дробили нас палачи,

Так загреми же, как Дант, как Овидий.

Пусть зарыдает природа сама,

Если

все это

сам ты

видел

И не сошел с ума.

Но молча стою перед страшной могилой.
 Что слова? Истлели слова.
 Было время — писал я о милой,
 О щелканье соловья.

Казалось бы, что в этой теме такого?
 Правда? А между тем
 Попробуй найти настоящее слово
 Даже для этих тем.

А тут? Да ведь тут же нервы, как луки,
 Но строчки... глуше вареных вязиг.
 Нет, товарищи: этой муки
 Не выразит язык.

Он слишком привычен, поэтому беден,
 Слишком изящен, поэтому скуп,
 К неумолимой грамматике сведен
 Каждый крик, слетающий с губ.
 Здесь нужно бы... Нужно создать бы вече
 Из всех племен от дrevка до дrevка
 И взять от каждого все человечье,
 Все прорвавшееся через века —
 Вопли, крики, вздохи и стоны,
 Отгул нашествий, эхо резни...
 Не это ль

наречье
 муки бездонной
 Словам искомым сродни?

Но есть у нас и такая речь,
 Которая всех слов горячее:
 Врагов осыпает проклятьем картечь,
 Глаголом пророков гремят батареи.
 Вы слышите трубы на рубежах?
 Смятение... Крики... Бледнеют громилы.
 Бегут! Но некуда им убежать
 От вашей кровавой могилы.

Ослабьте же мышцы. Прикройте веки.
Травую взойдите у этих высот.
Кто вас увидел, отныне навеки
Все ваши раны в душе унесет.

Ров... Поэмой ли скажешь о нем?
Семь тысяч трупов.

Семиты... Славяне...

Да! Об этом нельзя словами:
Огнем! Только огнем!

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

*

ЛАГЕРЬ УНИЧТОЖЕНИЯ

...И тогда подошла к нам, желта, как лимон,
та старушка в три тысячи лет,
в кацавейке, в платке допотопных времен,
еле двигавший ноги скелет.

Синеватые пряди ее парика
гофрированы были едва.
И старушечья в синих прожилках рука
показала на оползни рва:

«Извините. Я шла по дорожным столбам,
по местечкам, сожженным дотла.
Вы не знаете, где мои мальчишки, пан?
Не заметили, где их тела?»

Извините меня. Я глуха и слепа.
Может быть, среди польских равнин,
может быть, эти сломанные черепа —
мой Иосиф и мой Веньямин?

Ведь у вас под ногами не щебень хрустел.
 Эта черная жирная пыль —
 это прах человеческих обугленных тел».
 Так сказала старуха Рахиль.

И пошли мы за ней по полям. И глаза
 застилала нам часто слеза.
 А вокруг золотые сияли леса,
 поздней осени польской краса.
 Там травы золотой сожжена полоса.
 Не гуляют ни серп, ни коса.
 Только шепчутся там голоса, голоса,
 тихо шепчутся там голоса:

«Мы мертвы. Мы в обнимку друг с другом лежим.
 Мы прижались к любимым своим.
 А сейчас обращаемся только к чужим
 и от них ничего не таим.

Сосчитайте по выбоинам на земле,
 по лохмотьям истлевших одежд,
 по осколкам стекла, по игрушкам в золе,
 сколько было тут светлых надежд.

Сколько света и хлеба украли у нас,
 сколько детских засыпали глаз,
 сколько девичьих рук, не сплеться, расплелось,
 сколько иссиня-черных волос...

Сколько крохотных туфель и легких чулок
 ветер по свету гнал и волок,
 сколько стоили фосфор, и кровь, и белок
 в подземельях берлинских берлог...

Эти звезды и эти цветы — это мы!
 Теропились кончать палачи,—
 потому что глаза им слепили из тьмы
 наших жизней нагие лучи.

Банки с газом и пули истрачены все.
 Смерть во всей ее жалкой красе
 убегала от нас по асфальту шоссе,
 потому что в вечерней росе,
 в трепетанье травы, в лепетанье листвы,
 в очертанье седых облаков —
 понимаете вы? — мы уже не мертвы,
 мы воскресли на веки веков».

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

*

КАДИШ

Отрывки из поэмы

Эта поэма посвящена памяти великого польского писателя, врача и педагога Якова Гольдшмидта (Януша Корчака), погибшего вместе со своими воспитанниками из школы-интерната «Дом сирот» в Варшаве, в лагере уничтожения Трешлинка.

Как я устал повторять бесконечно все то же и то же,
 Падать и вновь на своя возвращаться круги.
 Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже,
 Я не умею молиться, прости меня и помоги...

.....
 «Я никому не желаю зла, не умею, просто не знаю,
 как это делается».

Януш Корчак. Дневник

Уходят из Варшавы поезда,
 И скоро наш черед, как ни крути,
 Ну что ж, гори, гори, моя звезда,
 Моя шестиконечная звезда,
 Гори на рукаве и на груди!

Окликнет эхо давним прозвищем,
 И ляжет снег покровом пряничным,
 Когда я снова стану маленьким,
 А мир — опять большим и праздничным,
 Когда я снова стану облаком,
 Когда я снова стану зябликом,
 Когда я снова стану маленьким,
 И снег опять запахнет яблоком,
 Меня снесут с крылечка, сонного,
 И я проснусь от скрипа санного,
 Когда я снова стану маленьким
 И мир чудес открою заново.
 Звезда в окне и на груди звезда,
 И не поймешь, которая ясней,
 И я устал, и, верно, неспроста
 Гудят всю ночь, прощаясь, поезда.
 И я прощаюсь с памятью моей...

Когда-нибудь, когда вы будете вспоминать имена героев, не забудьте, пожалуйста, я очень прошу вас, не забудьте Петра Залевского, бывшего гренадера, инвалида войны, служившего сторожем у нас в «Доме сирот» и убитого польскими полицаями во дворе осенью 1942 года.

Он убирал наш бедный двор,
 Когда они пришли,
 И странен был их разговор —
 Как на краю земли,
 Как разговор у той черты,
 Где только «нет» и «да».
 Они ему сказали: «Ты,
 А ну, иди сюда!»
 Они спросили: «Ты поляк?»
 И он сказал: «Поляк».
 Они спросили: «Как же так?»
 И он сказал: «Вот так».

«Но ты ж, культяпый, хочешь жить,
 Зачем же, черт возьми,
 Ты в гетто нянчишься, как жид,
 С жидовскими детьми?!
 К чему,— сказали,— трам-там-там,
 К чему такая спесь?!
 Пойми,— сказали,— Польша там!»
 А он ответил: «Здесь!
 И здесь она, и там она,
 Она везде одна —
 Моя несчастная страна,
 Прекрасная страна».
 И вновь спросили: «Ты поляк?»
 И он сказал: «Поляк».
 «Ну что ж,— сказали.— Значит, так?»
 И он ответил: «Так».
 «Ну что ж,— сказали,— кончен бал! —
 Скомандовали: — Пли!»
 И прежде чем он сам упал,
 Упали костыли,
 И прежде чем пришли покой,
 И сон, и тишина,
 Он помахать успел рукой
 Глядевшим из окна.
 ...О, дай мне Бог конец такой,—
 Всю боль испив до дна,
 В свой смертный миг махнуть рукой
 Глядевшим из окна!

А потом наступил такой день, когда «Дому сирот», детям и воспитателям, приказано было явиться с вещами на Умшлягплац (так называлась при немцах площадь у Гданьского вокзала).

Эшелон уходит ровно в полночь,
 Паровоз-балбес пыхтит: «Шалом!»
 Вдоль перрона строем стала сволочь,
 Сволочь провожает эшелон.

Эшелон уходит ровно в полночь,
 Эшелон уходит прямо в рай,
 Как мечтает поскорее сволочь
 Донести, что Польша «юдэнфрай»!
 «Юдэнфрай» Варшава, Познань, Краков,
 Весь протекторат из края в край
 В черной чертовне паучьих знаков,
 Ныне и вовеки — «юдэнфрай»!
 А на Умшлягплаце у вокзала
 Гетто ждет устало — чей черед,
 И гремит последняя осанна
 Лаем полиция — «Дом сирот»!
 Шевелит губами переводчик,
 Глотка пересохла, грудь в тисках,
 Но уже поднялся старый Корчак
 С девочкою Натей на руках.
 Знаменосец, козырек заломом,
 Чубчик вьется, словно завитой,
 И горит на знамени зеленом
 Клевер, клевер, клевер золотой.
 Два горниста поднимают трубы,
 Знаменосец выпрямил древко.
 Детские обветренные губы
 Напевают гордо и легко:
 «Наш славный поход начинается просто,
 От Старого Мяста до Гданьского моста,
 И дальше, и с песней, построясь по росту,
 К варшавским предместьям, по Гданьскому мосту!
 По Гданьскому мосту!
 По улицам Гданьска, по улицам Гданьска
 Шагают девчонки Марыся и Даська,
 А маленький Боля, а рыженький Боля
 Застыл, потрясенный, у края приборя, у края приборя...»
 Пахнет морем теплым и соленым,
 Вечным морем и людской тщетой,
 И горит на знамени зеленом
 Клевер, клевер, клевер золотой!

Мы идем по четверо, рядами,
 Сквозь кордон эсэсовских ворон...
 Дальше начинается преданье,
 Дальше мы выходим на перрон.
 И бежит за мною переводчик,
 Робко прикасается к плечу:
 «Вам разрешено остаться, Корчак»,—
 Если верить сказке, я молчу.
 К поезду, к чугунному парому,
 Я веду детей, как на урок,
 Надо вдоль вагонов по перрону,
 Вдоль, а мы шагаем поперек.
 Рваными ботинками бряцая,
 Мы идем не вдоль, а поперек,
 И берут, смешавшись, полицаи
 Кожаной рукой под козырек.
 И стихает плач в аду вагонном,
 И над всей прощальной маетой —
 Пламенем на знамени зеленом
 Клевер, клевер, клевер золотой.
 Может, в жизни было по-другому,
 Только эта сказка вам не врет,
 К своему последнему вагону,
 К своему чистилищу-вагону,
 К пахнущему хлоркою вагону
 С песнею подходит «Дом сирот»:
 «По улицам Лодзи, по улицам Лодзи
 Шагают ужасно почтенные гости,
 Шагают мальчишки, шагают девчонки,
 И дуют в дуделки, и крутят трещотки...
 И крутят трещотки!
 Ведут нас дороги, и шляхи, и тракты
 В снега Закопане, где синие Татры,
 На белой вершине — зеленое знамя,
 И вся наша медная Польша под нами,
 Вся Польша...»

.....

...и тут кто-то, не выдержав, дал сигнал к отправлению — и эшелон Варшава—Треблинка задолго до назначенного часа (случай совершенно невероятный) тронулся в путь...

Вот и кончена песня,
Вот и смолкли трещотки,
Вот и скорчено небо
В переплете решетки.
И державе своей
Под вагонную тряску
Сочиняет король
Угломонную сказку...

.....

Нет, некстати была эта сказка, некстати,
И молчит моя милая чудо-держава,
А потом неожиданно голосом Нати
Невпопад говорит: «До свиданья, Варшава!»
И тогда, как стучат колотушкой о шпалу,
Застучали сердца колотушкой о шпалу,
Загудели сердца: «Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!»
По вагонам, подобно лесному пожару,
Из вагона в вагон, от состава к составу
Как присяга гремит: «Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!»
Пусть мы дымом растаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горячую лаву,
Но водой, но травой, но ветром, но пеплом
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!»

А мне-то, а мне что делать?
И так мое сердце — в ключьях!
Я в том же трясусь вагоне
И в том же горю пожаре,
Но из года семидесятого
Я вам кричу: «Пан Корчак!
Не возвращайтесь!»

Вам стыдно будет в э т о й Варшаве!
Землю отмыли добела,
Нету ни ровов, ни кочек,
Гранитные обелиски
Твердят о бессмертной славе,
Но слезы и кровь забыты,
Поймите это, пан Корчак,
И не возвращайтесь,
Вам страшно будет в э т о й Варшаве!
Дали зрелищ и хлеба,
Взяли Вислу и Татры,
Землю, море и небо,
Все, мол, наше, а так ли?!
Дня осеннего пряжа
С вещим зовом кукушки
Ваша? Врете, не ваша!
Это осень Костюшки!
Небо в пепле и саже
От фабричного дыма
Ваше? Врете, не ваше!
Это небо Тувима!
Сосны — гордые стражи
Там, над Балтикой пенной,
Ваши? Врете, не ваши!
Это сосны Шопена!
Беды плодятся весело,
Радость в слезах и корчах,
И много ль мы видели радости
На маленьком нашем шаре?!
Не возвращайтесь в Варшаву,
Я очень прошу вас, пан Корчак,
Не возвращайтесь,
Вам нечего делать в э т о й Варшаве!
Паясничают гомункулусы,
Геройские рожи корчат,
Рвется к нечистой власти
Орава речистой швали...

Не возвращайтесь в Варшаву,
Я очень прошу вас, пан Корчак!
Вы будете чужеземцем
В вашей родной Варшаве».

А по вечерам все так же играет музыка. Музыка, музыка как ни в чем не бывало:

Сэн-Луи блюз — ты во мне как боль, как ожог,
Сэн-Луи блюз — захлебывается рожок!
На пластинках и стерео,
Горячей признанья в любви,
Поет мой рожок про дерево
Там, на родине, в Сэн-Луи.
Над землей моей отчей выстрелы
Пыльной ночью все бах да бах!
Но гоните монету, мистеры,
И за выпивку, и за баб!
А еще, ну прямо комедия,
А еще за вами должок —
Выкладывайте последнее
За то, что поет рожок!
А вы сидите, и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
Вы платите деньги, и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
Вы жрете, пьете, и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
И поет мой рожок про дерево,
На котором я вздерну вас!
Да-с! Да-с! Да-с!

«Я никому не желаю зла, не умею, просто не знаю, как это делается».

Как я устал повторять бесконечно все то же и то же,
Падать и вновь на своя возвращаться круги.
Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже!
Я не умею молиться, прости меня и помоги!..

НАУМ КОРЖАВИН

*

ДЕТИ В ОСВЕНЦИМЕ

Мужчины мучили детей.
Умно. Намеренно. Умело.
Творили будничное дело,
трудились — мучили детей.
И это каждый день опять:
кляня, ругаясь без причины...
А детям было не понять,
чего хотят от них мужчины.
За что — обидные слова,
побои, голод, псов рычанье?
И дети думали сперва,
что это за непослушанье.
Они представить не могли
того, что было всем открыто:
по древней логике земли
от взрослых дети ждут защиты.
А дни все шли, как смерть, страшны,
и дети стали образцовы.
Но их все били.

Так же.

Снова.

И не снимали с них вины.
Они хватались за людей.
Они молили. И любили.
Но у мужчин «идеи» были,
мужчины мучили детей.
Я жив. Дышу. Люблю людей.
Но жизнь бывает мне постыла,
как только вспомню: это — было!
Мужчины мучили детей!

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

*

ПОЕЗД

Памяти Михоэlsa

Ни гневом, ни порицанием
давно уж мы не бряцаем,
здороваемся с подлецами,
раскланиваемся с полицаем!
Не рвемся ни в бой, ни в поиск,—
все праведно, все душевно.
Но помни: отходит поезд!
Ты слышишь? Уходит поезд
сегодня и ежедневно.

А мы балагурим, а мы куролесим,
нам недругов лесть, как вода из колодца,
а где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам
колеса, колеса, колеса, колеса.

Такой у нас нрав спокойный,
что без никаких стараний
нам кажется путь окольный
кратчайшим из расстояний.
Оплачен страховки полис,
готовит обед царевна,
но помни: отходит поезд
сегодня и ежедневно.

Мы пол оцинкуем, мы шторку повесим,
чтоб нашему раю ни краю, ни сноса.
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам
колеса, колеса, колеса, колеса.

От скорости века в сонности
живем мы, в живых не значась.
Непротивление совести —
удобнейшее из чудачеств!

И только порой под сердцем
 кольнет тоскливо и гневно:
 уходит наш поезд в Освенцим!
 Наш поезд уходит в Освенцим!
 Сегодня и ежедневно...

А как наши судьбы как будто похожи:
 и на гору вместе, и вместе с откоса.
 Но вечно по рельсам, по сердцу, по коже
 колеса, колеса, колеса, колеса.

ОЛЬГА АНСТЕЙ

*

КИРИЛЛОВСКИЕ ЯРЫ

I

Были дождинки в безветренный день.
 Юностью терпкой колот терновник.
 Сумерки и ковыляющий пень,
 Сбитые памятники, часовни...
 Влажной тропинкой — в вечерний лог!
 Тоненькой девочкой, смуглой дриадой —
 В теплые заросли дикого сада,
 Где нелюбимый и верный — у ног!..
 В глушь, по откосам — до первых звезд!
 В привольное из привольных мест!

II

Ближе к полудню. Он ясен был.
 Юная терпкость в мерном разливе
 Стала плавнее, стала счастливей.
 Умной головкою стриж водил
 На меловом горячем обрыве.

Вянула между ладоней полынь.
 Чебрик дышал на уступе горбатом.
 Шмель был желанным крохотным братом!
 Синяя в яр наплывала теплынь...
 Пригоршнями стекала окрест
 В душистое из душистых мест.

III

Дальше. Покорствуя зову глухому,
 На перекресток меж давних могил
 Прочь из притихшего милого дома,
 Где у порога стоит Азраил,—
 Крест уношу,— слезами несытый,
 Смертные три возносивший свечи,
 Заупокойным воском облитый,
 Саван и венчик выдавший в ночи...
 Будет он врыт, подарок постылый,
 Там, в головах безымянной могилы...
 Страшное место из страшных мест!
 Страшный коричневый скорченный крест!

IV

Чаша последняя. Те же места,
 Где ликовала дремотно природа —
 Странному и роковому народу
 Стали Голгофой, подножьем креста.
 Слушайте! Их поставили в строй,
 В кучки пожитки сложили на плитах,
 Полузадохшихся, полудобитых
 Полузаваливали землей...
 Видите этих старух в платках,
 Старцев, как Авраам величавых,
 И вифлеемских младенцев курчавых
 У матерей на руках?

Я не найду для этого слов:
 Видите — вот на дороге посуда,
 Продранный талес, обрывки Талмуда,
 Ключья размытых дождем паспортов!
 Черный — лобный — запекшийся крест!
 Страшное место из страшных мест!

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

*

БАБИЙ ЯР

К чему слова и что перо,
 Когда на сердце этот камень,
 Когда, как каторжник ядро,
 Я волочу чужую память?
 Я жил когда-то в городах,
 И были мне живые милы,
 Теперь на тусклых пустырях
 Я должен разрывать могилы,
 Теперь мне каждый яр знаком,
 И каждый яр теперь мне дом.
 Я этой женщины любимой
 Когда-то руки целовал,
 Хотя, когда я был с живыми,
 Я этой женщины не знал.
 Мое дитя! Мои румяна!
 Моя несметная родня!
 Я слышу, как из каждой ямы
 Вы окликаете меня.
 Мы понатужимся и встанем.
 Костями застучим — туда,
 Где дышат хлебом и духами
 Еще живые города.
 Задуйте свет. Спустите флаги.
 Мы к вам пришли. Не мы — овраги.

ЮЛИЯ НЕЙМАН

*

БАБИЙ ЯР. ДВА ГОДА СПУСТЯ

Травы цепляются за песок,
Корчась, как пальчики за висок...
Лунным пейзажем — черен и бел —
Выем ложбины. Овраг на ней.
Склонов мертвокрошащийся мел.
Угольная чернота теней.

Были ведь звуки в ложбине той?..
Ветер шнырял по кустам вокруг...
Мне же она — сплошной немотой,
Будто тогда в ней, убили звук.
Будто стенания, крики, бред
Падающих, свергаясь вниз,
В дикую немоту слились,
В ужас беззвучия.
В белый цвет.
Доглуха, добела выжжен след.

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

*

ЗАСЫПАЯ И ПРОСЫПАЯСЬ

Все снежком январским припорошено,
Стали ночи долгие лютей...
Только потому, что так положено,
Я прошу прощенья у людей.

Воробьи попрятались в скворешники,
Улетели за море скворцы...
Грешного меня — простите, грешники,
Подлого — простите, подлецы!

Вот горит звезда моя субботняя,
 Равнодушна к лести и хуле...
 Я надену чистое исподнее,
 Семь свечей расставлю на столе.

Расшумятся к ночи дурни-лабухи:
 Ветра и поземки чертовня...
 Я усну, и мне приснятся запахи
 Мокрой шерсти, снега и огня.

А потом из прошлого бездонного
 Выплывет озябший голосок —
 Это мне Арина Родионовна
 Скажет: «Нит гедайге, спи, сынок.

Сгнило в вошебойке платье узника,
 Всем печалям подведен итог,
 А над Бабьим Яром — смех и музыка...
 Так что все в порядке, спи, сынок.

Спи, но в кулаке зажди оружие —
 Ветхую Давидову пращу!»
 ...Люди мне простят от равнодушия,
 Я им — равнодушным — не прощу!

СОФИЯ ДУБНОВА-ЭРЛИХ

*

ГЕТТО

Здесь когда-то трудились, плакали,
 Разрывали путы тоски.
 На прилавке промозглом звякали
 Запотевшие медяки.

Над страдой, нищетою, плесенью
 Рос огонь субботней свечи.

Бунт упрямою бился песней
О шербатые кирпичи.

И задохлось гетто, сгорая
В клубах дыма, в разрывах мин,
С бормотаньем: «Слушай, Израиль!»
С гневным возгласом: «Слушай, мир!»

Вот и все. А мы и не знали
Под туманом чужих дорог,
Что в горячем пепле развалин
Наших душ остался клочок,

Там, где братья предсмертным кличем
Исчерпали судьбу до дна,
Для себя избравши величье
И бессилье оставив нам...

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

*

В ГЕТТО

По закоулкам громоздились слухи,
Быстрее бомбы говорил наган.
Но с нами был голодный мальчик Нухим,
Веселый и бездомный мальчуган.

На склоне ночи, в тишину рассвета
Не смело солнце выйти из норы,
Тогда, бушуя, потухало гетто,
Сочились мраком скользкие дворы.

И падал дождь, нелегкий и несмелый,
И замер луч... и навсегда... с тех пор.
А он, один на досках обгорелых,
Стрелял во тьму безлицую в упор.

Он захлебнулся ветра влагой талой,
Он смехом гнал тревожные свистки...
Был огонек, и вот его не стало,
Но все в огне крутые завитки.

Тринадцать лет, мальчишеская удаль,
На баррикаде сладко умирать...
Тогда еще казалось — будет чудо,
И чудо совершилось, как знать.

ВЫ ПРИПОМНИТЕ...

По ночам смятенье в подвале
При огне безумной свечи,
Тех, кто в шепоте изнывали,
Вы припомните, палачи.

Эту раннюю позолоту
На непрочных листьях осок,
И обильный дождь пулемета,
И прощальный белый песок.

Как их гнали на старую пристань
Из местечка сонной глуши,
Были камни обрызганы чисто,
Выпрямялися камыши.

Перед смертью последний роздых —
Три минуты здесь, на мосту,
О чужие, бледные звезды,
Потухающие на лету.

Этот холод рассвета лютый
И лиловый огонь щеки,
Нет страшнее первой минуты
Ожидания и тоски.

Потекла минута вторая,
Самый страшный водораздел.
Мальчик крикнул: «Слушай, Израиль!»
И худые руки воздел.

Но молчало темное небо
И не слышало голосов,
Только толстый немец-фельдфебель
Постучал о крышку часов,

Поднял выше палец корявый,
Посвистел и подал сигнал,—
И картуз с головы кудрявой
На седые доски упал.

Затихали, дрожа, ресницы,
Сердце, сердце — оно не стучит...
Вы припомните, смолкли птицы,
Пес не лаял, скрылись лучи,

Восковые детские лица
Вы припомните, палачи.

АЛЕКСАНДР АРОНОВ

*

ГЕТТО. 1943 г.

Когда горело гетто,
Когда горело гетто,
Варшава изумлялась
Четыре дня подряд.
И было столько треска,
И было столько света,
И люди говорили:
— Клопы горят.

А через четверть века
 Два мудрых человека
 Сидели за бутылкой
 Хорошего вина,
 И говорил мне Януш,
 Мыслитель и коллега:
 — У русских перед Польшей
 Есть своя вина.

Зачем вы в 45-м
 Стояли перед Вислой?
 Варшава погибает!
 Кто даст ей жить? —
 А я ему: — Сначала
 Силенок было мало,
 И выходило, с помощью
 Нельзя спешить.

— Варшавское восстание
 Подавлено и смято,
 Варшавское восстание
 Потоплено в крови.
 Пусть лучше я погибну,
 Чем дам погибнуть брату, —
 С отличной дрожью в голосе
 Сказал мой визави.

А я ему на это:
 — Когда горело гетто...
 Когда горело гетто
 Четыре дня подряд,
 И было столько треска,
 И было столько света,
 И все вы говорили:
 «Клопы горят».

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

*

ДИСПЕТЧЕР СВЕТА

Из поэмы «Братская ГЭС»

Я диспетчер света, Изя Крамер.
Ток я шлю крестьянину, врачу,
двигаю контейнеры и краны
и кинокомедии кручу.

Где-то в переулочках неслышных,
обнимаясь, бродят, как всегда.
Изя Крамер светит вам не слишком?
Я могу убавить, если да.

У меня по личной части скверно.
До сих пор жены все нет и нет.
Сорок лет не старость, это верно,
только и не юность сорок лет.

...Вот стою за пультом над водою,
думаю про это и про то,
а меня на белом свете двое,
и не знает этого никто.

Я и здесь и в то же время где-то.
Здесь — тела, а там — тела, тела...
Проволока рижского гетто
надвое меня разорвала.

Оба Изы в этой самой коже.
Жарко одному, другой дрожит.
Одному кричат: «Здорово, кореш!» —
а другому: «Эй, пархатый жид!».

И у одного, в тайге рождаясь,
 просят света дети-города;
 у другого к рукаву прижалась
 желтая несчастная звезда.

Все ж другому на звезду, на кепку
 сыплется черемуховый цвет,
 а семнадцать лет — они и в гетто,
 что ни говори,— семнадцать лет.

Тело жадно дышит сквозь отрепья
 и чего-то просит у весны...
 А у Ривы, как молитва ребе,
 волосы туманны и длинны.

Пьяные ээсовцы глумливо
 шляются по гетто до зари...
 А глаза у Ривы — словно взрывы,
 черные они, с огнем внутри.

Молится она окаменело,
 но молиться губы не хотят
 и к моим, таким же неумелым,
 жаркие, по воздуху летят.

И, забыв о голоде и смерти,
 полные особенным, своим,
 мы на симфоническом концерте
 в складе продовольственном сидим.

Пальцы на ходу дыханьем грея,
 к нам выходит крошечный оркестр.
 Исполнять Бетховена евреям
 разрешило все-таки ээс.

Хилые, на ящиках фанерных
поднимают скрипки старички,
и по нервам, по гудящим нервам
пляшут исступленные смычки.

И звучат бомбежки ураганно,
хоры мертвых женщин и детей,
и вступают гулко и органно
трубы где-то ждущих нас печей.

Ваша кровь, Майданек и Освенцим,
из-под пианинных клавиш бьет,
и, бушуя,— немец против немцев —
Людвиг ван Бетховен восстает.

Ну, а в дверь, дыша недавней пьянкой,
прет на нас эсэсовцев толпа...
Бедный гений, сделали приманкой
Богом осененного тебя.

И опять на пытки и на муки
тащит нас куда-то солдатня.
Людвиг ван Бетховен, чьи-то руки
отдирают Риву от меня!

Наш концлагерь птицы облетают,
стороною облака плывут.
Крысы в нем и то не обитают,
ну, а люди пробуют — живут.

Я не сплю, на вшивых нарах лежа,
и одна молитва у меня:
«Как меня, не мучай Риву, Боже,—
сделай так, чтоб Рива умерла!»

Но однажды, землю молчаливо
рядом с женским лагерем долбя,
я едва не вскрикнул... вижу Риву,
словно призрак, около себя.

А она стоит, почти незрима
от прозрачной детской худобы,
колыхаясь, будто струйка дыма
из кирпичной лагерной трубы.

И живая или неживая —
не пойму... Как в сон погружена,
мертвенно матрасы набивает
человечьим волосом она.

Рядом ходит немка, руки в бедра,
созерцая этот страшный труд.
Сапоги скрипят, сверкают больно.
Сапоги новехонькие. Жмут.

«Эй, жидовка, слышишь, брось матрасы!
Подойди! А ну-ка помоги!»
Я рыдаю... С ног ее икрастых
стягивает Рива сапоги.

«Поживее! Плетки захотела?
Не порви чулок! — И в грудь пинком.—
А теперь их разноси мне, стерва!
Надевай! Надела? Марш бегом!»

И бежит, бежит по кругу Рива,
спотыкаясь посреди камней,
и солдат лоснящиеся рыла
с вышек ухмыляются над ней.

Боже, я просил ей смерти, помнишь?
Почему она еще живет?
Я кричу, бросаясь ей на помощь,
мне товарищ зажимает рот.

И она бежит, бежит по кругу,
падает, встает, лицо в крови...
Боже, протяни свою ей руку,
навсегда ее останови!

Боже, я опять прошу об этом!
Милосердный Боже, так нельзя!
Солнце, словно лагерный прожектор,
Риве бьет в безумные глаза.

Падает... К сухой земле прижалась
девичья седая голова.
Наконец-то вспомнил Бог про жалость.
Бог услышал, Рива, ты мертва...

Я диспетчер света, Изя Крамер.
Я огнями ГЭС на вас гляжу,
грохочу электротракторами
и электровозами гужу.

Где-то на бетховенском концерте
вы сидите, может быть, с женой,
ну, а я — вас это не рассердит? —
около сажусь, на приставной.

Впрочем, это там не я, а кто-то...
Людвиг ван Бетховен, я сейчас
на пюпитрах освещаю ноты
из тайги, стирая слезы с глаз.

И, платя за свет в квартире вашей,
счет кладя с небрежностью в буфет,
помните, какой ценою страшной
Изя Крамер заплатил за свет.

Знает Изя: много надо света,
чтоб не видеть больше мне и вам
ни колючей проволоки гетто
и ни звезд, примерзших к рукавам,

чтобы над евреями бесчестно
не глумился сытый чей-то смех,
чтобы слово «жид» навек исчезло,
не позоря слова «человек»!

Этот Изя кое-что да значит —
Ангара у ног его лежит, —
ну, а где-то Изя плачет, плачет,
ну, а Рива все бежит, бежит...

Л. ЖДАНОВА

*

РАССТРЕЛЯННЫЕ ЗВЕЗДЫ

Здесь было горе — горе без счета.
Желтые звезды — звезды почета.
Звезды униженных, звезды отверженных,
вшитые в небо еврейской одежды.

Здесь в синагоге молилось гетто.
Только Мессия, наверное, где-то
мимо промчался и канул в Лету.
Бог позабыл о еврейских бедах.

Желтые звезды, звезды Давида,
горькие слезы еврейской обиды.
Вместо клейма паспорт с надписью «Юде»,
в спину проклятием окрик: «Иуда!»

В осень глухую, в ночь листопада,
падали, падали, падали, падали,
издали звезды... В звезды стреляли,
звезды кроваво-красными стали.

Желтой звезды кровотокающий след!
Звезды, которых на небе нет!
Звезды, в могилы зарытые заживо...
Вместо звезды расстрелянной каждой
Новые звезды руками нашими
В небо вошьем мы в память о павших!

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

* *
* *

...Певзнер 1903, Сергеев 1934, Лебедев 1916,
Бирман 1936, Бирман 1941, Дробот 1907...

Наши кеды как приморозило.
Тишина.
Гетто в озере. Гетто в озере.
Три гектара живого дна.

Гражданин в пиджачке гороховом
Зазывает на славный клев.
Только кровь
на крючке его крошечном,
кровь!

«Не могу,— говорит Володька,—
а по рылу могу.

Это вроде как
не укладывается в мозгу.

Я живой водою умоюсь,
может, чью-то жизнь расплещу,
может, Машеньку или Мойшу
я размазываю по лицу.

Ты не тронь воды плоскодонкой.
уважаемый инвалид.

Ты пощупай ее ладонью —
болит!»

Может, так же не чьи-то давние,
а ладони моей жены,
плечи, волосы, ожидание
будут так же растворены.

А базарами колоссальными
барабанит жабрами в жесть
то, что было теплом, глазами,
на колени любило сесть.

«Не могу,— говорит Володька,—
лишь зажмурюсь — в чугунных печах,
точно рыбы на сковородках,
пляшут женщины и кричат...»

Коган 1933...

Их гнали к обрыву эсэсовскими прикладами.
Левин 1917...

Третью ночь, как Костров пьет.

И ночами зовет с обрыва.

И к нему является

рыба —

чудо-юдо озерных вод.

«Рыба, летучая рыба с гневным лицом мадонны,
с плавниками или крыльями...

Рива тебя звали,

золотая Рива,

Ривка,

либо как-нибудь еще...

Рыба,

рыба боли и печали,

прости меня, прокляни, но что-нибудь

ответь!»

Ничего не отвечает рыба.

Тихо. Озеро пограничное.

Три сосны.

Изумленнейшее хранилище

жизни, облака, вышины.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

* *
*

Запомни этот ров. Ты все узнал:

И города сожженного оскал,

И черный рот убитого младенца,

И ржавое от крови полотенце.

Молчи — словами не смягчить беды.

Ты хочешь пить, но не ищи воды.

Тебе даны не воск, не мрамор. Помни —

Ты в этом мире всех бродяг бездомней.

Не обольстись цветком: и он в крови.

Ты видел все. Запомни и живи.

САМУИЛ МАРШАК

*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ночью ветер с жалким воем
Рвет входную дверь.
Твой отец ушел с конвоем.
Где-то он теперь?

Мы одни с тобой на свете.
Только мы вдвоем.
Буйный ветер, будто третий,
К нам стучится в дом.

То в заботе, то в работе
Мы проводим дни.
За рекою на болоте
Мы корчем пни.

Обувь мы порвали в клочья,
А идет мороз.
Лучше спать и днем и ночью
Тем, кто гол и бос.

Ты усни скорее, крошка.
Плакать нам нельзя,
Часовой глядит в окошко,
Смертью нам грозя.

Буйный ветер гулко воеет.
Спи, дитя, усни.
Пусть приснятся нам с тобою
Радостные дни!

* *
*

Настали сумрачные годы,
Без перемены дни идут.
У нас ни солнца, ни свободы,
А только труд, тяжелый труд.

Еврейские бригады —
Дырявые наряды,
Босые пятки, марш вперед,
Вперед под бременем невзгод!

Отгородили нас от света
Тройной стеной со всех сторон.
Любой из нас, живущих в гетто,
На смерть и пытку осужден.

Еврейские бригады —
Дырявые наряды,
Босые пятки, марш вперед,
Вперед под бременем невзгод!..

СЕМЕН ЛИПКИН

*

ВИЛЬНЮССКОЕ ПОДВОРЬЕ

Ни вывесок не надо, ни фамилий.
Я все без всяких надписей пойму.
Мне камни говорят: «Они здесь жили,
И плач о них не нужен никому».
А жили, оказалось, по соседству
С епископским готическим двором,
И даже с ключарем — святым Петром,
И были близки нищему шляхетству,
И пан Исус, в потертом кунтуше,
Порою плакал и об их душе.

Теперь их нет. В средневековом гетто
 Курчавых нет и длинноносых нет.
 И лишь в подворье университета,
 Под аркой, где распластан скудный свет,
 Где склад конторской мебели,— неожиданно
 Я вижу соплеменников моих,
 Недвижных, но оставшихся в живых,
 Изваянных Марию, Иоанна,
 Иосифа... И слышит древний двор
 Наш будничный, житейский разговор.

БОРИС СЛУЦКИЙ

*

КАК УБИВАЛИ МОЮ БАБКУ

Как убивали мою бабу? —
 Мою бабу убивали так:
 Утром к зданию горбанка
 Подошел танк.
 Сто пятьдесят евреев города,
 Легкие
 от годовалого голода,
 Бледные
 от предсмертной тоски,
 Пришли туда, неся узелки.
 Юные немцы и полицаи
 Бодро теснили старух, стариков
 И повели, котелками бряцая,
 За город повели,
 далеко.
 А бабу, маленькая, словно атом,
 Семидесятилетняя бабушка моя
 Крыла немцев,
 Ругала матом,
 Кричала немцам о том, где я.

Она кричала:— Мой внук на фронте,
Вы только посмейте,
Только троньте!
Слышите,

наша пальба слышна! —
Бабка плакала, и кричала,
И шла.

Опять начинала сначала
Кричать.
Из каждого окна
Шумели Ивановны и Андреевны,
Плакали Сидоровны и Петровны:
— Держись, Полина Матвеевна!
Кричи на них. Иди ровно! —
Они шумели:

— Ой, що робыть
З отым нимцем, нашим ворогом! —
Поэтому бабку решили убить,
Пока еще проходили городом.

Пуля взметнула волоса.
Выпала седенькая коса,
И бабка наземь упала.
Так она и пропала.

ЮЛИЯ НЕЙМАН

*

СТАРИК

Из военных стихов

Глаза — глубоко, а душа — на ладони...
Сединами пышно повит...
Вошел он, и стало светлее в вагоне
И люди — добрее на вид.

И речь заструилась приятно и слабо:
 Как есть ветерок по меже...
 — Да, мы с Беларуси. А к дочке — в Челябу...
 С войны не видались уже.

Как вспомнишь то время — разлуки да слезы...
 Пришла на Полесье беда...
 Мы сами с еврейского были колхозу...
 Чему удивились?.. Ну да...

Я ладил им сбрую... Ну, жили богато,
 Всего получали с земли...
 Какие у них подрастали девчата!
 Какие парнишки росли!..

Да Гитлер нагрязнул нежданно-незванно...
 Ну, только война занялась,—
 Сыны мои — в армию. Зять — в партизаны.
 А дочь поначалу у нас...

Да где там!.. Как фрицы пришли до порогу,
 Смотреть, говорит, не могу!
 Сбирай, говорит, меня, тату, в дорогу...
 А наши — на том берегу...

Несется навстречу березам и кленам,
 Овраг по пути пробежит...
 Должно быть, в таком же овраге зеленом
 Бедовая Лия лежит...

И небо над ней — опрокинутой чашей,
 А вокруг, муравой шевеля,
 Раскинулась горькая родина наша —
 Мать-мачеха наша — земля.

ЯН САТУНОВСКИЙ

* *
*

Нет никого на свете
желанней
 этой дурнушки,
золушки нашей, Эльки.

Взял бы
и съел бы
изюминки-веснушки
С Элькиной шейки.

А где ее дом?
 За бродом.
А чем она пахнет?
 Медом,
 Элька-конопелька.

Играйте,
 жидовские дети!
На скрипке!
 На флейте!
Еще не зажгли
 для вас
 освенцимские свечки.

ИОСИФ КОТЛЯР

*

МАРТ

Предвесенний добрый март
окрылил мое сознание,
чтобы мог я,
 как Декарт,
слушать мудрых пчел жужжанье,
начинающих свой старт.

Но земля еще в слезах,
 в прахе,
 в пепле,
 в горьких столах,
 в прометеевых цепях,
 в переключке полигонов.
 И евреи —
 шесть миллионов —
 истлевают в смертных рвах!

СЕМЕН ЛИПКИН

*

МОИСЕЙ

Тропою концентрационной,
 Где ночь бессонна, как тюрьма,
 Трубой канализационной,
 Среди помоев и дерьма,

По всем немецким, и советским,
 И польским, и иным путям,
 По всем плечам, по всем мертвецким,
 По всем страстям, по всем смертям —

Я шел. И, грозен и духовен,
 Впервые Бог открылся мне,
 Пылая пламенем газoven
 В неопалимой купине.

ЕВРЕЙСКО-РУССКОЕ

Особенный, еврейско-русский воздух,
Блажен, кто им когда-нибудь дышал.

Д. Кнут

Двойною верностью отягчена,
Двойным огнем душа палима...

С. Дубнова-Эрлих

СЕМЕН ЛИПКИН

*

КОЧЕВОЙ ОГОНЬ

Четыре как будто столетья
В империи этой живем.
Нам веют ее междометья
Березкою и соловьем.

Носили сперва лапсердаки,
Держали на тракте корчму,
Кидались в атаки, в бараки,
Но все это нам ни к чему.

Мы тратили время без смысла
И там, где настаивал Нил,
Чтоб элина речи и числа
Левит развивал и хранил,

И там, где испанскую розу
В молитву поэт облачал,
И там, где от храма Спинозу
Спесивый синклит отлучал.

Какая нам задана участь?
Где будет покой от погонь?
Иль мы — кочевая горючесть,
Бесплотный и вечный огонь?

Где заново мы сотворимся?
Куда мы направим шаги?
В светильниках чьих загоримся
И чьи утеплим очаги?

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

*

ПОЭМА КОНЦА

Отрывок

.....
 За городом! Понимаешь? За!
 Вне! Перешед вал.
 Жизнь — это место, где жить нельзя:
 Ев — рейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат
 Стать Вечным Жидом?
 Ибо для каждого, кто не гад,
 Ев — рейский погром —

Жизнь. Только выкрестами жива!
 Иудами вер!
 На прокаженные острова!
 В ад! — всюду! — но не в

Жизнь, — только выкрестов терпит, лишь
 Овец — палачу!
 Право-на-жительство свой лист
 Но — гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит—
 Мечь! — В месиво тел!
 Не упоительно ли, что жид
 Жить — не захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.
 По — шады не жди!
 В сём христианнейшем из миров
 Поэты — жиды!

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ

* *
*

Таит тоску тысячелетий
Разрез иерусалимских глаз,
И тишина сплетает сети
 В предпраздничный вечерний час.
И над страницами Агады,
 Где зреют пышные плоды,
Потулены любовно взгляды
 До света утренней звезды.
И над пергаментом старинным,
 Где арамейская печать,
Часы и сладостны и длинны,
 Их не забыть, не сосчитать.
А патриарх седобородый
 В сиянии субботних свеч
Благословит иные роды
 На маккавеев острый меч.
За сына в русском бранном поле
 С душою древнего борца
Молитвы радости и боли,
 Как свечи, тают без конца...

МИХАИЛ АБРАМОВИЧ

*

ИЗ ПЕСЕН ДНЯ

С усмешкой смотрят на меня
Мои российские собратья,
Когда, томимый злобой дня,
Жидам кидаюсь я в объятья.
Когда ж отчизну вновь поет
Моя страдальческая Муза,—
Гнушаясь прежнего союза,
Кричат: «Он лжет, коварно лжет».

Ну, что же? — Смейтесь надо мною!
 Но знайте, милые друзья! —
 Пока еврей гоним судьбою,
 Его печаль — печаль моя;
 Пока его клеймят презреньем,
 И ложь, и ненависть, и тьма —
 С себя не сброшу я клейма
 Во дни тревог, во дни гоненья.

*

Но нет, не лгу я, коль отчизны
 Пою и скорбь, и мощь порой!
 Я без греха, без укоризны
 Люблю тебя, мой край родной!
 С тобой я кровью породнился,
 В тебе узнал я сладость битв,
 И горечь слез, и жар молитв,
 В тебе умру, в тебе родился!..
 Какой достался искус мне,
 И не привык я лицемерить.
 О! Те, что в ближнем свято чтут
 Превыше рода — человека,
 В рядах бойцов за дело века
 Мне место братское дадут!..

БОРИС СЛУЦКИЙ

* *
 *

А нам, евреям, повезло.
 Не прячась под фальшивым флагом,
 На нас без маски лезло зло.
 Оно не притворялось благом.

Еще не начинались споры
 В торжественно-глухой стране.
 А мы — припертые к стене —
 В ней точку обрели опоры.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ

Я даже не набрался,
 когда домой вернулся:
 такая наша раса —
 и минусы, и плюсы.
 Я даже не набрался,
 когда домой добрался,
 хотя совсем собрался:
 такая наша раса.

Пока все пили, пили,
 я думал, думал, думал.
 Я думал: или — или.
 Опять загнали в угол.
 Вот я из части убыл.
 Вот я до дому прибыл.
 Опять загнали в угол:
 С меня какая прибыль?

Какой-то хмырь лядащий
 сказал о дне грядущем,
 что путь мой настоящий —
 в эстраде быть ведущим,
 или в торговле — завом,
 или в аптеке — замом.
 Да, в угол был я загнан,
 но не погиб, не запил.

И вот за века четверть,
 В борьбе, в гоньбе, в аврале,
 меня не взяли черти,
 как бы они ни брали.
 Я уцелел,
 я одолел.
 Я — к старости — повеселел.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

* *
 *

Пускай другого рода я
 И племени иного,—
 Но вы напрасно у меня
 Конфисковали слово.

Ах, эта Пятая статья
 Народа небольшого,—
 Но вы напрасно у меня
 Конфисковали слово.

Ведь слово — родина моя
 И всех основ основа,—
 И вы напрасно у меня
 Конфисковали слово.

Конечно, дело не во мне,
 Убитом на другой войне,
 В огне иных сражений,
 А в том, что здесь, увидев свет,

На даче, до недавних лет,
 Великий русский жил поэт,
 Русскоязычный гений.
 И жизнь была его сестрой,

И здесь недавний предок мой
 Схоронен был в земле сырой
 В палящий, душный, майский зной
 Бессолнечновесенний.

Не обо мне, конечно, речь,
 А о моем предтече.
 Вам долго предстоит беречь
 Его божественную речь,
 Часть речи, вашей речи.

Он отодвинул далеко
 Мишень.— И пули в молоко
 От вас уйдут в полете.
 Он поднял планку высоко,
 Вам будет прыгать нелегко,
 И вы ее собьете.

НАУМ КОРЖАВИН

*

РОДИНЕ

Что ж, и впрямь, как в туман,
 Мне уйти — в край, где синь, а не просинь.
 Где течет Иордан,—
 Хоть пока он не снится мне вовсе.

Унести свою мысль,
 Всю безвыходность нашей печали,
 В край, где можно спастись
 Иль хоть сгинуть, себя защищая.

Сгинуть, выстояв бой,
 В жажде жизни о пулю споткнуться.
 А не так, как с Тобой,—
 От Тебя же в тебе задохнуться.

Что ж, раздвинуть тиски
 И уйти?.. А потом постоянно
 Видеть плесы Оки
 В снах тревожных у струй Иордана.

Помнить прежнюю боль,
 Прежний стыд, и бессилье, и братство...
 Мне расстаться с Тобой,
 Как с собой, как с судьбою расстаться.

Это так все равно,—
 Хоть твой флот у Синая — не малость.
 Хоть я знаю давно,
 Что сама ты с собою рассталась.

Хоть я, мыслям чужим
 Вторя страстно, кричу что есть силы:
 — Византия — не Рим.
 Так же точно и ты — не Россия.

Ты спасешься? — Бог весть!
 Я не верю. Все смертью чревато.
 ...Только что в тебе есть,
 Если, зная, как ты виновата,

Я боюсь в том краю,—
 Если все ж мы пойдем на такое,—
 Помнить даже в бою
 Глупый стыд — не погибнуть с Тобою.

НАТАН ЗЛОТНИКОВ

* *
*

Повисни надо мной, повисни,
След самолета, белый след,
Как веточка днепровской вишни
Знакомая мне с детских лет.

Седая дымчатая трасса
Над родиной моей пройдет,
Над тихой родиной Тараса,
Где вишня белая цветет.

Но эта белизна не на год:
Сойдет с деревьев белый цвет,
Для небольших и сочных ягод
Он станет красным, белый цвет.

И все заполонит базары
Его живое естество.
И никакой на свете тары
Уже не хватит для него.

Благословенно будь рожденье
Плодов, народов, облаков...
Пусть варят женщины варенье
Всю ночь до первых петухов.

И красный цвет шумит пожаром,
Другим цветам всем вопреки!

...Красны пески над Бабым Яром,
А были белые пески.

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

* *
*

Я вспомнил Стоход.
Еврейское кладбище — влево.
А солнце
Коктейлевой вишней
Брошено в вермут заката.

Хочется пить. Стреляют. Бежим.

У первых могил залегли. Солдаты острили:
«Пожалуй,
Покойникам снится погром!»

Я спал на земле,
Шершавой, еще не остывшей, пахучей.
Под утро
Меня разбудил холодок.

Светало. И солнце
Всходило оттуда,
Где наши резервы лежали.
И не было в солнце
Помину вчерашнего солнца:

Косило оно и бросало
Лучи, как фонтаны,
Которые в море выфыркивают киты.

Сердитое солнце всходило,
Тревожное солнце:
Оно обещало нам бой.

Я стал озираться.
На рыжей плите,
Солдатской лопатою брошен,

Зубами гранит укусив,
Зеленел
Человеческий череп.

Он крупный был очень,
И мозг
Немалый,
Должно быть,
Вмещал он при жизни.

О чем я подумал тогда?
Едва ли
О Гамлете,
Нет, я Шекспира не вспомнил!

«Должно быть, раввин,—
Сказал я соседу,—
Хозяином черепа был...
Посмотри-ка, огромный!»

Тут начали нас колотить,
И в окопы,
В могилки,
Нарытые между могил,
Легли мы
И так пролежали до полдня,
Пока австрияк не очистил внезапно местечко.

БОРИС СЛУЦКИЙ

* *
*

Пятиконечная звезда с шестиконечной
поспорили на кладбище еврейском,
кто просияет среди ночи вечной
покойным острякам и юморескам.

скрипку взял...

и слезы тети Цили
на цветах пикейных покрывал...
это осень;

это дождь на крыше...
Это все, что Марикел Шагал
допоеет, допишет и додышит...
Лоскуты надежд, обрывки сна,
а меж ними — с кошерной едою —
улочка,

которая ясна,
как стакан с небесною водою...

II

Полотно Шагала — это ты
за руку взяла меня, и значит
жизнь моя чего-нибудь да значит,
ибо рядом ты и облака.
У тебя хорошая рука,
легкая, как слово,

а мозоли —
как плоды паслена или соли
влажные кристаллы —
холодят.

Если мы оглянемся назад,
мы увидим, как раскрыла тору
наша жизнь,
которую к забору
привязали,
и забор знобит...

Слышишь, как о счастье говорит
(как о смерти) бабушка,

ты слышишь,
яблоки попадали на крыши,
половицы скрипнули в дому?..

Дух и язык, о как вас совместить
 Поэтам русским, но в душе евреям?
 На языке чужом нам говорить,
 Но кровь пролить, подобно Макковеям.

ПАСХАЛЬНОЕ

Гори же, гори, семисвешник,
 Гори, согревай, как извечно,
 Над жизнью, как льдинка, непрочной,
 Гори, моей силы источник.

Капели, капели, капели,
 В России седьмое апреля.
 Беременны ранней весною,
 Плывут облака над Москвою.

А где-то, арабами сбитый,
 Родною землею прикрытый,
 С горячей израильской ночью
 Обнялся израильский летчик,

Вчерашний мальчишка из Тулы,
 Простреленный тульской пулей.
 Гори же, гори, семисвешник,
 Гори, согревай, как извечно.

СОФИЯ ДУБНОВА-ЭРЛИХ

* *
 *

Листало детство Книгу Книг,
 Где рой чудес, где тайн истоки,
 И в юность вел волшебный русский стих,
 Росой обрызганные строки.

Двойною верностью отягчена,
 Двойным огнем душа палима:
 Мой древний род и юная страна
 Сплелись корнями нерушимо.

ЛЕВ ДРУСКИН

* *
 *

Голос предков —
 ветерок в моей крови,
 Не смущай,
 не мучай, не зови.
 Что мне шепот твой гортанный у плеча,
 Над молитвенником белая свеча?
 Я пропитан этим небом до корней,
 Нет мне хлеба,
 нет мне родины родней.
 Вот мой Лермонтов
 и вот мои Кижы...
 Что ты хочешь от меня,
 скажи?
 Для чего ты мой покой разбередил?
 Я и с Игорем на половца ходил,
 И друзья мои в могилах
 под Москвой...
 Что ты шепчешь?
 Я давно уже не твой.
 Разве в доме
 уживутся две любви?
 Не смущай меня...
 Не мучай...
 Не зови...

ВЛАДИМИР ЛЕВИНЗОН

* *
*

Эта рана не закрылась,
Эту тяжесть не сложить.
Здесь родился ты и вырос,
Здесь любить тебе и жить.

Все кругом свое, родное,
Кроме малости одной:
Для себя оно родное,
Только сам как неродной.

И тепло тебе и сытно,
Только сиротно душой:
Вроде пасынка, не сына,
Ты у матери чужой.

И растит, да не голубит,
И простит, да не полюбит.
И накормит, да не впрок —
В горле станет поперек.

Чем ты лучше и добрее,
Чем ты большего достиг,—
Ей не радость, а скорее
Как обида за своих.

И живешь в стране родимой,
Как ребенок нелюбимый,
За невидимой чертой.
За чертой непроходимой,
Как судьба, неотвратимой,
Незапамятной чертой...

ВЕРОНИКА ДОЛИНА

* *
*

Уезжают мои родственники.
 Уезжают, тушат свет.
 Не коржавины, не бродские.
 Среди них поэтов нет.
 Это вот такая палуба,
 Вот такой аэродром.
 Ненадрывно, тихо, жалобно —
 Да об землю всем нутром.

Ведь смолчишь, страна огромная,
 На все стороны одна,
 Как пойдет волна погромная,
 Ураганная волна?
 Пух-перо еще не стелется,
 Не увязан узелок.
 Но в мою племяшку целится
 Цепкий кадровый стрелок.

Уезжают мои родственники.
 Затекала уже ладонь.
 Не рокфеллеры, не ротшильды —
 Мелочь, жалость, шелупонь.
 Взоры станут неопасливы,
 Стихнут дети на руках.
 И родные будут счастливы
 На далеких берегах.

Я сижусь, чаек завариваю,
 Изогнув дугою бровь.
 Я шаманю, заговариваю,
 Останавливаю кровь.
 Если песенкой открытою
 Капнуть в деготь, не дыша,
 Кровь пребудет непролитою,
 Неразбитою — душа.

ИОСИФ КОТЛЯР

*

ВОПРОС

В детстве,

очевидно ради смеха,
у учителя спросил я вдруг:

— Скажем, вы — остались,

я — уехал,

кто в накладе будет,

кто из двух?..

Мой наставник тихо рассмеялся
и помог мне мудрость почерпнуть:

— Кто остался —

тот ни с чем остался;

кто собрался в путь —

получит путь!

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

*

ВЕЧНЫЙ ТРАНЗИТ

Посошок напоследок,

Все равно что вода,

То ли так,

То ли — этак.

Мы уйдем в никуда.

Закружим суховеем

Над распутицей шпал.

Оглянуться не смеем.

Оглянулся — пропал!

И все мы себя подгоняем — скорее!
 Все путаем Ветхий и Новый Завет.
 А может быть, хватит мотаться, евреи,
 И так уж мотались две тысячи лет?!

Мы теперь иностранцы.
 Нас бессмертьем казнит
 Пересадочных станций
 Бесконечный транзит.
 И как воинский рапорт —
 Предотъездный свисток...
 Кое-кто — на Восток,
 Остальные — на Запад!

Под небом Австралий, Италий, Германий
 Одно не забудь
 (И сегодня, и впредь!),
 Что тысячу тысяч пустых оправданий
 Бумаге — и той — надоело терпеть!

Паровозные встречи —
 Наша боль про запас.
 Те, кто стали далече, —
 Вспоминают ли нас?
 Ты взгляни — как тоскует
 Колесо на весу...
 А кукушка кукует
 В подмосковном лесу!

Ну что ж, волоки чемодан, не вздыхая,
 И плакать не смей, как солдат на посту,
 И всласть обнимай своего вертухая
 Под вопли сирен на Бруклинском мосту.

Вот и канули в Лету
 Оскорбленья и вой.
 Мы гуляем по свету,
 Словно нам не впервой!

Друг на друга похожи,
 Мимо нас — города...
 Но Венеция дождей —
 Это все-таки да!

В каналах вода зелена нестерпимо
 И ветер с лагуны пронзительно сер.
 — Вы, братцы, из Рима?
 — Из Рима, вестимо!
 — А я из-под Орши! — сказал гондольер.

О душевные травмы,
 Горечь горьких минут!
 Мы-то думали:
 Там вы,
 Оказались — и тут.
 И живем мы, не смея
 Оценить благодать:
 До холмов Иудеи —
 Как рукою подать!

А может, и впрямь мы, как те лицедеи,
 Что с ролью своей навсегда не в ладах?!
 И были нам ближе холмы Иудеи —
 На Старом Арбате, на Чистых прудах?

Мы, как мудрые совы,
 Зорко смотрим во тьму,
 Даже сдаться готовы —
 Да не знаем, кому!
 С горя вывесим за борт
 Перемирья платок,
 Скажем:
 Запад есть Запад,
 А Восток есть Восток!

И все мы себя подгоняем:
 — Скорее! —
 Все ищем такой очевидный ответ.
 А может быть, хватит мотаться, евреи,
 И так уж мотались две тысячи лет?!

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОДЕССЕ

...Когда бы не Елена,
 Что Троя вам одна, ахейские мужи?!

О. Мандельштам

Научили пилить на скрипочке,
 Что ж — пили!
 Опер Сема кричит:
 — Спасибочки! —
 Словно:
 — Пли!

Опер Сема гуляет с дамою,
 Весел, пьян.
 Что мы скажем про даму данную?
 Не фонтан!

Синий бантик на рыжем хвостике —
 Высший шик!
 Впрочем, я при Давиде Ойстрахе
 Тоже — пшик.

Но — под Ойстраха — непростительно
 Пить портвейн.
 Так что в мире все относительно,
 Прав Эйнштейн!

Все накручено в нашей участи —
 Радость, боль.
 Ля-диез — это ж тоже, в сущности,
 Си-бемоль!

Сколько выдано-перевыдано,
Через край!
Сколько видано-перевидано,
Ад и рай!..

Так давайте ж, Любовь Давыдовна,
Начинайте, Любовь Давыдовна,
Ваше соло, Любовь Давыдовна,
Раз — цвай — драй!..

Над шалманом тоска и запахи,
Сгинь, душа!
Хорошо хоть, не как на Западе,
В полночь — ша!

В полночь можно хватить по маленькой,
Боже ж мой!
Снять штиблеты, напялить валенки
И — домой!..

...Я иду домой. Я очень устал и хочу спать. Говорят, когда людям по ночам снится, что они летают, — это значит, что они растут. Мне много лет, но едва ли не каждую ночь мне снится, что я летаю.

...Мои стрекозиные крылья
Под ветром трепещут едва.
И сосен зеленые клинья
Шумят подо мной, как трава.
А дальше —
Таласса, Таласса!
Вселенной волшебная статья!
Я — мальчик из третьего класса,
Но как я умею летать!

Смотрите —
 Лечу, словно в сказке,
 Лечу сквозь предутренный дым,
 Над лодками в пестрой оснастке,
 Над городом вечно седым,
 Над пылью автобусных станций —
 И в край приснопамятный тот,
 Где снова ахейские старцы
 Лады снаряжают в поход.

Чужое и глупое горе
 Велит им на Троию грести.
 А мне —
 За Эгейское море!
 А мне еще дальше расти!
 Я вырасту смелым и сильным
 И мир, как подарок, приму.
 И девочка
 С бантиком синим
 Прижмется к плечу моему.
 И снова в разрушенной Трое
 «Елена!»
 Труба возвестит.
 И снова...

На углу Садовой какие-то трое остановили меня.
 Они сбили с меня шапку, засмеялись и спросили:
 — Ты еще не в Израиле, старый хрен?!

— Ну что вы, что вы?! Я дома. Я — пока — дома.
 Я еще летаю во сне.
 Я еще расту!..

ДОВИД КНУТ

*

КИШИНЕВСКИЕ ПОХОРОНЫ

Я помню тусклый кишиневский вечер:
мы огибали Инзовскую горку,
где жил когда-то Пушкин. Жалкий холм,
где жил курчавый низенький чиновник —
прославленный кутила и повеса —
с горячими арабскими глазами
на некрасивом и живом лице.

За пыльной, хмурой, мертвой Азиатской
несли на палках мертвого еврея.
Под траурным несвежим покрывалом
костлявые виднелись очертанья
обглоданного жизнью человека,
обглоданного, видимо, настолько,
что после нечем было поживиться
худым червям еврейского кладбища.

За стариками, несшими носилки,
Шли кучкою глазастые евреи.
...Большая скорбь им веселила сердце,
и шли они неслышною походкой,
покорной, легкой, мерной и неспешной,
как будто шли они за трупом годы,
как будто нет их шествию начала,
как будто нет ему конца... Походкой
сионских — кишиневских — мудрецов.

Пред ними — за печальным черным грузом
шла женщина, и в пыльном полумраке
не видно было нам ее лицо.
Но как прекрасен был высокий голос!
Под стук шагов, под слабое шуршанье
опавших листьев, мусора, под кашель
лилась еще не виданная песнь.

В ней были слезы сладкого смиренья
и преданность предвечной воле Божьей,
в ней был восторг покорности и страха...
О, как прекрасен был высокий голос!

Не о худом еврее, на носилках
подпрыгивавшем, пел он — обо мне,
о нас, о всех, о суете, о прахе,
о старости, о горести, о страхе,
о жалости, тщете, недоуменье,
о глазках умирающих детей...

Еврейка шла, почти не спотыкаясь,
и каждый раз, когда жестокий камень
подбрасывал на палках труп, она
бросалась с криком на него — и голос
вдруг ширился, крепчал, звучал металлом,
торжественно гудел угрозой Богу
и веселел от яростных проклятий.
И женщина грозила кулаками
Тому, кто плыл в зеленоватом небе,
над пыльными деревьями, над трупом,
над жесткою, корявою землей.

Но вот пугалась женщина себя
и била в грудь себя, и леденела,
и каялась надрывно и протяжно,
испуганно хвалила Божью волю,
кричала иступленно о прощенье,
о вере, о смирении, о вере,
шарахалась и ежилась к земле
под тяжестью невыносимых глаз,
глядевших с неба скорбно и сурово.
Что было? Вечер, тишь, забор, звезда,
простой обряд еврейских похорон
и женщина из Книги Бытия.

А потом их землей засыпали,
 зажигали свечи,
 и в день поминовения
 голодные старики с высокими голосами,
 задыхаясь от холода, кричали об успокоении.
 И они обретали его.

В виде распада материи.

Ничего не помня.

Ничего не забывая.

За кривым забором из гнилой фанеры,
 в четырех километрах от кольца трамвая.

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

*

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ЛУГАНСКЕ

Чудовишной гримасою ощерен,
 Как будто привиденье, среди дня,
 Единственный свидетель — старый череп
 Сказать всю правду требует с меня.

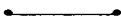
Ограды все с решетками кривыми,
 Чуть тянет тленьем в воздухе сыром.
 Над мертвыми, как будто над живыми,
 Здесь учинили подлинный погром.

Могильщики вели работу споро,
 задавши труд киркам и топорам.
 А мраморные глыбы мародеры
 Проворно растащили по дворам.

Давно уже светильники погасли.
 Все поросло, что может порастить.
 Фашисты, побывавшие в Луганске,
 Сюда не удосужились дойти...

Ты, веровавший в мир людской и братский,
 Коль ты и вправду веруешь, окстись,—
 Как в этой зоне будет вам гуляться,
 Как на лужайках этих вам пастись?!

Вон там камней поруганных молчанье,
 Вот здесь плюща растоптанная плеть.
 Придется вам однажды, луганчане,
 В глаза друг другу все же посмотреть!

НАДЕЖДА МАЛЬЦЕВА

*

СТАРАЯ, СТАРАЯ ПЕСНЯ

Что же ты плачешь всю ночь под окном
 Прошлого, ставшего темным пятном?
 Там, где горит семисвечный шандал,
 Что же особого ты увидал?
 Это лишь морок, пустая блона,
 Просто в крови закипает весна,
 Вдох — и вонзается в шею удавка!
 Это не родинка, а бородавка.

Тумбала, тумбала, тумбалабончик,
 Русско-еврейский бубенчик в груди!
 Кто бы ты ни был, подай-ка червончик
 В кружку церковную и отойди.
 Тумбережь, тумбережь, тум — ни бельмеса
 Ты в береженом своем не поймешь,
 Корни — от Бога, пыльца же — от беса.
 В чью же копилку опустится грош?

Тумбала, слышишь ли голос в себе,
 В сердце бичерном, в блаженной судьбе?
 Тих он, однако велик, как набат,—
 Слезы? Стыдись их, возьми их назад!
 Разве не ты в Гефсиманском саду
 Бредил о чаше баланды мирской,
 Разве не Я за тобою иду
 И подаю тебе пайку на кой?

Тум бишь да где бишь, в Твери бишь, во Ржеве,
 Въяве бишь, вживе бишь, вправо бишь, влеве —
 Плоть лишь балласт, благодатное било,
 Боль для души, что себя оскопила.
 Тумболько, тумболько, тумболяченько,
 Боле, чем надо, нам боли пришлось.
 Всё мы прошли за ступенькой ступенька,
 Тумбала-тамбуры песни насквозь.

Так ли? Не так ли? Не все ли равно ли?
 Пусть уравниются лучшие доли
 Между баллистами рая и ада
 Там, после смерти, а нынче не надо.
 Глупый, не плачь! Еще мама и папа
 Живы, и прошлого липкая лапа
 К ним не протянется граблей в крови
 За благостыней новейшей любви.

Тумбала, разве не солоно брашно?
 Тумбала, разве по-прежнему страшно?
 В мире, где мы никому не нужны,
 Разве нельзя обойтись без жены?
 В мире, где тумбы, и тумбы, и тумбы,
 И телевизоры — вынести ум бы
 В тумбелокаменный град белоризный —
 Тот, что московской зовется отчизной.

Да, без жены, без детей, без корней,
 Да, без друзей, без могил, без теней,
 Глядя в одно лишь грядущее так,
 Словно пред взором расступится мрак,
 Блеклых не слышать шагов по пятам,
 Быть и бывать — только там, только там
 И одиноко при свете лучины
 В сроки еврейские справить босины.

Томбола, томбола, тум — лотерея,
 Ветхий завет или Новый завет,
 Сможешь ли, крест на груди лицезрея,
 Выиграть свой несчастливый билет?
 Ноги омой и шагай-ка, шагай-ка!
 Скрипочки, эй, прекратите выть!
 Тум-балалайка, тум-балалайка,
 Сердце, разбитое сердце мое!..

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

*

ВОЛЧОНОК

Я домой притащил волчонка.
 Он испуганно в угол взглянул,
 Где дружили баян и чечетка
 С не ушедшими в караул.

Я прикрикнул на них: «Кончайте!»
 Накормил, отогрел, уложил
 И шинелью черное несчастье
 От счастливых друзей укрыл.

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

*

СТИХИ О РЕБЕ

Отрывки

Осень в кучи листья собирает
И кружит, кружит по одному...
Помню, о чистилище и рае
Говорил мне выцветший Талмуд.

Старый ребе говорил о мире.
Профиль старческий до боли был знаком...
А теперь мой ребе спекулирует
На базаре прелым табаком.

Старый ребе не уйдет из храма...
На тревожном боевом посту
Мне греметь тяжелыми стихами
Под конвоем озлобленных туч.

Тихо слушает седая синагога,
Как шагают по дорогам Октябри.
Вздохами с умолкнувшим Богом
Старая устала говорить.

Знаю я — отец усердно молится,
Замолив сыновние грехи,
Мне ж сверкающие крики комсомольца
Перелить в свинцовые стихи.

1

Много дум на лице у старого ребе,
И каждой морщинке по многу лет...
Ждет его рай на высоком небе,
Пыльный хедер ждет его здесь, на земле.

Далеко в мировой революции
Затерялся Екатеринослав,
На извилины улиц
Революция ребе второпях занесла.

Ну и пусть. Значит, так велено
(Не в своих руках человек).
Тонких губ сухие расщелины
Для жалоб закрылись навек.

Распластались у ног
Взорванных дней осколки,
И блуждает на грани новых дорог
Старый ребе в старой ермолке.

2

Сегодня тревога на буйных разбуженных лицах:
И кровь под покровами злится и хочет под пулей
излиться,
И музыка грузных снарядов дырявит оглохшие уши
И рушит...
Сегодня распухшие трупы простерты покорно
по голому городу,
И рваный живот человеческий, и лошадь с разорванной
мордой
И человеческих челюстей мертвый, простреленный
скрежет.
И режет...
Сегодня гудок, на рассвете разбужен, завыл
недовольный,
Испуганно церковь крепила свой крест кулаком
колокольни,
И рыжий пожар беспощадно полымя поднял
Сегодня.
И в ярком огне синагога
Сегодня просила пощады убого у Бога...
Сегодня на улицах не был
Мой маленький ребе.

.....

4

В полутемной синагоге
 Ветер задул свечу,
 И синагога ослепла...
 Профиль ребе чернеет чуть,
 Подернутый пеплом.

Тишина на часах у закрытых дверей.
 В позднюю пору
 Не приходит, как прежде, еврей,
 Тосковать у подножья Торы.

В расписное окно
 Уходящий закат бросил брызгами
красными,
 Голову ребе посеребрив на ходу.
 Посеребрил и ушел.
 А молящихся долго напрасно
 Богомольные скамьи ждут.

Тихо.
 Темно.
 Ребе ходит чуть слышно, как вздох,
 Как живая боль синагоги.
 Темен порог.
 Тишина сторожит на пороге.
 Хочется ребе давно
 Спрятать тоску в молитве.
 Старое сердце еврейской тоскою больно,
 Старое сердце еврейскою болью болит ведь.

Смолкла свеча в позолоченной люстре,
 И теперь ни одна не заглянет душа.
 Тихо в большой синагоге
 И пусто...
 Ша!

.....

8

Так вот... Вчера — бои,
Сегодня — спокойно.
Многих из теплой семьи вырвали войны.

В завтра не страшно взглянуть.
(Так же живет синагога,
Церковь по-прежнему звонит.)
Когда-то имел жену,
Теперь никого нет.

Самому лишь хлеба кусок
(Ребе не просит лишнего).
Только бы день истек,
И то — спасибо Всевышнему.

Сядет. Вынет Талмуд,
Новую истину сыщет в Талмуде,
А за окном пусть орут
Сотни орудий.

И когда наш последний поход
Развернется по ровной дороге,
Старый ребе умрет
Под упавшей стеной синагоги.

СЕМЕН ЛИПКИН

*

КОМИССАР

Горжествовала власть, отбросив
И опрокинув Колчака,
И в Забайкалье стал Иосиф
Работать в органах ЧК.

Он вызывал к себе семейских,
 Допрашивал, и подлый страх
 Внушал им холодок в еврейских
 Печально-бархатных глазах.

Входил он в души староверок
 Предвестием Господних кар,
 Молодцеватый недомерок,
 Длинноресничный комиссар.

Мольбы выслушивал устало,
 Сжимая кулачок у рта.
 Порой губкомовцев смущала
 Его святая простота.

Каким-то попушеньем странным
 Он выжил. И на склоне дней
 В Сибирь приехал ветераном
 На полстолетний юбилей.

В глазах — все той же грусти бархат,
 И так же, обхватив сучок,
 Туда, где свет в тайге распахнут,
 Трясаясь, глядит бурундучок.

ТЕХНИК-ИНТЕНДАНТ

Отрывок из поэмы

.....
 Ты пьян от вина, от вкусной базарной еды,
 От весны, от ожидания чего-то чудесного,
 Оттого, что ты в городе, где есть вино и бульвары,
 Где нет под тобой — седла, пред тобой — врага,
 Над тобой — начальника, нет ковыля и полыни.
 Вот сейчас
 Ты задумчиво спрыгнул с открытой площадки
 трамвая,

Постоял и от нечего делать
 Вошел в магазин, где на полках — книги, тетради
 Из оберточной, серой бумаги, линейки, пеналы.
 Грязно-седая, с накрашенными губами продавщица
 Встречает отказом: — Домино и карты
по заявкам! —

А ты несыто, разочарованно смотришь на книги,
 И остро вдруг вспоминаешь, что ты — филолог,
 И неизвестно зачем покупаешь польско-русский
словарь.

— Вы интересуетесь разговаривать на польском? —
 У того, кто спрашивает, нерусский акцент!

И пиджак нерусского покроя.

Загорелая лысина круто нисходит на брови,
 Тяжелые, черные, как у владык ассирийских.
 В запавших глазах — местечковое пламя смятенья,
 Горбатый нос облупился, щеки небриты,
 Он обдает тебя смешанным запахом кожи,
 Конского пота, вина, чеснока и навоза.

Ты выходишь на улицу вместе с новым знакомым.
 В Польше он был адвокатом, теперь он сторож
 В пригородном совхозе, вон там, за рекою.
 Он так тебе рад! Он учился в Варшаве и Вене,
 Был коммунистом, был в Поалей-Ционе,
 Теперь увлечен толстовством.

Жестикулируя, самозабвенно картавя
 (Давно ты заметил, что каждый картавит по-своему),
 Пугая все диалекты, в ухо кричит имена—
 Каутский, Ганди, Бём-Баверк, и Фрейд, и Бергсон.

Подозрительно откровенный,
 Он потрясен алогизмом чужого режима,
 Жестоким его палаческим простодушьем.
 В нашем воистину сильном, державном вожде
 Странны черты вождя негритянского племени:
 Слабость, свирепость, боязнь и лживость актера.

Странно и то, что Государство, ликуя,
 Провозглашает своего человека
 Доблестным, добрым, умным, сильным, красивым,
 А между тем в учреждениях Государства,
 Даже в таких безобидных, как парк культуры,
 Продовольственный магазин или почта,
 Смотрят на вас как на вора и дурачка
 С тысячью мелких пороков...

Твой собеседник взволнован встречей с тобой,
 Жаркой возможностью выговориться: так долго
 Вел он только с самим собой диалог,—
 Но для тебя страшней, чем немецкие танки,
 Эти запавшие, с огнем Исайи, глаза,
 Эти безумные речи, это знакомство
 С ним, интернированным,
 И резко, с внезапностью низкой, ты покидаешь его
 Посреди весенней толпы, и он поражен
 Новой бессмыслицей, чуждым ему алогизмом.
 Но так как ты не только труслив и разумен,
 Но так как ты человек, то на углу
 Ты оборачиваешься и чувствуешь сам,
 Что у тебя в глазах мольба о прощенье.
 И он, опавший листок европейского леса,
 Тотальным вихрем тридцать девятого года
 Занесенный в кубанский совхоз,—
 Он тоже стоит и без злобы глядит на тебя,
 Хотя и насупил свои ассирийские брови.

И вдруг тебе несвойственным провидящим взором,
 Быть может, заимствованным
 У того человека с глазами Исайи,
 Видишь ты лето, грядущее, близкое лето.
 Вашей дивизии разрозненные отряды,
 Кто на конях, кто пешком, потеряв друг друга,
 Мечутся между Сальском и Армавиром.

Черная степь. Лунный серп висит над бахчами,
И кажется, будто на нем — капельки крови.
Все взбудоражены, заснуть в эту ночь не хотят
Ящерицы и цикады, листья и птицы
И говорят, говорят о войне людей,
Но сами люди молчат, люди — и лошади.
Где-то вдали мигают какие-то пули,—
Иль то огоньки сигарок? Падучие звезды?
Конников скудную горсть возглавляет калмык —
Толстый от старости кривоногий полковник
С глиняным, гладким лицом,
Добрый вояка, герой гражданской войны.
Все ему надоело: безостановочный драп,
Ночи без сна, невозможность сойтись в рукопашной
С колдовским могуществом немцев, длинная служба
С медленным ядом обид и Курц, комиссар,
Эрудированный товарищ, но жуткий стукач...
— Пан офицер! Панове! Куда вы! Тут немцы! —
Кричит верховой, внезапно возникший из тьмы
И лунным серпом отрезанный от нее.
Он босиком, в ватных штанах и в майке,
Лошадь под ним без седла, в руке — ремешок.
В мире, где головы
Прикрыты военной мощью пропотевших пилотов,
Лысина его — как обнаженное бессилье.
«Пан офицер!» — передразнивает полковник,
И голос его обретает хриплую властность.
— Рубайте его, это немец! — Полковник не знает,
Что снова чумным дыханьем тотального вихря
Подхватило твоего незнакомца из Краснодара
Вместе с его совхозом, с его смятеньем,
Но многоопытный Курц разобрался, к счастью,
И чуточку нервно шутит: — Если б немцы были
такими!

Это же наш, бердичевский! —
 Скоро ль конец?
 Долго ли будет метаться в южной степи
 С овцами-рамбулье адвокат из Варшавы?
 Схватят его, превратят в золу?
 Или ему иная назначена гибель?
 Конников горстка встретится ль с горсткой другой?
 Старый калмык, полковник с глиняным ликом
божка,
 Четверть столетья прослуживший в строю,
 Бывший фельдфебелем еще при Керенском,—
 Что он, полковник, смыслит в этой войне?
 Будет он храбро, хитро, умело сражаться
 И непременно вырвется из окруженья,
 Но для чего?
 Чтобы в ночь под новый сорок четвертый год
 Весь его древний народ выселен был из степи?
 Техник-интендант, ах, техник-интендант,
 Ничего-то еще ты не понял, ничего ты в мире
не видел,
 Кроме себя самого!

ВАЛЕРИЙ КРАСКО

* *
*

Алые кони — для мальчика Мони.
 Звездные выси — для мальчика Иззи.
 Грязь из-под ног вороного коня
 И милицейский свисток —
для меня...

БОРИС ШТЕЙН

* *
*

Недавно умер замполит Леви.
Он не снискал особенной любви
У личного состава миноносца.
Хоть был не солдафон и не дундук
И говорил, что он матросам друг,
И это было, в общем, не наносно.

Нам всем-то было нелегко служить,
А он еще хотел соединить —
То был предмет горячечной
заботы —
Соединить гауптвахту и парад,
И здравый смысл, и правду,
и догмат
Партийно-политической работы.

Ах, замполиту было нелегко...
Порой летели пули «в молоко»,
А он, бедняга, был лишен цинизма.
Рассматривал, как партия велит,
Тот факт, что он еврей и замполит,
Как признак интернационализма.

А сын его, обретший аттестат,
Был сразу не допущен на физмат.
И не сдавал: не подошла анкета.
И спросил погашенный юнец:
Ты все мне лгал, мой дорогой отец?
И замполит не находил ответа.

И Пражскую удушливой весной
Ему пришлось сначала над собой,
А уж потом над нами потрудиться.

Он убеждал. Он был сугубо за.
И голос был с металлом, а глаза,
Глаза метались, как больные
птицы.

Наш замполит, он ревностно
служил.
Неправдою, как правдой, дорожил
И пресекал любые пересуды.
Он с этих дел богатства не нажил.
Он на алтарь всего себя сложил,
И раньше срока лопнули сосуды.

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

*

РАССКАЗ, КОТОРЫЙ Я УСЛЫШАЛ В ПРИВОКЗАЛЬНОМ ШАЛМАНЕ

Нам сосиску и горчицу —
Остальное при себе,
В жизни может все случиться,
Может «А», а может «Б».

Можно жизнь прожить в покое,
Можно быть всегда в пути...
Но такое, но такое! —
Это ж — Господи, прости!

Дядя Леша, бог рыбачий,
Выпей, скушай бутерброд,
Помяни мои удачи
В тот апрель, о прошлый год.

В том апреле, как в купели,
Голубели невода,
А потом — отголубли,
Задубели в холода!

Но когда из той купели
Мы тянули невода,
Так в апреле преуспели,
Как, порою, за года!

Что нам Репина палитра,
Что нам Пушкина стихи:
Мы на брата по два литра,
По три порции ухи!

И айда за той фартовой,
Закусивши удила,
За той самой, за которой
Три деревни, два села!

Что ни вечер — «Кукарача»!
Что ни утро — то аврал!
Но случилась незадача —
Я документ потерял!

И пошел я к Львовой Клавке:
— Надо, Клавка, выручать,
Оформляй мне, Клавка, справки,
Шлепай круглую печать!

Значит, имя, год рожденья,
Званье член КПСС.
Ну, а дальше наважденье,
Вдруг меня попутал бес.

В состоянии помятом,
Говорю для смеху ей:
Ты давай, мол, в пункте пятом
Напиши, что я — еврей!

Посмеялись и забыли,
Крутим дальше колесо,
Нам все это вроде пыли,
Но совсем не вроде пыли
Дело это для ОСО!

Вот прошел законный отпуск,
Начинается мотня.
Первым делом сразу «допуск»
Отбирают у меня,

И зовет меня Особый,
Начинает разговор,—
Значит, вот какой особой,
Прямо скажем, хитрожопой,
Оказался ты, Егор!

Значит, все мы, кровь на рыле,
Топай к светлому концу!
Ты ж, как сука, в Израиле
Будешь жрать свою мацу!

Мы стоим на страже мира,
Мы готовимся к войне!
Ты же хочешь, как Шапиро,
Прохлаждаться в стороне!

Вот зачем ты, вроде вора,
Что желает — вон из пут,
Званье русского майора
Променял на «пятый пункт».

Я ему с тоской в желудке
Отвечаю, еле жив:
— Да это ж я за-ради шутки,
На хрена мне Тель-Авив!

Как он гаркнет: — Я не лапоть!
 Поищи-ка дурачков!
 Ты же явно хочешь драпать!
 Это ж видно без очков!

Если ж кто того не видит,
 Растолкуем в час-другой,
 Нет, любезный, так не выйдет,
 Так не будет, дорогой!

Мы тебя — не то что взгреем,
 Мы тебя сотрем в утиль!
 Не, не зря ты стал евреем!
 А затем ты стал евреем,
 Чтобы смыться в Израиль!

И пошло тут, братцы-друзи,
 Хоть ложись и в голос вой!
 Я теперь живу в Калуге,
 Беспартийный, рядовой!

Мне теперь одна дорога,
 Мне другого нет пути:
 — Где тут, братцы, синагога?!
 Подскажите, как пройти!

САМУИЛ МОРОЗ

* *
 *

В детстве кто-то назвал меня Мендель Маранц
 За мои неумелые руки.
 Огорчался не раз и страдал я не раз
 От бесплодно-жестоким науки.

В школе мастер пилил: «Это что — молоток? —
 Драл меня, как сухая мочалка: —
 Будешь, малый, всю жизнь ходить без порток,
 А семью по-хорошему жалко».
 Вот окончил я школу. Настала пора
 Выбирать себе дело по сердцу,
 И тогда я решил, что пойду в доктора:
 Ну куда еще Менделю деться?
 Надо знать это время. Какой там гешефт!
 Не до жиру — остаться бы живу,
 И конечно, мешал мой врожденный дефект —
 С медициной все вышло паршиво.
 Это был распроклятый тридцать седьмой,
 И в разгромленном нашем семействе
 Мать с отцом посадили, детей — с глаз долой,
 Я один оставался на месте.
 И райком комсомола послал на завод,
 Чтоб в рабочем котле поварился.
 Если б знали они, какой я урод,
 И в кого я такой уродился?
 А в цеху я и сверла ломал и резцы,
 И станок заграничный загробил.
 В общем, взяли меня под уздцы
 И турнули. А тут он и пробил,
 Мой двенадцатый час. Я в Бутырках сидел,
 А потом в лагерях загибался
 И как был неуклюж, и как был неумел,
 Так, наверно, навеки остался.
 Вот и все. Как я выжил? Потом, в другой раз
 Напишу поподробней об этом.
 Ну, а если кто помнит, то Мендель Маранц
 Тоже был настоящим поэтом.

БОРИС СЛУЦКИЙ

* *
*

Православие не в процветанье:
в ходе самых последних годов
составляет оно пропитанье
разве только крещеных жидов.

Жид крещеный, что вор прощенный —
все равно он — рецидивист,
и Христос его — извращенный,
наглый, злой, как разбойничий свист.

Но сумевший успешно выкрасть
облачения и кресты,
не умеет похитить
хоть немножечко доброты.

Жид крещеный — что конь леченый —
сколько бы ни точил он ляс,
как ни шествовал бы облаченный
в многошумный синтетик ряс,

проще с нами, просто жидами,
что давно, еще при Адаме,
не добром торговали и злом,
только фактом, только числом.

* *
*

Украинские евреи, которые лезут всюду
и то ли бьют посуду, то бьются, как посуда.
Вскормили их галушками, вспоили их борщом.
Копейками, полушками не брезгают ничем.

А русские евреи, они скорее умрут,
чем ниже архиерея должность себе подберут.
Они почему-то гордые, и даже с побитой мордою
следят за самой последнею, за самой модной модою.

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

*

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ой, не шейте вы, евреи, ливреи,
Не ходить вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы зазря, не стенайте,
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.

А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
А ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам «лехаим»,
А таскаться на допрос с вертухаем.

Если ж будешь торговать ты елеем,
Если станешь ты полезным евреем,
Называться разрешат Россинантом
И украсят лапсердак аксельбантом.

Но и ставши в ремесле этом первым,
Все равно тебе не быть камергером,
И не выйти на елее в Орфеи...
Так не шейте ж вы ливреи, евреи!

БОРИС ЧИЧИБАБИН

*

ЗА НАДСОНА

Друг человечества...

Пушкин

А и слава и смерть ходят по свету в разных обличьях.
Тяжело умирать двадцати пяти от роду лет.
Заступитесь за Надсона, девять крылатых сестричек,
подтвердите в веках, что он был настоящий поэт.

Он не тратил свой дар на безделки — пустышки
 мирские,
 отзываясь душой лишь на то, что важнее всего,
 в двадцать лет своих стал самым нужным певцом
 у России,
 вся Россия в слезах провожала в могилу его.

Я там был, я там был, на могиле на той
 в Ленинграде...

О, верни его, родина, в твой героический круг,
 возлюби его вновь и прости, и прости, Бога ради,
 то, что не был пророком, а был человечества друг.

Я люблю его стих и с судом знатоков не согласен.
 Заступись за него, галилейская девочка-Мать:
 он, как сын твой. Исус, так мучительно юн и
 прекрасен,
 а что дар не дозрел — так ведь было ж всего
 двадцать пять.

Ведь не ждать же ему, не таить же врученный
 светильник,—
 вот за это за все и за то, что по паспорту жид,
 я держу его имя в своих заповедных святынях
 и храню от обид, как хранить его всем надлежит.

БОРИС СЛУЦКИЙ

* *
 *

Было много жалости и горечи.
 Это не поднимет, не разбудит.
 Скучно будет без Ильи Григорьяча.
 Тихо будет.

Необычно расшумелись похороны:
 давка, драка.
 Это все прошло, а прахам поровну
 Выдается тишины и мрака.

Как народ, рвалась интеллигенция.
 Старики, как молодые,
 выстояли очередь на Герцена.
 Мимо гроба тихо проходили.

Эту свалку, эти дебри
 выиграл, конечно, он вчистую.
 Усмехнулся, если поглядел бы
 ту толпу горючую, густую.

Эти искаженные отчаяньем
 старые и молодые лица,
 что пришли к еврейскому начальнику,
 справедливцу и нетерпеливцу,

что пришли к писателю прошения
 за униженных и оскорбленных.
 Так он, лежа в саванах, в пеленах,
 выиграл последнее сражение.

ЮЛИЯ НЕЙМАН

*

ПАМЯТИ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА

Еще вчера знаменитый,
 Уже слегка позабытый,
 Порой на дитя похожий,
 Но мудрый, точно змея, —

С душой, от чужих сокрытой,
Седьмой ученик Хуренито,
Провокатора Хуренито,
Мудрец — Эренбург Илья.

Илья Эренбург, избравший
Из всех коротких словечек,
Из всех возможных решений
Избравший взрывное «НЕТ».
Маэстро главных вопросов,
Илья Эренбург — философ,
Илья Эренбург — газетчик,
Илья Эренбург — поэт.

Что делать, Илья Григорьич?
От века мы все — чужане,
Мы все побирушки, Боже! —
У чьих-то чужих дверей...
Илюша — киевский школьник,
Илья Эренбург — парижанин.
И все же — бродяга, «бомжа»...
Илья Эренбург — еврей...

ЕВГЕНИЙ РЕЙН

*

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Как жизнь перегородчата, я понял,
когда уже спускался вниз в долину,
и, словно при ремонте капитальном,
вдруг падали фанерные заслонки
и открывался план первоначальный,
по коему и строили квартиру.

И становилось все так очевидно...
 Еврейский мальчик, сызмала отличник,
 насобиравший сто похвальных грамот
 и кавалер серебряной медали,
 способный, умница, любимец деканата,
 уже открывший пух и прах карьеры,
 уже отпивший мутного портвейна
 хрущевской оттепели,
 сочинитель легких
 и нервных молодых стихотворений,
 где размешались кровосгустки джаза
 на ленинградской мертвенной водице,
 где западные узкие наклейки
 перешивались на шевьот советский,
 но вовсе не стихами, а стежками
 суровой рыхлой прозы жизнь скреплялась.
 Такой вот мальчик вытащил однажды
 из колеса зачуханной фортуны
 особый жребий. Этот жребий был
 чернильно выведен на бланке Ленгорсправки:
 «Ул. Красной Конницы...», а дальше только цифры.
 Он дверь нашел, и все переменялось.

.....

Как страшно приближаться к русской музе,
 высокой, располневшей после трех
 инфарктов, той, что диктовала и «Бога»,
 и «Пророка», «Недоноска», «Трилистник в парке».
 Она сама себе под нос бормочет
 наиновейшие стихотворенья,
 она протягивает руку к вам,
 увядшую, но женственную руку.
 И тяжело пожатье и всесильно.
 Она вам предлагает стул и чашку
 кирпичного бессоннейшего чая.

Вот сахарница, бедный рафинад,
так подсластите первую отраву
и сделайте глоток — теперь уже
она вас никогда не пожалеет.

БОРИС СЛУЦКИЙ

* *
*

Молодые евреи за старых,
за былые грехи
не хотят отвечать.
Из давно уже не привлекает торговля,
из давно уже не привлекает печать,
деньги — крупные деньги
и мелкая слава
занимают их слабо.
От среды (от среды ли?) смягчились черты
и библейской все менее красоты
и все более красоты среднерусской
в этой кости, по-прежнему белой и узкой,
в этой крови — старинной и голубой...

ПОЛУКРОВКИ

Простыни когда-то расстелили,
Второпях зачали.
А теперь вы разве делимы
На концы и на начала?

Водка — тоже из воды и спирта,
А поди — разлей на спирт и воду,
Если столько этой водки спито
За десятилетия и годы...

Вот вы и дрожите, словно листики,
 В буре обоюдных нареканий,
 Полукровки — тоненькие мостики
 Через море — меж материками.

Что ж вам делать в этом море гнева,
 Как вам быть в жестокой перекройке?
 Взвешенные меж земли и неба,
 Смешанные крови. Полукровки.

АНАТОЛИЙ КОБЕНКОВ

*

РОДНЯ

Я прикинул на глазок,
 и в родне моей
 оказались

— кто как смог —
 русский да еврей,

непутевый Исаак,
 бешеный Иван,
 битый молью лапсердак,
 сжамканный кафтан,

горы стоптанных сапог,
 чиненых штиблет,
 треушок да котелок,
 чуйка да жилет...

Остывает не спеша
 сладкий кипяток —
 плачет русская душа,
 забредя в шинок;

согревается стакан,
замерев в руке, —
иудейская тоска
отошла в шинке...

Непутевый Исаак,
бешеный Иван
выясняют, кто дурак,
кто из них — болван, —

богомольцы-чужаки,
пасынки тоски,
Божьи дети, корешки,
корни, мужики, —

с государем на стене,
с ангелом в окне...
Три стакана на столе,
видно, третий —
мне...

Выпей с нами нашу грусть
впрок, а не зазря,
мать Россия, мати Русь,
бабушка моя...

ИОСИФ КОТЛЯР

*

ТЕМ, КОТОРЫХ НЕТ

Друзья,
вы слишком часто снитесь мне.
Несправедливо видеть вас во сне —
и не коснуться ваших теплых рук.

Во сне вы непонятные, немые.
 Но сон — неправда,
 сон — это испуг!

Ты, Хашеватский,
 ты, Сито, мой друг
 Орлянд,
 Гринзайд
 и многие другие.

Друзья,
 вы так нужны сегодня мне.
 Мы в шахматы сыграли бы,
 по Вильно
 я вас провел бы, угостив обильно
 прекрасной стариной, забытой в тишине.
 Но вы мне только снитесь,
 и во сне
 вы спрашиваете:

«Стихотворенье
 исправил ты?
 А книгу сдал в печать?..»

Мученье
 хотеть обнять вас —
 и не мочь обнять!

Я вспоминаю тех, которых нет,
 которые, оставив белый свет,
 уж никогда не будут вместе с нами
 ни петь,
 ни плакать,
 ни блистать стихами,
 чей подвиг по заслугам не воспет.
 Они легли на грозном поле боя
 за род людской, мой друг,
 за нас с тобою.

Я вспоминаю тех, которых нет.
 Им почтальон не принесет газет.
 И не встречать им новогодней ночи.
 И не глядеться милым женам в очи.

Я вспоминаю тех, которых нет,
 и, поднимая тост за сотни лет
 без войн и страха,
 с небом, полным звезд,
 я поднимаю за погибших тост!

ТАТЬЯНА БЕК

* *
 *

Вот и кончена разлука.
 Ливнем разразилась тишь.
 Школьная моя подруга,
 Ты на родине гостишь.

Умница и балаболка,
 Не озлобившая дух,
 О, как страшно,
 о, как долго
 Мы не говорили вслух!

Горбоносая пичуга,
 Не желая быть чужой,
 Ты тогда ушла из круга
 И взлетела над межой.

...Сгинул Славка, умер Вовка,
 Оступившись на лету,—
 Те, кто звал тебя «жидовка»
 И любил за доброту.

И гулял с тобою в слякоть...
Знаю:

 прилетев домой,
Ты ночами будешь плакать
Над могилой и тюрьмой.

О, как время губы студит,
Будь то север или юг...
Никогда уже не будет
У меня таких подруг.

Но рыданье успокоив
В этом горе и тепле,
Я скажу, что нет изгоев,
Нет изгоев на земле.

САППА ПОГРЕБ

* *
* *

Пока не могу, не умею
Прижиться от вас вдалеке.
Мы дома, повсюду евреи,
Но что объясню я тоске?

О летние ливни, о запах
Асфальта и мокрой листвы,
О север, где есть Юго-Запад
Несчастной, прекрасной Москвы!

Разлука — жестокая сила.
Дохнет, и зови — не зови.
Но тайно и явно просила,
И чудо мне явлено было
Живучей, как корни, любви.

* *
*

Пробудиться, когда темнота не как сажа черна,
а уже посерело от первых корпускул рассвета,
Ухватить волоконце сквозь пальцы уплывшего сна —
Боже мой, ерунда, — И расстроиться как-то
при этом.
— Ничего, — говорю я себе, — ничего. Но зато
Ты увидишь мистерию:
вынырнет желтое солнце
Между двух самарийских пологих кремнистых
ХОЛМОВ,
что раскосы и смуглы,
как скулы японца.
Сон уплыл, но куда? Неизвестно куда.
Не туда, не туда ли,
Где мы жили, дружили, тужили, служили?
Где нас обижали?
Где хаос и напасти. Пахнет кровью от власти.
А листья и лужи — все те же...
И откуда привозит недобрые свежие вести
любой мимоезжий.
Муж уходит к другой. Расстается с женой.
И — бывает, бывает! — детей забывает.
А иной на себе убедится, что сердце, как солнце, —
одно,
и на части неровно его разрывает.
Наконец я на этой земле. Я в еврейской стране,
Чтобы все, что случится, со мною случилось.
А Россия — во мгле...
Но Россия осколком во мне.
Мы бываем вдвоем.
И она мне приснилась.

* *
*

Когда я покидала отчий дом,
Как, помнишь, Лотова жена Содом,
И все оглядывалась на деревья,

Не утешало, что Москва — деревня,
 Душа кровила под тугим бинтом.

Весь пай удач одной исчерпав,
 Давно лишилась на удачи прав.

И все же — слово чести! — повезло.
 Неизбалованной по части странствий,
 Достались мне библейские пространства
 И дали дальноточное стекло.

НАТАН ЗЛОТНИКОВ

*

ИСХОД

(Шереметьево-2)

Не говори, я помню этот путь,
 Прозрачность дней, утрумой ночи муть,
 Проектор, что взлетал из подземелья,
 Пока в три стороны тянули воз,
 И в бедном сердце не хватало слез,
 Как в бедном доме водки для похмелья.

Петр Шереметьев или же Борис,
 Из ада — вверх, из рая — гляньте вниз:
 Что мы творим сейчас на вашем поле,
 Каких веков легко зорим казну,
 Ко смерти отходя или ко сну
 Судьбы своей, точней сказать, недоли.

Бог собирает, но транжирит черт,
 И кровь земли уходит из аорт,
 А самолет, взлетев, теряет силу

Там, на скрещенье взлетных двух полос,
Где хорошо архангелу спалось,
Не знаю, — Михаилу, Гавриилу...

Не все ль равно, возвала чья труба
К стране, в которой нету нераба,
И горьким пламенем горит обида?
Кому невоготу, кому — лафа,
Пока есть ложь и пятая графа,
И гнет чинуш, и страх, что хуже спида.

Я вслушивался в голоса людей,
Не зная, эллин кто, кто иудей,
Но зная, что их разлучать жестоко.
И можно ли сказать наверняка,
Склонившись к устью, чем сильна река —
Водой притока или же истока?

Чтоб улететь на Запад или Юг,
Над полем самолеты чертят круг,
И этот круг, увы, стократ повторен.
На свежем пне так тесно от колец,
Что не сочтешь... Но в нем сокрыт конец
Ствола и кроны, и лесов, и зерен.

ДИКИЙ ГУСЬ

Или хворь наконец отпустила,
Или жизнь тяжело так прошла,
Но разлука все краски сгустила
И легла от крыла до крыла.

А пока распрямлюсь от недуга
И глаза подниму к небесам,
И врага потеряю и друга,
И себя потеряю я сам.

Как же вдруг позабуду и кину
Красоты умирающей гнет,
Что вослед улетевшему клину
Только голову ниже нагнет?

Как же веровать стану в удачу,
Если дышится сердцу с трудом,
Если путь свой за облаком прячу
И скольжу, как река подо льдом?

Век за веком и слева и справа
Только грустные взгляды ловлю.
Мне не нравится эта держава,
Потому что ее я люблю.

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ

*

БЕЖЕНЦЫ

Средь беженцев не видно Иисуса.
Велеречив премудрый Соломон,
Лицо Давида смуглое безусо,
Свою звезду на шее носит он.

Мерещится, когда ватагой всею
Из-за стола прощального встают,
Суровое подобье Моисея,
Самсон, Иаков, несколько Иуд.

Средь этих лиц — Юдифи лик орлиный,
Эсфири нежный сумеречный свет,
Заломленные руки Магдалины,
Рахиль и Лия. Лишь Марии нет.

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Москва, столица равнодушия,
Ты далеко... В ночном Бишкеке
Рев перелетных птиц я слушаю,
Неиссякающие реки.

Поток тревоги, плеска, клетота,
Соборности, восторга, страсти...
Кто с парка рубище совлек это?
Как много птиц единой масти!

Какая странная, двоякая,
Двойная жизнь от года к году!
Крича, перекликаясь, крякая,
Народ готовится к исходу.

Деревья замерли менорами,
Спросонья где-то плачут дети.
И город переименованный
Дрожит и зябнет на рассвете.

Вспоминаньем детским мучая,
Неистошимо и могучи,
Куда-то черные, сыпучие,
Орущие стремятся тучи.

Уходят, осыпая перьями
И листопад и первый иней,
С окраин рухнувшей империи
В неугасимые пустыни.

ПЫЛЬ

Л. Баазовой

Как облака, что, в память оседая,
Вставали за грохочущей арбой,—
Унылая, бессильная, седая
Людская пыль, гонимая судьбой.

Неуследимый, тихий вихрь пылинок
 Иль сонмы звезд, сошедшие с орбит?
 Но копошится в тучах пыли рынок,
 Проходит детство, радио хрипит.
 В Киргизии — чеченские аулы,
 Бродячий цирк — в кочевничьей степи.
 Вот — бывший князь, опасливо-сутулый,
 Бормочущий: «Терпи, терпи, терпи...»
 Вот — в чайхане играющий на скрипке
 ПредВЧК, последний секретарь...
 Какой-то чад сгустившийся и зыбкий,
 Истории струящаяся гарь.
 Уйгуры, греки, адвентисты, урки,
 Дворяне, курды, немцы, кулаки...
 С годами рассыпаются фигурки,
 И всплески пыли носятся, легки.
 С годами все вращается быстрее,
 Попробуй эту тягу пересиль!
 И в душном смерче — редкие евреи,
 Пещер кумранских мыслящая пыль.

—

ВЛАДИМИР ФЕРЛЕГЕР

*

ОДЕССА, СТАРЫЙ ДВОР

Старый двор в переулке Адалис.
 Все смотались, а эти остались.
 Куда им, таким старым.

Две старухи, гудя, как гитары,
 Шли, качаясь, широкие книзу
 От расширившей вены жизни,

По двору, как по карнизу.
Осторожно, здесь ломок край,
Тетя Ханна и тетя Лиза...

Бог пошлет им въездную визу
Да билеты: Одесса — Рай.

НАУМ КОРЖАВИН

* *
*

Мир еврейских местечек — ничего не осталось от
них.
Будто Веспасиан здесь прошелся в пожаре и в гуле.
Сальных шуток своих не отпустит беспутный резник,
и, хлеща по коням, не споет на шоссе балагула.
Я к такому привык. Удивить невозможно меня.
Но мой старый отец... Все равно ему выпросить
надо,
как водили людей на погибель средь белого дня
и как плакали дети в испуге средь этого ада.
Мой ослепший отец — этот мир ему знаем и мил.
И дрожащей рукой, потому что глаза слеповаты,
ощутит он дома, синагоги и камни могил —
мир знакомых картин, из которого вышел когда-то.
Мир знакомых картин. Уж никто не вернет ему их.
И пусть немцам дадут по десятке за каждую пулю,—
сальных шуток своих все равно не отпустит резник,
и, хлеща по коням, уж не спеть на шоссе балагуле.

АНАТОЛИЙ КОБЕНКОВ

* *
* *

Мир еврейских местечек...

Печальный писатель Канович
еще помнит его. Там до дыр зачитали талмуд,
там не хуже раввина собаки, коты и коровы
понимают на идиш и птички на идиш поют;
там на каждый жилет — два еврея, четыре заплаты,
там на каждую жизнь — по четыре погрома, по три...
Там еще Эфраимы, Ревекки, Менахемы, Златы,
балагулы, сапожники, шорники и шинкари.
Их скупому дыханью звезда запотевшая светит,
их смазным сапогам —

из полей палестинских песок...

Эмигранты империй, соломоновы бедные дети,
на повозках молитв отбывающие на восток...

Дай им, Господи, сил, дай им кихелах сладкие горы,
километры мацы и куриных бульонов моря...

Грустно жить на земле,

где еврейское горе — не горе,
трудно жить в городах,

где не все понимают меня...

Там, где даль мне поет,

там, где ночи о прошлом долдонят,
там, где бамовский шов в прибайкальскую летопись
лег,
кто услышит меня и какой мне Канович напомним
мир еврейских местечек со львами его синагог?

Кто мне лавку откроет, где молятся полки о хлебе,
Кто мне тору раскроет, которую слезы прожгли,
Кто укажет перстом на скрипучую лестницу в небе,
по которой однажды за счастьем еврейским ушли

Эфраимы, Ревекки, Менахемы, Златы —
 поэты,
 балагулы, сапожники?.. Кто загрустит обо мне,
 прочитавши о том, как ушел я по лестнице эгой
 в мир еврейских местечек —
 на родину, в небо,
 к родне?

БОРИС СЛУЦКИЙ

*

ВНЕЗАПНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Жилец схватился за жилет
 и пляшет.
 Он человек преклонных лет,
 а как руками машет,
 а как ногами бьет
 схватившийся за свой жилет
 рукою,
 и льется по соседу пот рекою.

Все пляшет у меховщика:
 и толстая его щека,
 и цепь золотая,
 и белизна его манжет,
 и конфессиональный жест —
 почти летая.
 И достигают высоты
 бровей угрюмые кусты
 и под усами зыбко
 бредущая улыбка.

А я — мне нет и десяти,
 стою и не могу уйти:
 наверно, понял,
 что полувекa не пройдет
 и это вновь ко мне придет.
 И вот — я вспомнил.

Да, память шарит по кустам
 десятилетий. Здесь и там
 усердно шарит.
 Ей все на свете нипочем.
 Сейчас бабахнет кирпичом
 или прожекторным лучом
 сейчас ударит.

САМОЕ НАЧАЛО ФИЛОСОФИИ

Только я глаза закрою —
 предо мною на лицо
 местечкового философа
 подростковое лицо.
 Выцветшие голубые
 и уже полуслепые
 и щербленое пенсне
 видятся немедля мне.
 О вместилище вопросов,
 безответных навсегда,
 местечковейший философ,
 развеселая беда!
 Пустенько, узенько
 живется тебе.
 Кустики, усики
 растут на губе.
 Но не надо плачу, вою,
 потому что для тебя
 небеса — над головою,
 под подошвами — земля.

Кверху голову задрал,
 все отдав ради науки,
 ты проходишь, как жираф —
 длинношей, длинноухий.
 Собственным умом дойдя
 до давно открытых истин,
 устремляясь к горным высям,
 ты намокнешь от дождя.
 Ты озябнешь от мороза,
 но прошепчешь: это проза.
 Ознобишься на ветру,
 заявляя: не умру.
 Кто-нибудь из сыновей,
 первенец или поскребыш,
 истины найдет новой,
 если прежде не угробишь
 голодухой, золотухой
 или чем-нибудь другим.
 Длинношей, длинноухий,
 будет он совсем другим.

ИОСИФ КОТЛЯР

*

ЕДВА УСЛЫШУ

Из цикла «На Волыни»

1

Едва услышу —
 Украина,
 вновь вижу степь и пыльный шлях,
 возы у мельничной плотины,
 местечко в сонных тополях.

«В них,—
 говорил он,— голос Бога,
 в них кладезь мудрости, сынок!»
 Где нынче это все?
 Сожгли.
 Разграбили.
 Смели с земли!

4

Давно томит меня тоска:
 погибли оба старика.
 В яру, у стен его крутых,
 фашисты расстреляли их.

У хатки, возле тополей,
 перестреляли голубей.

И до утра горели книги,
 смешав шрифты и голоса.
 И в вечность превращались миги,
 и пламень рвался в небеса!

АНАТОЛИЙ КОБЕНКОВ

*

ВЕЧЕР В ПРОВИНЦИИ

Евгению Раннопорту

В провинцию входила темнота.
 Она располагала к разговорам
 о холодах,
 которые наступят,
 о валенках,
 что надо покупать.

На скользких крышах
 спотыкался дождь.
 Он задевал ногами подоконник
 и ветви,
 и срывался на асфальт,
 разбрасывая руки...

Я сидел
 на низеньком скрипучем табурете,
 смотрел в окно,
 и маленький еврей,
 начальник похоронного оркестра,
 рассказывал мне,
 как на той неделе
 у них из похоронного оркестра
 навек ушел хороший барабанщик,—
 он был влюблен в бессмертный марш Шопена
 и в женщину Нехаму, что слегла,
 когда ушел из жизни барабанщик,
 и умерла через четыре дня...

В квартире было тихо и покойно,
 и тикали часы,
 и табуреты
 скрипели, как осенние качели,
 и булькало в надтреснутой бутылке
 дешевое вино...

Я вдруг увидел,
 как спать ложится старый барабанщик:
 погладив барабан в прихожей темной,
 он спать ложится,
 чтоб уснуть навеки,
 чтоб завтра увести свою Нехаму
 не в парк,
 не на концерт,
 а в новый мир...

Я закрывал глаза и улыбался,
и слушал, как, покашливая, тихо
начальник похоронного оркестра
мне говорит:
— Вы знаете,
с тех пор
никто не умирает,
лишь Нехама
ушла от нас в тот непонятный мир;
и,
знаете, мне кажется,
что люди
боятся умирать:
никто не хочет,
чтобы его бессмертный марш Шопена
исполнили бы мы без барабана,
вы знаете,
никто не умирает...

Я улыбнулся этому еврею,
и я поверил всем его рассказам,
и молча выпил за его здоровье...

А через час
я уезжал.
В вагоне
смеялись люди
и играли в карты.
Я им сказал:
— Товарищи!
Молчите!
Мы покидаем город,
где неделю
никто не умирает, потому что
у них из похоронного оркестра
навек ушел хороший барабанщик.

УЛОЧКА

Мне кажется, что век тому назад
я так же брел по этой тихой улочке,
и та же дверь скрипела в старой булочной,
и продавщица шурила глаза;
и старикашка в тереме-киоске,
с глазами, голубыми, будто лето,
у старичка брал деньги за газеты
и говорил ему:

— Послушай, Еселе,
послушай, таер,
разве это плохо,
что мы имеем счастье говорить,
и вечером с работы приходиться,
и кушать цимес, и на теплый локоть
старушек жен

затылок положить,
и говорить им ласково о прошлом,
о ценах на продукты, на картошку,
и думать, сколько нам осталось жить,
и засыпать...

О Еселе, послушай!..—

И Еселе кивает, и идет,
покачиваясь медленно и мерно,
и новости читает в старом сквере,
и желтой спичкой долго чистит уши...

Вот улочка моя.

Уж целый век
она встречает женщину утрами,
а женщина с усталыми глазами,
а женщина — хороший человек.
И кажется,
что я ее любил
давным-давно...

Она ведь так близка мне:
мы вместе с ней топтали эти камни,
мы вместе с ней поведем любым
смешную сказку нашей старой булочной
и песенки, что пели мостовые,
ведь только мы одни не позабыли,
что век живем на этой тихой улочке...

БОРИС СЛУЦКИЙ

* *
*

Еврейским хилым детям,
Ученым и очкастым,
Отличным шахматистам,
Посредственным гимнастам,

Советую заняться
Коньками, греблей, боксом,
На ледники подняться,
По травам бегать босым.

Почаще лезьте в драки,
Читайте книг немного,
Зимуйте, словно раки,
Идите с веком в ногу,
Не лезьте из шеренги и не сбивайте вех.

Ведь он еще не кончился,
Двадцатый страшный век.

ФЕДОР ЕФИМОВ

* *
*

Переводил еврейского поэта,
его на землю предков проводил,
душа хорошей памятью согрета,
как с ним общался, гневался и пил.
Сегодня, удаляясь в одиночку,
где подбородок лезвием скребешь,
произношу запомненную строчку:
— Что, птица Хаим, ты еще живешь?..—
И отвечает зеркало на идиш:
— Как видишь!.. —
И переходит сразу на иврит:
— А что, болит?..

Я шлю поэту в мысленном конверте
спокойной старости и легкой смерти.

ИГОРЬ ГУБЕРМАН

*

ГАРИКИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

**ГОСПОДЬ ЛИХУЮ ШУТКУ УЧИНИЛ, КОГДА
СЮЖЕТ ЕВРЕЯ СОЧИНИЛ**

Везде, где есть цивилизация
и свет звезды планету греет,
есть обязательная нация
для роли тамошних евреев.

Перспективная идея!
Новый образ иудея:
поголовного агрессора
от портного до профессора.

Им не золото кумир,
а борьба с борьбой за мир;
как один — головорезы,
и в штанах у них обрезы.

Верю я: Христос придет!
Вижу в этот миг Россию;
слышу, как шумит народ:
«Бей жидов, спасай Мессию!»

Свет партии согрел нам батареи
теплом обогревательной воды;
а многие отдельные евреи
все время недовольны, как жида.

Раскрылась правда в ходе дней,
туман легенд развеяв;
евреям жить всего трудней
среди других евреев.

Случайно ли во множестве столетий
и зареве бесчисленных костров
еврей — участник всех на белом свете
чужих национальных катастроф?

Любая философия согласна,
что в мире от евреев нет спасения,
науке только все еще неясно,
как делают они землетрясения.

Изверившись в блаженном общем рае,
но прежние мечтания любя,
евреи эмигрируют в Израиль,
чтоб русскими почувствовать себя.

Вечно, и нисколько не старея,
всюду, и в любое время года...
длится, где сойдутся два еврея,
спор о судьбах русского народа.

Усердные брови насупив,
еврей, озаряемый улицей,
извечно хлопочет о супе,
в котором становится курицей.

Во всех углах и метрополиях
затворник судеб мировых,
еврей, живя в чужих историях,
невольню вляпывался в них.

Всегда еврей легко везде заметен,
еврея слышно сразу от порога,
евреев очень мало на планете,
но каждого еврея — очень много.

Под грудой книг и словарей,
грызя премудрости гранит,
вдруг забываешь, что еврей;
но в дверь действительность звонит.

ЮДОФИЛЫ И ЮДОФОБЫ

К чему клеймо антисемита
Тебе, страдающий народ?

С. Фейнберг

ЮЛИЯ НЕЙМАН

*

НА ПОЛЯХ КНИГИ «ЭСФИРЬ»

«Городам и селеньям окрестным»—
Припечатана царским перстнем
Бумага — указ:

«Не превозносясь,
Мы радели о мире
Ношно и денно.
Но, как встарь,— война во вселенной.
Кто — виной?
Никто иной,
Как народ-злодей,
Затесавшийся в круг людей
И мешающий благополучию.
От него — все скорбные случаи,
Все несчастья у нас в дому,
Все угрозы над нашим краем.
Посему
Повелеваем:
Вырвать корень,
Что столь тлетворен.
Убить.
Погубить.
Истребить
Проклятое племя
И все их семя
В одно время.

Да погибнет малый и старый
 В тринадцатый день Адара
 (Декабря)...»

Подпись царя,
 Наместника,
 Секретаря...

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

*

ЕВРЕЙ

Бывало,
 начни о вопросе еврейском —
 тебе собеседник ответит резко:
 «Еврей?

 На Ильинке?
 Все в одной линейке!
 Еврей — караты,
 еврей — валюта...
 Люто богаты
 и жадны люто.
 А тут им
 дают Крым!
 Не карта — козырь.
 На лучшем месте
 дворцы и розы».
 Так врут
 рабочим врагов голоса.
 Но ты, рабочий,
 но ты,—
 ты должен смело взглянуть в глаза
 еврейской нищеты.
 И до сегодня
 над Западным краем

слышатся отзвуки
 стонов и рева.
 Это — «жидов»
 за бунты карая,
 тешилась
 пуля и плеть царева.
 Как будто бы
 у крови стока —
 стоишь у столбца
 статистических выкладок.
 И липнет
 пух из перин Белостока
 к лежащим глазам,
 которые выколоты.
 Уставив зрачок
 и желт и огромен,
 глядело солнце,
 едва не заплакав,
 как там —
 война
 проходила в погроме:
 и немец,
 и русский,
 и шайки поляков.
 Потом демократы
 во весь свой мах
 громили денно и ночью.
 То шел Петлюра
 в батарейных громах,
 то плетью свистела махновщина.
 Еще и подвал
 от слез не высох, —
 они выползали,
 оставив нору.
 И было в ихних Мюр-Мерилизах
 гнилых сельдей
 на неполный рубль.

И снова
 смерд местечковых ям
 да крови несмытой красная медь.
 И голод
 в ухо орал:
 «Земля!
 Земля и труд
 или смерть!»
 Ни моря нет,
 ни куста,
 ни селеньица,—
 худшее из худших мест на Руси —
 место,
 куда пришли поселенцы,
 Палаткой взвив
 паруса парусин.
 Эту пустыню
 в усердии рьяном
 какая жрала саранца?
 Солончаки сменялись бурьяном,
 и снова
 шел солончак.
 Кто смерит
 каторгу их труда?!
 Геройство — каждый дым,
 и каждый кирпич,
 и любая труба,
 и всякая капля воды.
 А нынче
 течет ручьевая лазурь;
 и пота рабочего
 крупный град
 сегодня
 уже
 перелился в лозу,
 и сочной гроздью
 повис виноград...

Люди работы
 выглядят ровно.
 Взгляни
 на еврея,
 землей полированного.
 Здесь
 делом растут
 коммуны слова:
 узнай
 хоть раз из семи,
 который
 из этих двух
 из славян,
 который из них
 семит.
 Не нам
 со зверьими сплетнями знаться.
 И сердце
 и тощий бумажник свой
 откроем
 во имя
 жизни без наций,
 грядущей жизни
 без нищих
 и войн!

БОРИС ЧИЧИБАБИН

*

НАРОДУ ЕВРЕЙСКОМУ

Был бы я моложе — не такая б жалость:
 не на брачном ложе наша кровь смешалась.

Завтракал ты славой, ужинал бедою,
 слезной и кровавой запивал водою.

«Славу запретите, отнимите кровлю», —
сказано при Тите пламенем и кровью.

Отлучилось семя от родного лона,
помутилось племя ветхого Сиона.

Оборвались корни, облетели кроны.
Муки гетто, коль не казни да погромы...

Не с того ли Ротшильд, молодой и лютый,
лихо заворочал золотой валютой?

Застелила вьюга пеленою хрусткой
комиссаров духа — цвет Коммуны Русской.

Ничего, что нету надо лбами нимбов, —
всех родней поэту те, кто здесь гоним был.

И не в худший день нам под стекло попала
Чаплина с Эйнштейном солнечная пара.

Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
не водись я с грустью, золотой и горькой,

не ночуй в канавах, счастьем обуянный,
не войди я навек частью безымянной

в русские трясины, в пажити и в реки,
я б хотел быть сыном матери-еврейки.

ПРИЗНАНИЕ

Генриху

Зима шуршит снежком по золотым аллеям,
надежно хороня земную черноту,
и по тому снежку идет Шолом-Алейхем
с усмешечкой в очках, с оскоминкой во рту.

В провидческой тоске, сорочьих сборищ мимо,
в последний раз идет по родине своей,—
а мне на той земле до мук необъяснимо,
откуда я пришел, зачем живу на ней.

Смущаясь и таясь, как будто я обманщик,
у холода и тьмы о солнышке молю,
и все мне снится сон, что я еврейский мальчик,
и в этом русском сне я прожил жизнь мою.

Мосты мои висят беспомощны и шатки,—
уйти бы от греха, забыться бы на миг!..
Отрушиваю снег с невыносимой шапки
и попадаю в круг друзей глухонемых.

В душе моей поют сиротские соборы,
и белый снег метет меж сосен и берез,
но те, кого люблю, на приговоры скоры
и грозный суд вершат не в шутку, а всерьез.

О, нам хотя б на грош смиренья и печали,
безгневной тишины, безревностной любви!
Мы смыслом изошли, мы духом обнищали,
и жизнь у нас на лжи, а храмы на крови.

Мы рушим на века — и лишь на годы строим,
мы давимся в гробах, а Божий мир широк.
Игра не стоит свеч, и грустно быть героем,
ни Богу, ни себе не в радость и не впрок.

А я один из тех, кто ведает и мямлит
и напрягает слух пред мировым концом.
Пока я вижу сны, еще я добрый Гамлет,
но шпагу обнажу — и стану мертвецом.

Я на ветру продрог, я в оттепели вымок,
заплутавшись в лесу, почуявши дымок,
в кругу моих друзей, меж близких и любимых,
о, как я одинок! О, как я одинок!

За прожитую жизнь у всех прошу прощенья,
и улыбаюсь всем, и плачу обо всех, —
но как боится стих небратского прочтенья,
как страшен для него ошибочный успех...

Уйдет вода из рек, и птиц не станет певчих,
и окаянной тьмой затмится белый свет.
Но попусту звенит дурацкий мой бубенчик
о нищете мирской, о суете сует.

Уйдет вода из рек, и льды вернутся снова,
и станет плотью тень, и оборвется нить.
О, как нас Бог зовет! А мы не слышим зова.
И в мире ничего нельзя переменить.

Когда за мной придут, мы снова будем квиты.
Ведь на земле никто ни в чем не виноват.
А все ж мы все на ней одной виной повиты,
и всем нам суждена одна дорога в ад.

* *
*

Бессмыслен русский национализм,
но крепко вяжет кровью человечей.
Неужто мало трупов и увечий,
что этим делом снова занялись?

Ты слышишь вопль насыщенно-зловещий?
Пророк-погромщик, осиянно-лыс,
орет в статьях, как будто бы на вече,
и тучами сподвижники нашлись.

«Всех бед, — кричат, — виновники евреи,
народа нет корыстней и хитрее —
доколь терпеть иванову горбу?»

А нам еще смешно от их ужимок.
Светла река, и в зарослях кувшинок
веслом веселым к берегу гребу.

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН

*

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Во время шкуровских погромов в Воронеже семья Раевских прятала в своем доме еврейских детей. Одевали им на шею крестики: крещеных бандиты не трогали.

*Из рассказа моей матери
Е. М. Раевской*

Отдам еврею крест нательный,
Спасу его от злых людей...
Я сам в печали беспредельной
Такой же бедный иудей.

Судьбою с детства не лелеем
За неизвестные грехи,
Я мог бы вправду быть евреем,
Я мог бы так писать стихи:

По дорогой моей равнине,
Рукой качая лебеду,
С мечтой о дальней Палестине
Тропой российской иду.

Иду один, как в поле ветер.
Моих друзей давно уж нет.
А жизнь прошла,
И не заметил.
Остался только тихий свет.

Холодный свет от белой роши
И дальний синий полумрак...
А жить-то надо было проще,
Совсем не так, совсем не так...

Но эту горестную память
И эту старую повесть
Нельзя забыть, нельзя оставить,
Осталось только умереть.

А в роше слышится осина.
А в небе светится звезда...
Прости, родная Палестина,
Я не приеду никогда.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

*

БАБИЙ ЯР

Над Бабьим Яром памятников нет,
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно. Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас —

я — иудей.

Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне — следы гвоздей.
Мне кажется, что Дрейфус —

это я.

Мещанство —

мой доносчик и судья.

Я за решеткой.

Я попал в кольцо.

Затравленный, оплеванный, оболганный.
И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонтами тычут мне в лицо.

Мне кажется —

я мальчик в Белостоке.

Кровь льется, растекаясь по полам.
Я, сапогом отброшенный, бессилён.
Напрасно я погромщиков молю.
Под гогот:

«Бей жидов, спасай Россию!» —
лабазник избивает мать мою.
О русский мой народ!

Я знаю —

ты

по сущности интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.
Я знаю доброту твоей земли.

Как подло,

что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя «Союзом русского народа»!

Мне кажется —

я — это Анна Франк,

прозрачная,

как веточка в апреле,

И я люблю.

И мне не надо фраз.

Мне надо,

чтоб друг в друга мы смотрели.

Как мало можно видеть,

обонять!

Нельзя нам листьев

и нельзя нам неба.

Но можно очень много —

это нежно

друг друга в темной комнате обнять.

Сюда идут?

Не бойся — это гулы

самой весны —

она сюда идет.

Иди ко мне.
 Дай мне скорее губы.
 Ломают дверь?
 Нет — это ледоход...
 Над Бабьим Яром шелест диких трав.
 Деревья смотрят грозно,
 по-судейски.
 Все молча здесь кричат
 и, шапку сняв,
 я чувствую, как медленно седею.
 И сам я, как сплошной беззвучный крик,
 над тысячами погребенных.
 Я — каждый здесь расстрелянный старик.
 Я —
 каждый здесь расстрелянный ребенок.
 Ничто во мне
 про это не забудет!
 «Интернационал»
 пусть прогремит,
 когда навеки похоронен будет
 последний на земле антисемит.
 Еврейской крови нет в крови моей.
 Но ненавистен злобой заскорузлой
 я всем антисемитам,
 как еврей,
 и потому —
 я настоящий русский!

ВАЛЕРИЙ КРАСКО

* * *

Я немножко помолчу:
 по рыданьям на заре и
 по дырявому плащу —
 все мы, в сущности, евреи —
 не по крови — по судьбе —
 по тропе к чужому раю...

Я немножко о себе —
о тебе — попричитаю,
я немножко посижу —
потерпи меня, покамест
постепенно ухожу,
удаляюсь, уменьшаюсь —
точечка среди равнин,
сам себя не замечаю,

словно старенький раввин,
горько головой качаю...

СЕРГЕЙ ФЕЙНБЕРГ

*

БЕРДЯЕВ

Темна Россия и забита:
Тираны, войны, недород...
К чему клеймо антисемита
Тебе, страдающий народ?

К чему свирепствовать, Россия,
От хижины и до дворца?
К тому ли звал тебя Мессия?
Поводыря нет у слепца?

Опомнись: нет великих наций,
Евангелию не прекословь.
Отвергни ритуал оваций.

Когда громишь ты иноверцев,
Стократ твоя же льется кровь,
Так коль не разумом, так — сердцем...

ФЕДОР СОЛОГУБ

* *
*

Я спешил к моей невесте
В беспощадный день погрома.
Всю семью застал я вместе
Дома.

Все лежали в общей груди...
Крови темные потоки...
Гвозди вбиты были в груди,
В щеки.

Что любовью пламенело,
Грубо смято темной силой...
Пронизали гвозди тело
Милой...

БОРИС СЛУЦКИЙ

* *
*

Люблю антисемитов, задарма
дающих мне бесплатные уроки,
указывающих мне мои пороки
и назначающих охотно сроки,
в которые сведут меня с ума.

Но я не верю в точность их лимитов —
бег времени не раз их свел к нулю —
и потому люблю антисемитов!
Не разумом, так сердцем их люблю.

* *
*

— Примазываются к России,
ко всей ее одной шестой!
У них расчет совсем простой.
Верняк! Примазаться к России!

— А может, их тяжелый труд
России добавляет ладу?
А если денежки берут —
не чаевые, а зарплату?

Не отвечают на вопрос.
Проклятье или междометье
нуждается в ином предмете,
а не в продуманном ответе.

Не отвечают на вопрос.

ПРО ЕВРЕЕВ

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.

Евреи — люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.

Я все это слышал с детства,
Скоро совсем постарею,
Но все никуда не деться
От крика: «Евреи, евреи!»

Не торговавши ни разу,
 Не воровавши ни разу,
 Ношу в себе, как заразу,
 Проклятую эту расу.

Пуля меня миновала,
 Чтоб говорили нелживо:
 «Евреев не убивало!
 Все воротились живы!»

АНАТОЛИЙ КОБЕНКОВ

*

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Историческое лицо
 после ужина
 перед резнею
 поднимается на крыльцо
 историческое —
 резное.

И лицу, и крыльцу —
 хорошо:
 всею глоткой, всей грудью дышат...
 Перед ужином дождь прошел,
 после ужина солнце вышло;

все, что может молчать, — молчит,
 все, что знает про радость, — радо,
 конь не вскрикнет,
 не закричит
 ни прабабушка,
 ни прапрадед...

Оттого и легко лицу
историческому —
 все лепо,
все понятно и все к лицу:
и крыльцо, и земля, и небо.

И глядят на него поля,
строй домов и шеренги улиц...
Только я да мама моя
не хотим глядеть —
 отвернулись...

САМУИЛ МОРОЗ

*

ЛЮБОВЬ

Был у тети Хаи сын Арончик,
В общем, ничего себе малыш:
Смугленький и кругленький, как пончик,
Всем на удивление — крепыш.

И была у Эльки — Зелды дочка.
Хороша, как вешняя заря,
И свежа, как ивовая почка.
Все любили девочку не зря.

Вырастали дети в коммуналке
И играли на одном дворе
В казаки-разбойники и в салки,
В дочки-матери. А в сентябре

В первый класс, одетых как на праздник,
 Мамы привели своих детей.
 Был Арончик тот большой проказник,
 Бася — та училась без затей.

Годы шли, и подрастали дети,
 Церемониальным маршем годы шли.
 Дети были, как и все на свете
 Сыновья и дочери Земли.

В школе в них никто не тыкал пальцем
 (В моде был интернационализм).
 Материнская любовь, как панцирь,
 Защищала их. Когда дрались

Двор на двор. И в каждом переулке
 У ребят постарше был вожак.
 Трудно выбрать место для прогулки:
 Роковым мог стать неверный шаг.

Ну, а тут любовь. В девятом классе —
 Это вам не шуточки — любовь!
 Неразлучные Арончик с Басей
 Ночью повстречали трех жлобов.

— Эй, жидочек, отойди в сторонку,
 Ну а ты, мамзель, иди сюда.—
 В переулке весело и звонко
 Раскатилось эхо: «Никогда!»

Что там было? Лучше их не троньте;
 Годы проносились, как экспресс.
 В сорок первом он погиб на фронте,
 Дело потеряло интерес.

Вот и вся история. Зачем я
 Записал ее — не знаю сам.
 Просто заедает мелкотемье.
 Просто надо выход дать слезам.

ВЛАДИМИР ЛЕВИНЗОН

*

ОБЛАВА

Вспоминаю сорок третий
Под завесой дымовой.
Хоть бы кто из школы встретил,
Проводил меня домой.

Деревянные домишки
На окраине Перми,
Уплотненные в излишке
Подселенными людьми.

От бомбежек, от блокады,
Словно целая орда,
Из Москвы и Ленинграда
Набежало нас сюда.

А на фронте что творится —
Наши в шею гонят фрица:
Я бы тоже гадов бил,
Если б старше только был.

За оградой колючей
Там людей фашисты мучат.
Там — война, окопы, враг.
Здесь — и горы, и овраг.

Он глубокий, как ущелье,
По бокам — обрыв крутой.
Вдоль оврага возвращенье —
Путь единственный домой.

Не хочу туда идти —
 Знаю, что на полпути:
 Там готовится забава,
 Там в засаде пацанье—
 На меня идет облава,
 Не спасешься от нее.

Потому что от рожденья,
 Как на белой на стене,
 Все мое происхождение
 Как написано на мне.

Надают в бока и в спину,
 Если я не убегу:
 Шапку скинут, в ухо
 двинут,
 Изваляют на снегу.

А того еще страшнее,
 Что тетрадки изорвут.
 А всего того стыднее —
 Как меня они зовут.

Разве скажешь, как обидно,
 Как за горло душит стыд —
 Не поймете вы, как стыдно,
 Хуже «вора» это «жид».

Подглядеть из-за угла бы,
 Где прорваться из облавы?
 Я из школы не пойду,
 Лучше в школе пережду.

Неохота с ней прощаться,
 За порог переступить.
 Неохота возвращаться,
 Неохота больше жить

Хоть бы кто сегодня встретил —
На работе все давно.

...Вспоминаю сорок третий,
Не забуду все равно.

Пробираюсь по сараям
И не знаю, чья вина.
А войне не видно края,
Продолжается война.

САМУИЛ МАРШАК

*

МОЙ ОТВЕТ (МАРКОВУ)

Был в царское время известный герой
По имени Марков, по кличке — «второй».
Он в Думе скандалил, в газете писал,
Всю жизнь от евреев Россию спасал.

Народ стал хозяином русской земли,
От марковых прежних Россию спасли.
И вот выступает сегодня в газете
Еще один Марков, теперь уже «третий».

Не мог он сдержаться: «поэт-нееврей
Погибших евреев жалеет, пигмей!»
Поэта-врага он долбаёт ответом,
Завернутым в стих хулиганским кастетом.

В нем ярость клокочет, душа говорит,
Он так распалился, что шапка горит,
Но это не вдруг, знать, жива
в подворотне
Слинявшая в «серую» «черная» сотня.

Хотела бы вновь недобитая сотня
Спасти от евреев «несчастную Русь».

Знакомый поход — символично и ярко
Подчеркнуто это фамилией Марков.
И Маркову «третьему» Марков «второй»
Кричит из могилы: «Спасибо, герой!»

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

*

СТЕРЕОПАТ ИЛИ ПАТРИОТИП

«Родные наши бюрократы!
Вы — русские. Тут дело чисто.
Всему виной иллюминаты
И эти — как их? — сионисты.
И Сталин делал зло (чего там!)
По наущенью тех чудовищ.
Его, как Гитлера с Пол Потом,
Учил злодействам Каганович».

ДМИТРИЙ ПРИГОВ

* *
*

Русский вот пришел к еврею.
Говорит ему еврей:
Вот я русским вам не верю,
И евреям ты не верь!
Да я им и так не верю! —
Русский отвечал еврею.

Вот и правильно, не верь!
Но представь, что ты еврей
И я русский и к еврею
Я пришел вот и не верю.
Но вот как тебе не верю? —
Русскому как иль еврею?..

НАТАН ЗЛОТНИКОВ

*

В ТЕНИ КОСТРА

Все явственнее, все заметней
Погромный смысл статей, речей.
За грязным анекдотом, сплетней
Открыт простор, пока ничей.

Худых предчувствий, час не ровен,
Густеет сумрак над страной,
Перед которой я виновен,
Как перед матерью больной.

О Господи, чего же проще,
Дай обездоленным меня —
Они уже не просто ропшут,
А жаждут крови, кистеня.

Их обобрала камарилья,
Чиновной своры саранча,
Она и подрезает крылья
Парламентского кумача.

Усердствует, страшась ответа,
И, вторя опыту веков,
Вновь на фальшивую монету
Громил вербует, простаков.

Звучи, прелюдия разбоя,
Россию бедную дразни,
Чтоб сделать вновь ее рабою
Обмана, нищеты, резни!

—•—•—

АЛЕКСАНДР ЮДАХИН

*

ШОВИНИСТАМ АСТАШВИЛИ

Когда изгоните евреев,
певцов, ученых, брадобреев,
цыган и прочих за кордон,
тогда озлобленный подон
перегрызет своим же глотки
за то, что не хватает водки,
что хлеб в России не растет...
Не пожалеет свой народ.

—•—•—

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

*

БИБЛИЯ

О Книга Книг! Кто не изведал
в своей изменчивой судьбе,
как ты целишь того, кто предал
свой утомленный дух тебе?

В чреде видений неизменных
как совершенна и чиста
твоих страниц проникновенных
немеркнущая красота.

Все бездны лет не заглушили
божественно-простой мотив.
Жив образ женственной Рахили,
Израиль-богоборец жив.

И кто, житейское отбросив,
не плакал, в детстве прочитав,
как братьев обнимал Иосиф
на высоте честей и слав?

Кто проникал, не пламенея,
веков таинственную даль,
познав сиянье Моисея,
с горы несущего скрижаль?

Резец, и карандаш, и кисти,
и струны, и певучий стих —
еще светлей, еще лучистей
творят ряд образов твоих.

Какой поэт, какой художник
к тебе не приходил, любя?
Еврей, христианин, безбожник —
все, все учились у тебя.

И столько мыслей гениальных
с тобой невидимо слиты,
сквозь блеск твоих страниц кристальных
нам светят гениев мечты.

Ты вечно новой век за веком,
за годом год, за мигом миг
встаешь — алтарь пред человеком,
о Библия! О Книга Книг!

Ты — правда тайны сокровенной,
ты — откровенье, ты — Завет,
Всевышним данный всей вселенной
для прошлых и грядущих лет!

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

*

БИБЛИЯ

Кто сердца не питал, кто не был восхищен
Сей книгой, от небес евреем вдохновенной!
Ее божественным огнем воспламенен,
Полночный наш Давид на лире обновленной
Пророческую песнь псалтыри пробуждал, —
И север дивному певцу рукоплескал.
Так там, где цвел Эдем, на бреге Иордана,

На гордых высотах тенистого Ливана
 Живет восторг; туда, туда спеши, певец;
 Там мир в младенчестве предстанет пред тобою
 И мощный, мыслию сопутствуем одною,
 В чудесном торжестве творения творец...
 И слова дивного прекрасное рожденье,
 Се первый человек; вкусил минутный сон —
 Подругу сладкое дарует пробужденье.
 Уже с невинностью блаженство тратит он.
 Повержен праведник — о грозный бог!

о мщенье!

Потоки хлынули... земли преступной нет;
 Один, путеводим предвечного очами,
 Возносится ковчег над бурными валами,
 И в нем с Надеждою таится юный свет.
 Вы, пастыри, вожди племен благословенных,
 Иаков, Авраам, восторженный мой взгляд
 Вас любит обретать, могущих и смиренных,
 В родительских шатрах, среди шумящих стад;
 Сколь вашей простоты величие пленяет!
 Сколь на востоке нам ваш славный след сияет!..
 Не ты ли, тихий гроб Рахили, предо мной?..
 Но сын ее зовет меня ко берегу Нила;
 Напрасно злобы сеть невинному грозила;
 Жив Бог — и он спасен. О! сладкие с тобой,
 Прекрасный юноша, мы слезы проливали.
 И нет тебя... увы! на чуждых берегах
 Сыны Израиля в гонении, в цепях
 Скорбят... Но небеса склонились к их печали:
 Кто ты, спокойное дитя среди шумных волн?
 Он, он, евреев щит, их плена разрушитель!
 Спеши, о дочь царей, спасай чудесный челн;
 Да не дерзнет к нему приблизиться губитель —
 В сей колыбели скрыт Израиля предел.
 Раздвинься, море... пой, Израиль, искупленье!
 Синай, не ты ли день завета в страхе зрел?

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

*

НАД БИБЛИЕЙ

Над Библией в раздумье я поник,
Ловя мечтой божественные главы.
Передо мной священный мир возник
И весь цветет в лучах нетленной славы.

Встают из мглы задумчивых веков
Прекрасные и чудные былины,—
И вижу я сквозь пыльный их покров
Угасших стран цветущие руины.

Я грезю в эдем перенесен:
Меж мшистых скал легко гарцуют лани,
Цветет сирень, синее небосклон,
И колибри трепещет на банане.

С небес струится бархатная ночь,
Поя росой душистые растенья.
И грешных снов властительная дочь
Уже спешит на зов грехопаденья...

И вижу я дымящийся костер
У синих волн шумящего Евфрата,
И слышен там завистливый раздор,
И поднял меч впервые брат на брата!

Лежит в крови окоченелый труп,
А брат злодей в пустыню поспешает;
Ужасный бред шевелит складки губ,
И дерзкий взор раскаяньем пылает.

И вижу я — разлились волны рек,
И в бешенстве волна все поглотила,

Лишь носится кочующий ковчег,
Как некий гроб, без весел и ветрила.

И вижу я — синеет в мраке степь,
Клубится пар вечернего тумана,
И в сумерках курганов серых степь
Рисуетя таинственно и странно.

Дорогою с усталым первенцом
Идет отец и шаг свой замедляет...
Вот виден холм — и жертвенник на нем
Трепещущим сиянием мигает...

И слышу я на стогнах городов,
В гнездилищах разврата и пороков,
Крик торгашей и грозный звон оков,
И гордый плач осмеянных пророков.

Я вижу пир в блистающем дворце,
Синеет дым курильниц благовонных,
Стучат сосуды, блещут на крыльце
Огни лампад, елеем напоенных.

Кругом царит и смех, и произвол,
Как будто Бог не властвует отныне,
И чертится таинственный глагол
Перед царем, забывшимся в гордыне...

Весь ветхий мир прошел передо мной
С безумьем битв, с пророчеством и славой.
И я смущен Израиля судьбой,
То сумрачной, то строго величавой.

Возлюбленный Иеговою народ,
Алтарь твой смят, сыны твои пленены;
Ты стал пигмеем будничных забот,
Ты стал рабом чужой короны!

Твой брошен щит, давно заржавлен шлем
На поле битв, на вечном поле тленья.
Ты променял библейский свой эдем
На торжество базарного волненья...

ИВАН БУНИН

*

ТОРА

Был с Богом Моисей на дикой горной круче,
У врат небес стоял, как в жертвенном дыму:
Сползали по горе грохочущие тучи —
И в голосе громов Бог говорил ему.

Мешалось сердце с тьмой, основы скал дрожали,
И видел Моисей, как заждалась Она;
Из белого огня — раскрытые скрижали,
Из черного огня — святые письма.

И стиль — незримый стиль, чертивший их узоры, —
Бог о главу Вождя склоненного отер,
И в пламенном венце шел восприемник Торы
К народу своему, в свой стан и свой шатер.

Воспойте песнь ему! Он радостней и краше
Светильника Седьми пред Божьим алтарем:
Не от него ль зажгли мы пламенники наши,
Ни света, ни огня не уменьшая в нем?

ОГНЕННЫЙ СТОЛП

В пустыне раскаленной мы блуждали,
томительно нам знойный день светил.
Во мгlistые сверкающие дали
туманный столп пред нами уходил.

Но пала ночь — и скрылся столп туманный,
мираж исчез, свободней дышит грудь —
и пламенем к земле обетованной
нам Ягве указывает путь!

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

*

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Из цикла «Библейские мотивы»

Я по пустыне шел. Вечерний небосклон
 Мерцал румянцем предзакатным,
И воздух голубой был влажно напоен
 Цветов куреньем ароматным.

В лиловой полумгле неровной цепью гор
 Вдали дремал Синай маститый,
И вдруг заметил я сверкающий костер,
 Багровым заревом облитый.

То пышный куст горел, горел и не сгорал,
 И в купине неопалимой
Могучий голос мне отважно прозвучал:
 «Ко мне, ко мне, неустрашимый!»

Я подошел к нему несмелою стопой
 И, словно огненное знамя,
 Слепя мои глаза, взметнулось предо мной
 Костра трепещущее пламя.

И снова голос я услышал из огня:
 Звучал он, полный вдохновенья:
 «Я вождь нетленный твой — послушайся меня:
 Дай бедной родине спасенье.

Ты слышишь плач и стон, то ропщет твой народ
 Под тяжким игом фараона.
 Есть путь перед тобой — веди его вперед:
 Тебе я буду оборона;

Я покажу тебе обетованный край,
 Край вечной правды и святости.
 Есть речь в твоих устах — иди и вразумляй,
 Есть сердце — будь вождем отныне».

Таинственный глагол торжественно звучал,
 Исполнен божьего завета...
 А пышный куст горел, горел и не сгорал,
 Вокруг роняя искры света.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

*

КУПИНА

Купина огнепалимая,
 Это сердце здесь в груди,
 Как вошел в огонь и в дымы я,
 Так назад меня не жди.

Я горю в самосожженности,
 В распалюемой печи,
 Чтобы яркие стозвонности
 Миру бросили лучи.

Купина огнепалимая
 И хранимая вовеки,
 Всем сердцам, как светоч, зримая,
 Да не гаснет человек.

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

*

ИЕГОВА

Я, твой Господь, Я говорю тебе:
 Мне ведомо времен предназначенье.
 В Моих словах, в их каменной судьбе,
 Страдающий да емлет утешенье.
 Вся жизнь его навек обречена
 Быть пламенем, сжигающим овна
 На преданном, на кротком всесожженье.
 Я — твой Господь. Подножием Моим
 Пребудешь ты до окончанья века,—
 И каждая молитва человека —
 Моим ноздрям благоуханный дым.

И всей земле незыблемым законом
 Неукротимые кладу слова.
 И каждый миг, над каждым женским лоном,
 Над каждым рвом, где прячется трава,
 На высоте, над облаком нагорным,
 В глубинах вод, над фиником, над терном —
 Их власть, их мощь стремительно жива:

Расчислены движения и души,
 Расчислены — и молот, и свирель,
 И хлеб, и град, и все моря, все суши,
 Все взвешено,— и каждый шаг есть цель.

Вода несет твоих ладей ветрила,
 Питает злак тебя, и травы — скот,
 Сплетенья мышц перевивает жила,
 И согревают волосы живот.
 Твои рабы оберегают стадо.
 Твоя жена — в ней для тебя услада,
 И твердый меч — твоей земли оплот.
 И сам ты — огонь, Мне жертву пепелящий,
 Твой мозг — алтарь, где Мне звучит хвала.
 Моя рука недаром сберегла
 Тебя над бездной, смертью грозящей.

Но я всеблаг. Свободой одарил
 Моих детей слова, сердца и руки.
 И слышу не бряцание кадил,
 А ропота рокочущие звуки.
 Но Я и мудр. И будет месть Моя
 Не серный дождь, не язва лезвия,—
 Иные Я на них воздвигну муки,
 Цель бытия отнимется у них,
 Цель бытия отторгнется от злобных,
 И задышающихся в смрадах гробных
 Я обойду движеньем стоп Моих.

Быка, что человека забодает,
 Убьют кольем и мяса не съедят.
 Столетним кедром, что не запылает,
 И веток шалаша не подкрепят.
 Неверный меч да сгинет в вихре горнов,
 Да канет в кладезь нерадивый жернов.
 Неплодная,— ей жизни во сто крат.

И Каину — жить долее живого,
 Бесплодный хлеб навек бесплодно есть.
 Мне не служить — Моя преступным мечь.
 Так справедливый говорит Иегова.

СЕМЕН ФРУГ

*

ПСАЛОМ СУББОТЕ

Заставил Господь забыть на Сионе
 празднества и субботы.

I

Отгоняя все заботы,
 Благодатных полон сил,—
 Лучезарный лик Субботы
 В мраке будней проступил,

И сияя светом рая,
 Надпись искрится в тени:
 «Отдохни, душа больная,
 Отдохни!»...

II

И звучит души скорбящей
 Голос: «Господи, воззри —
 Заслонило темной чашей
 Горе свет моей зари...

Жизни скорбь и жизни скорбь я
 Как отраву пью все дни...
 Отдохни, десница Божья,
 Отдохни!»...

ВЛАДИМИР ШИЛЕЙКО

* *
*

Господь, ты знаешь, сколько раз
В моих дверях томился кто-то.
Я верил: не придет Суббота,—
И не отвел от книги глаз.

Так верил. Но она пришла,
И было это так: весь вечер
Над Иовом я теплил свечи
И пел священные слова.

И вдруг забыл последний стих,
И вот упал в крови и в поте,
Вот в криках бился, вот жених,—
Жених во сретенье Субботе!..

Безумие поет, звеня
Неистовыми голосами,
Теперь конец. Убей меня
Неумолимыми глазами.

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

*

ЭККЛЕЗИАСТ

Закат отбагровел над серой грудой гор,
Но темным пурпуром еще пылают ткани,
И цепенеет кедр, тоскуя о Ливане,
В заемном пламени свой вычертя узор.

И черноугольный вперяя в стену взор,
Великолепный царь, к вискам прижавши длани,
Вновь вержет на весы движенья, споры, брани
И сдавленно хулит свой с Богом договор.

Раздавлен мудростью, всеведеньем, проклятьем,
Он, в жертву отданный плодам и ароматам,
Где тление и смерть свой взбороздили след,—

Свой дух сжигает он и горькой дышет гарью,
— Тростник! Светильники! — и нежной киноварью
Чертит на хартии: Все суета сует.

КОНСТАНТИН ЛЬДОВ

*

ЭККЛЕЗИАСТ

Из цикла «Наброски»

Закрыта Библия. Свеча едва мерцает.
В раздумье горестном склонилась голова...
Душа моя скорбит, чело мое пылает —
И кто-то надо мной все громче повторяет
 Библейские слова:
«Все суета сует! Промчится год за годом
И канет без следа... Займется вновь заря
И снова догорит, и род пройдет за родом,
И новые жрецы зажгут у алтаря
Лампады новые, и, трепетно горя,
Они осветят вновь забытые кумиры...
Развеются как дым державы и порфиры,
И слава, и любовь промчатся, как мечта,
И все пройдет как сон... Все тлен и суета,
Все суета сует!...» Медлительно и властно
Глухая льется речь, и возглас роковой
Звучит в моих ушах так грозно, безучастно,

Как ровный стук лопат над крышкой гробовой.
И ниже никну я печальной головой,
И мыслю горестно:

— Зачем же мы так страстно
Глядим в немую даль, страдаем и скорбим?
Пусть все пройдет как сон, пусть все пройдет
как дым,

Но что нам до того?.. Пускай века нам дали
Лишь проблеск радости, лишь веянье печали,—
Мы всеобъемлющим сознанием своим
В одно мгновение всю вечность обнимали...
Цари мгновения, мы все-таки царим!

ВЛАДИМИР ФЕРЛЕГЕР

*

ХАВЕЛ-ХАВАЛИМ*

О чем скорбит свирель Екклезиаста?
О том, что все пройдет, пройдет напрасно,
Жизнь — «хавел-хавалим», тоска и кровь.
А Бог? — Он, мир толкнув, ладонь отставил,
Завел Часы. Пространство в Космос вправил.
Лети, вертись, пока сожмешься вновь.

Творец Всего не врач отдельной боли,
Сиротству имя есть — Свобода Воли.
Напрасно всеу поминать Его...
Без предрассудков и поверх приличий,
От любопытства и до безразличья,
И — «хавел-хавалим», и — Ничего.

*Авторская транслитерация.

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

*

ЕГИПЕТСКАЯ ТЬМА

Из книги «Премудрость Соломона». Глава XVII

Велик, неизглаголанно велик
 Твой суд, Господь!
 Он в помешательство ввергает нечестивых.
 Святой народ возмнили притеснить
 Они, безумцы, связанные тьмою,
 Опутанные долгой ночью;
 И, беглецы от Промысла, они
 Под кровлями домов лежали тайно;
 Под мрачной пеленой забвенья
 Они укрыться мнили
 С своими темными грехами...
 И были вдруг великим трепетаньем
 Проникнуты; отсюда
 Их несказанные виденья обступили;
 В вертепах их все стало страшно;
 Им слышались неведомые шумы;
 И дряхлые с лицом печальным мертвецы
 Смотрели им в глаза;
 И был огонь бессилен
 Давать им свет; и звезды не могли
 Рассеять мглу их страшной ночи;
 И лишь один невыразимый,
 Самогорящий, страха полный огонь
 Пред ними вдруг воспламенялся;
 И вверженные в трепет
 Страшилищем, которое и было
 И не было, они за ним
 Еще страшнейшее живое мнили видеть;
 И были их волхвы не властны
 Подать им помощь; кто ж пытался
 Болящую им душу исцелить,
 Был сам объят болезнью страха,

И трепетал; и слышались ему
 Звериный бег, змеиный свист,
 И в воздух он, которым тягостно дышал,
 Боялся очи устремить...
 В своем свидетельстве сама
 Свое приемлет осужденье злора;
 И страх двойной рождает совесть,
 Томимая виною сокровенной;
 Тревожит все того, в ком веры нет
 В спасенье, чье неутешимо сердце;
 Ему гроза грядущия беды
 Ужаснее самой беды наставшей.
 И тем, которые в ту ночь
 (Из адовых исшедшую вертепов)
 Смятенным сном объята были,
 Мечтались бегущие за ними
 Страшилища, и силились напрасно
 Они уйти...
 На них лежал тяжелый ужас!
 И тот, на ком лежал тот ужас,
 Как брошенный в темницу узник
 Был скован без желез;
 И кто б он ни был, пахарь иль пастух,
 Иль делатель трудов пустынных,
 От неизбежного не мог он убежать;
 Все были вдруг
 Опутаны одною цепью тьмы;
 Свистал ли ветер, мимо пролетая,
 Был слышен ли в густых
 Древесных тенях говор птиц,
 Шумели ль быстрольющиеся воды,
 Иль гром от падающих камней был,
 Или играющих животных
 Течение, невидимое оку,
 До слуха достигало,
 Иль рык зверей пустынных раздавался,
 Или из дебрей горных
 Отзывный голос говорил —

Все в трепет их ввергало несказанный.
 Небесный свет по всей земле сиял,
 И каждый, всюду, невозбранно,
 Мог труд обычный мирно совершать:
 На них же темная лежала ночь,
 Прообразитель той великой ночи,
 Которой нет конца;
 А сами для себя они
 Тяжеле тьмы, на них лежавшей, были.

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ

*

ПУТЕШЕСТВИЕ В ХАОС

Отрывки

*

Еще зари оранжевое ржанье
 Ерусалимских стен не потрясло,
 Лицо Иоконоанна — белый камень —
 Цветами зелени и глины поросло.

И голова моя качается, как череп,
 У окон сизых, у пустых домов,
 И в пустыри открыты двери,
 Где щебень, вихрь, крупины облаков.

*

Под пегим городом заря играла в трубы,
 И камышами одичалый челн пророс.
 В полуоткрытые заоблачные губы
 Тянулся месяц с сетью желтых кос.

И завывал над бездной человек нечеловечьи.
 И ударял в стада сырых камней,
 И выходили души на откос Кузнечный,
 И Хаос резали на призрачном огне.

Пустую колыбель над сумеречным миром
 Качает Желтого Иосифа жена.
 Ползут туманы в розовые дыры,
 И тленье подымается из ран.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

*

МОИСЕЙ

Я к людям шел назад с таинственных высот,
 Великие слова в мечтах моих звучали.
 Я верил, что толпа надеется и ждет...
 Они, забыв меня, вокруг тельца плясали.
 Смотря на этот пир, я понял их — и вот
 О камни я разбил ненужные скрижали
 И проклял навсегда твой избранный народ.
 Но не было в душе ни гнева, ни печали.

А ты, о Господи, ты повелел мне вновь
 Скрижали истесать. Ты для толпы преступной
 Оставил свой закон. Да будет так. Любовь
 Не смею осуждать. Но мне,— мне недоступна
 Она. Как ты сказал, так я исполню все,
 Но вечно, как любовь,— презрение мое.

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

*

МОИСЕЙ

Ты родился в раскатах грома
Под фараоновым бичом.
В обмазанном смолой Содома
Корыте над глухим прудом
Лежал, качаемый волною,
Тая косноязычный крик,
И в зной, налитый тишиною,
Его послать не мог язык,
Стесненный Божией рукою.
Возрос. И при дворе царя,
Колышим гневом неумным
И волей сдавленной горя,
Ты встал проклятием огромным.
Клокоча и кипя, как горн,
Ребенок на путях витийства,
Ногами попирая терн,
Ты первое свершил убийство.
Бежал. Обжег песком пустынь
Подошвы с натруженной кожей
И видел в зное облик Божий
Неизглаголемых святынь.
Ведя верблюда к водопою,
Миную каменистый склон,
Неопалимой купиною
Ты был навеки опален.
Багряное железо сердца,
Как воск, оттиснуло печать,
И казней громовую рать
Обрушил ты на иноверца.
Как скалы непреодолим,
Звал тьму и воды полнил кровью,

Проказу сеял, веял дым,
 Твоим веленьем Серафим
 Прошел по каждому становью
 С мечом губительным своим.
 И темной смертью потрясая,
 Ты одолел неравный торг
 И плен трехвековой расторг,
 И вывел свой народ из края,
 Где каждый глиняный кирпич
 Замешан был на детской крови,
 Где истекал в бессильном зове
 Непрерывающийся клич.
 И сорок лет в песках пустыни
 Твой вился, твой метался след,
 И ропоты, и крик гордыни, —
 Ты сокрушал их сорок лет.
 Ты медного воздвигнул змия,
 Ты золотого сжег тельца
 И пеплом воды ключевые
 Заквасил ты, и до конца
 Их пили павшие в пороках.
 В теснинах, на горах высоких
 В борьбе с напором вражьих сил
 Ты встал в молении трехдневном
 И, к небесам в упорстве гневном
 Вздев руки, их окостенил.
 И говоря в Синайских громах
 С железногласым Божеством,
 Ты выбил в каменных отломах
 Законы вековым резцом.
 И яро раздробив скрижали
 У ног отпадших сыновей,
 Вновь шел ты в громовые дали
 Среди вулканических зыбей.
 И Богу рек: — Не смей карать их!

А если нет,— то и меня
 Извергни в огненных проклятиях
 Из вечной книги бытия! —
 И к утру, помертвев в печали,
 Ты головы поднять не мог.
 А над тобой покорный Бог
 Чеканил новые скрижали.

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

*

ДОЧЬ ФАРАОНА

И скатерти крахмальная стена,
 И тяжкий вздох в молитвенном напеве,
 И десять капель смутлого вина
 На память о Господнем страшном гневe.

Подсвечников тяжелых якоря,
 И бисерные бахромы ресницы,
 На темных буквах вечера заря,
 На крыше слов глубокий сумрак длится.

Течет во мглу в веселии, в тоске,
 И плещет полноводная Агада:
 Вот буйволов коричневое стадо
 На водопое топчется в песке,

И девушка спускается к реке,
 Служанки ждут под тихой сенью сада,
 И ей навстречу горькою усладой
 Глаза младенца светят в тростнике.

ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ

*

ПОДРАЖАНИЕ БАТЫРАЮ

Из Египта Моисей
До Израильской земли
Вел евреев сорок лет,
Хоть дороги — сорок лун.

Сорок лет их вел пророк
Для того, чтобы в пути
Рабства выветрился дух
В соплеменниках его.

ЛЕВ МЕЙ

*

ПУСТЫННЫЙ КЛЮЧ

(Моисеевых книг.— Исход)

Таких чудес не видано донине:
Днем облако, а ночью столп огня,
Вслед за собой толпу несметную маня,
Несутся над песком зыбучим, по пустыне,
И, Богом вдохновлен, маститый вождь ведет
В обетованный край свой избранный народ.
Но страждут путники, и громко ропщет каждый,
Как травка без дождя, палим томящей жаждой.
Порою впереди — как будто бы вода,—
Нет, это — марево,— и синею волною
Плеснула в небеса зубчатых скал гряда.
Так и теперь... Далеко глаз еврея
Завидел озеро, и звучно раздались

И потонули в голубую высь
 Похвальные псалмы — во имя Моисея.
 И вот — опять обман, опять камня скал,
 Где от веку ручей студеной не журчал.
 И пали духом все, и на песок, рыдая,
 С младенцем пала ниц еврейка молодая.
 И, руки смуглые кусая до костей,
 Пьет жадно кровь свою измученный еврей.
 Но Моисей невозмутим: он знает,
 Что веру новую терпенье проверяет...
 И по скале ударил он жезлом!
 И брызнула вода сквозь твердый слой ручьем...
 И, жажду утолив, раскаявшись в пенях,
 И в ропоте народ молился на коленях...

Вот так и ты, певец: хоть веря, но молча,
 Ты, вдохновенный, ждешь, пока возжаждут люди
 Всем сердцем — тогда ты освежишь им груди
 Своею песнею, и закипит, звуча,
 Она живой струей пустынного ключа.

И В А Н Б У Н И Н

*

БЛАГОВЕСТИЕ О РОЖДЕНИИ ИСААКА

Они пришли тропинкою лесною,
 Когда текла полдневная жара.
 И в синем небосклоне предо мною
 Кудрявилась зеленая гора.

Я был как дуб у черного шатра,
 Я был богат стадами и казною,
 Я сладко жил утехой землею,
 Но вот, пришли: «Встань, Авраам, пора!»

Я отделил для Вестников телицу.
Ловя ее, увидел я гробницу,
Пещеру, где оливковая жердь,

Пылая, озаряла Двух Почивших,—
Гроб праотцев, Эдема нас лишивших,
И так сказал: «Рожденье чад есть смерть».

ИОСИФ БРОДСКИЙ

*

ИСААК И АВРААМ

Из поэмы

.....

В пустыне Исаак и Авраам,
четвертый день пешком к пустому месту
идут они по всем пустым холмам,
что зыблются сродни (под ними) тесту.
Но то песок. Один густой песок.
И в нем трава (коснись — обрежешь палец),
чей корень — если б был — давно иссох.
Она бредет с песком, трава-скиталец.
Ее ростки имеют бледный цвет.
И то сказать — откуда брать ей соки?
В ней, как в песке, ни капли влаги нет.
На вкус она — сродни лесной осоке.
...Холмы песка. Барханы — имя им.
Пустынный свод небес кружит над ними.
Шагает Авраам. Вослед за ним
ступает Исаак в простор пустыни.
Садится солнце, в спину бьет отца.
Кружит песок. Прибавил ветер скорость.
Холмы, холмы. И нету им конца.

«Сынок, дрова с тобою?» — «Вот он, хворост».
 ...«А трут, отец, с тобою?» — «Вот он, трут».
 Не видно против света, смутно этак...
 Обоих их склоняя, спину трут
 Сквозь ткань одежд вязанки темных веток.
 ...Внезапно Авраам увидел куст.
 Густые ветви стлались низко-низко.
 Хоть горизонт, как прежде, был здесь пуст,
 но это означало: цель их близко.
 «Здесь недалеко», — куст шепнул ему
 почти в лицо, но Авраам, однако,
 не подал виду и шагнул во тьму.
 И точно — Исаак не видел знака.
 ...И только вот теперь он в двух шагах
 заметил куст (к отцу почуяв зависть).
 Он бросил хворост, стал и сжал в руках
 бесцветную листву, в песок уставясь.
 По сути дела, куст похож на все.
 На тень шатра, на грозный взрыв, на ризу,
 на дельты рек, на лук, на колесо, —
 но только ось его придется книзу.
 С ладонью сходен, сходен с плотью всей —
 при беглом взгляде ленты вен мелькают.
 С народом сходен — весь его рассей,
 но он со свистом вновь свой ряд смыкает.
 ...Кто? Куст. Что? Куст. В нем больше нет корней.
 В нем сами буквы больше слова, шире.
 «К» с веткой схоже, «У» — еще сильнее.
 Лишь «С» и «Т» в другом каком-то мире.
 ...Ночь. Рядом с Авраамом Исаак
 ступает по барханам в длинном платье.
 Взошла луна, и каждый новый шаг
 сверкает, как серебро в песчаном злате.
 Блестит луна, синее густо даль.
 Сплошная тень, исчез бесследно ветер.
 «Далеко ль нам, отец?» — «О нет, едва ль», —
 не глядя, Авраам тотчас ответил.

С бархана на бархан и снова вниз,
 по сторонам поспешным шаря взглядом,
 они бредут. Кусты простерлись ниц,
 но все молчат: они идут ведь рядом.
 ...«Эй, Исаак. Ты вновь отстал. Я жду».
 Он так напруг глаза, что воздух сетчат
 почудился ему — и вот: «Иду.
 Мне показалось, куст здесь что-то шепчет».
 «Идем же». Авраам прибавил шаг.
 Луна горит. Все небо в ярких звездах
 молчит над ним. Простор звенит в ушах.
 Но это только воздух, только воздух.
 Песок и тьма. Кусты простерлись ниц.
 Все тяжелей влезать им с каждым разом.
 Бредут склонясь. Совсем не видно лиц.
 ...И Авраам вязанку бросил наземь.

Они сидят. Меж них горит костер.
 Глаза слезятся, дым клубится едкий,
 а искры прочь летят в ночной простор.
 Ломают Исаак сухие ветки.
 Став на колени, их, склонясь вперед,
 подбросить хочет: пламя стало утлым.
 Но за руку его отец берет:
 «Оставь его, нам хворост нужен утром.
 Нарви травы». Устало Исаак
 встает и, шевеля с трудом ногами,
 бредет в барханы, где бездонный мрак
 со всех сторон, а сзади гаснет пламя.
 ...Вернулся Исаак, неся траву.
 На пальцы Авраам накиннул тряпку:
 «Поддай сюда. Сейчас ее порву».
 И быстро стал крошить в огонь охапку.
 Чуть-чуть светлей. Исчез из сердца страх.
 Затем раздул внезапно пламя ветер.
 «Зачем дрова нам утром?» — Исаак
 потом спросил, и Авраам ответил:

«Затем, зачем вообще мы шли сюда
 (ты отставал и все спешил вдогонку,
 но так как мы пришли, прошла беда) —
 мы завтра здесь должны закласть ягненка.
 Не видел ты алтарь там, как ходил
 искать траву?» — «Да что там можно видеть?
 Там мрак такой, что я от страха стыл.
 Один песок». — «Ну, ладно, хочешь выпить?»
 И вот уж Авраам сжимает мех
 своей рукой, и влага льется в горло;
 глаза же Исаака смотрят вверх:
 там все сильнее гудят, сверкая, сверла.
 «Достаточно», — и он отсел к огню,
 отерши рот коротким жестом пьяниц.
 Уж начало тепло склонять ко сну.
 Он поднял взгляд во тьму: «А где же агнец?»
 Огонь придал неясный блеск глазам.
 Услышал он ответ (почти что окрик):
 «В пустыне этой... Бог ягненка сам
 найдет себе... Господь, он сам устроит...»
 ...Горит костер. Вернее, дым к звезде
 сквозь толщу пепла рвется вверх натужно.
 Уснули все и вся. Покой везде.
 Не спит лишь Авраам. Но так и нужно.
 Спит Исаак и видит сон такой:
 безмолвный куст пред ним ветвями машет.
 Он сам коснуться хочет их рукой,
 но каждый лист пред ним смятенно пляшет.
 Кто? Куст. Что? Куст. В нем больше нет корней.
 В нем сами буквы — больше слова, шире.
 «К» с веткой схоже, «У» — еще сильней.
 Лишь «С» и «Т» — в другом каком-то мире.
 ...Что ж «С» и «Т» — а куст пронзает хмарь.
 ...Что ж «С» и «Т» — все ветви рвутся в танец.
 Но вот он понял: «Т» — алтарь, алтарь, а
 «С» на нем лежит, как в путях агнец.

Так вот что КУСТ: К, У, С и Т.
 Порывы ветра резко ветви кренят
 во все концы, но встреча им в кресте,
 где буква «Т» все пять одна заменит.
 Не только «С» придется там уснуть,
 не только «У» делиться после снами.
 Лишь верхней планке стоит вниз скользнуть,
 не буква «Т» — а тотчас Крест пред нами.
 И ветви — видит он — длинней, длинней.
 И вот они его в себя прияли.
 Земля блестит — и он плывет над ней.
 Горит звезда...

На самом деле — дали
 рассвет уже окрасил в желтый цвет,
 и Авраам, ему связавши тело,
 его понес туда, откуда след
 протоптан был сюда, где пламя тлело.
 Весь хворост был туда давно снесен,
 и Исаака он на это ложе
 сложил сейчас — и все проникло в сон,
 но как же мало было с явью схоже.
 Он возвратился, сунул шерсть в огонь.
 Та вспыхнула, обдавши руку жаром,
 и тотчас же вокруг поплыла вонь;
 и Авраам свой нож с коротким жалом
 достал (почти оттуда, где уснул
 тот нож, которым хлеб он резал в доме...).
 «Ну что ж, пора», — сказал он и взглянул:
 на чем сейчас лежат его ладони?
 В одной — кинжал, в другой — родная плоть.
 «Сейчас соединю... — И тут же замер,
 едва пробормотав: — Спаси, Господь!» —
 Из-за бархана быстро вышел ангел.

«Довольно, Авраам», — промолвил он,
 и тело Авраама тотчас потным
 внезапно стало, он разжал ладонь,
 нож пал на землю, ангел быстро поднял.

«Довольно, Авраам. Всему конец.
 Конец всему. И небу то отрадно,
 что ты рискнул, хоть жертве ты отец.
 Ну, с этим все. Теперь пойдем обратно.
 Пойдем туда, где все сейчас грустят.
 Пускай они узрят, что в мире зла нет.
 Пойдем туда, где реки все блестят,
 как твой кинжал, но плоть ничью не ранят.
 Пойдем туда, где ждут твои стада
 травы иной, чем та, что здесь; где снится
 твоим шатрам тот день, число когда
 твоих детей с числом песка сравнится.
 ...Пойдем же, Авраам, в твою страну,
 где плоть и дух с людьми,— с людьми родными,
 где все, что есть, живет в одном плену,
 где все, что есть, стократ изменит имя.
 Их больше станет, но тем больший мрак
 от их теней им руки, ноги свяжет.
 Но в каждом слове будет некий знак,
 который вновь на первый смысл укажет.
 ...Довольно, Авраам, испытан ты.
 Я нож забрал — тебе уж он не нужен.
 Холодный свет зари залил кусты.
 Идем же. Исаак почти разбужен.
 Довольно, Авраам. Испытан. Все.
 Конец всему. Все ясно. Кончим. Точка.
 Довольно, Авраам. Открой лицо.
 Достаточно. Теперь все ясно, точно».
 По-русски Исаак теряет звук.
 Зато приобретает массу качеств,
 которые за «букву вместо двух»
 оплачивают втрое, в буквах прячась.
 По-русски «И» — всего простой союз,
 который числа действий в речи множит
 (похожий в математике на плюс),
 однако он не знает, кто их сложит.

(Но суммы нам не вложено в уста:
 для этого на свете нету звука.)
 Что значит «С», мы знаем из куста:
 «С» — это жертва, связанная туго.
 А буква «А» — среди этих букв старик,
 союз, чтоб между слов был звук раздельный.
 По существу же — это страшный крик,
 младенческий, прискорбный, вой смертельный.
 И если сдвоить, строить: ААА,
 сложить бы воедино эти звуки,
 которые должны делить слова,
 то в сумме будет вопль ужасной муки:
 объяло пламя все суставы «К»
 и к одинокой «А» стремится прямо.
 Но не вздымает нож ничья рука,
 чтоб кончить муку, нет вблизи Аврама.
 Пол-имени еще в устах торчит...
 Другую половину пламя прячет.
 И снова жертва на огне кричит:
 «Вот то, что «Исаак» — по-русски значит».

СЕМЕН ЛИПКИН

*

РАЗМЫШЛЕНИЯ АВРААМА
 У ЖЕРТВЕННИКА

1

Что испытывала мать,
 Стоя у порога,
 Прежде, чем домой позвать
 Праотца иль Бога?

2

Как звались былых времен
Дети или внуки?
Тех ласкательных имен
Кто запомнил звуки?

3

И когда пред Всеблагим
Он главой поникнул,—
Милый именем каким
Отрока окликнул?

4

Наколел, связал дрова,
Нагрузил на сына.
Исаак молчал сперва.
Смохла и долина.

5

А потом сказал отцу:
«Есть дрова, кресало,
Что ж не взяли мы овцу,
Чтобы жертвой стала?»

6

Был ответ: «Я чту, мой сын,
Господа приказы.
Для сожженья есть один
Агнец большеглазый».

7

Поднимались по холмам.
Силу зной удвоил.
Меж деревьев Авраам
Жертвенник устроил.

8

Он разжег дрова, помог
Отроку раздеться,
И глядел он и не мог
Вдоволь наглядеться.

9

С загорелой наготой,
С обещаньем мощи,
Был он строен — молодой
Кедр ливанской роши.

10

Тонкостан, верблюдоок,
Брови на излете,
И чудесно зрел росток
Крепкой крайней плоти.

11

«Я обрезал эту плоть,
Я не ждал укора.
Сам нарушил мой Господь
Слово договора.

12

Сын единственный умрет.
Как же, сверхстолетний,
Я могу родить народ,
Что песка несметней?

13

Да нужны ли мне стада,
Роды и колена,
Без тебя, моя звезда,
Мальчик мой бесценный?

14

Нет, пред Богом грешен я
 Разуменьем скудным:
 Разве может Судия
 Быть неправосудным?

15

Нет, не глина я, хотя
 Сотворен из праха,
 И теперь мое дитя
 В огонь войдет без страха.

16

Заповедал Судия:
 «Народишь ты племя,
 И твоё умножу Я,
 Умножая, семя».

17

Смысл словес его глубок,
 Рассуждая строго,
 Бог есть мысль, и мысль есть Бог,
 Я — подобье Бога.

18

Не равняй людей с песком,
 Звездами не числи:
 Мысли в образе людском,
 Все мы — Божьи мысли.

19

Тлен — кресало и тесак,
 Дерево сгорает.
 Я есть мысль, мысль — Исаак,
 Мысль не умирает».

20

Он взглянул — и обомлел:
Сын смотрел на пламя,—
Точно так же Бог смотрел,
Теми же глазами!

21

И с небес воззвал слуга,
Богу предстоящий,
И баран свои рога
Выдвинул из чаши.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ АВРААМА

1

Табунились табуны,
И стада ягнились,
И сияющие сны
Каждой ночью снились.

2

К небу воздух восходил
Свежим фимиамом,
И явился Михаил
Перед Авраамом:

3

«Ныне Бог меня послал
За твоей душою».
Но старик еще желал
Жизнью жить земною.

4

Был он крепок, был не скуп,
Всех встречал с радушьем
И любил мамврийский дуб
Над шатром пастушьим.

5

Он сказал: «Я отдохну
Под Господним кровом,
Но сперва на мир взгляну,
Сотворенный Словом».

6

Михаил простер крыла,
Стала ночь светиться,
На степной простор сошла
Чудо-колесница.

7

Взвились вестник и старик
Вровень с небесами.
Беспредельный мир возник
Перед их глазами.

8

И увидел Авраам
Сверху, с колесницы,
Ложь, разбой, и блуд, и срам,
Плахи и темницы.

9

Вскрикнул: «Боже! Здесь позор!
Мир живет в безверьи!
На людей низвергни мор,
Пусть сожрут их звери!»

10

Но раздался Божий глас:
«Знай, в иных началах
Я миры творил не раз,
Тут же разрушал их.

11

То, что Словом создавал,
 Было бессловесным.
 Дух тебя не узнавал
 В облике телесном.

12

А вот этот мир хорош,
 Ибо в этом зданье
 Правде уступает ложь,
 Радости — страданье.

13

Ибо здесь любовь сладка, —
 Не страшась броженья,
 Пьют из чашечки цветка
 Мед воображенья.

14

Этот грешный мир — дворец,
 Город говорящих,
 Ибо только Я — Творец,
 Нет других творящих».

ЮЛИЯ НЕЙМАН

*

ИСААК

Ангел смерти руку простер:
 И не стало женщины старой,
 Опустел материнский шатер:
 Умерла премудрая Сарра.

И грустит Исаак, хотя
 И умом, и могучим телом
 Он давно уже не дитя,—
 Страшно в мире осиротелым!
 Знала мать — лишь она одна,—
 В этом мире скорби и страха,
 Как глубоко уязвлена
 С юных лет душа Исаака.

Ибо связан и обнажен,
 Ни пред кем ни в чем не виновен,
 Под отцовским смертным ножом
 Он лежал как жертвенный овен.
 — Прав ли ты, о Господи сил! —
 Исаак взывает доныне,—
 Ты отца тогда пощадил,
 Но зачем ты забыл о сыне!

В память врезано до конца,
 Никогда не сможет забыться:
 Смертный нож в деснице отца,
 Лик его с глазами убийцы.
 «В каждом мне мерещится враг.
 С кем, скажи, свою боль избуду?!»
 И возвел глаза Исаак,
 И увидел:
 идут верблюды.

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

* *
 *

Глаз таких черных, ресниц таких длинных
 Не было в песнях моих,
 Лишь из преданий Востока старинных
 Знаю и помню о них.

В царственных взлетах, в покорном падении —
 Пение вечных имен...
 «В пурпур красавицу эту оденьте!»
 Кто это? — Царь Соломон!

В молниях славы, как в кликах орлиных,
 Царь. В серебре борода.
 Глаз таких черных, ресниц таких длинных
 Он не видал никогда.

Мудрость, светильник, не гаснувший в мифе,
 Мощь, победитель царей,
 Он изменил бы с тобой Суламифи,
 Лучшей подруге своей.

Ибо клялись на своих окаринах
 Сердцу царя соловьи:
 «Глаз таких черных, ресниц таких длинных —
 Не было...» Только твои!

КОНСТАНТИН ЛИПСКЕРОВ

*

СОЛОМОН

Обложен золотом слоновокостный трон,
 И гусли звонкие запели по дубравам.
 По странам, по морям раскинувшимся славам
 Внимает Сувский царь, дивится Фараон.

Достроен щедро храм. По кованым подставам
 Сплелись хвостами львы. Ковчег со всех сторон
 Укрыт крылатыми. Но Бог вещал урон
 Стране, чей вождь не внял единственным уставам.

Янтарноликих жриц горит серебрубор.
 Плеч идумийских мрак. Сидонский блудный взор
 Всебожному волхву неведомое выдал.

К Астарте из кадил вздымается туман,—
 И смотрит Соломон, как новый блещет идол,
 Затем, что правда -- все, затем, что все — обман.

ЯКОВ ГИТИН

*

ИЗ ПРОРОКОВ

Дух Господа Бога на мне.

Исайя, гл. 61

Я — помазанник Божий; меня Адонай
 Предназначил для цели великой.
 Он сказал мне: иди и смиренным вещай —
 Я услышал их стоны и крики.
 И больным говори: их жалеет Господь,
 Он утишит их раны и боли;
 И скажи заключенным: день светлый грядет
 И не станет цепей и неволи...
 О народ мой, уж вдоволь наплакался он,
 Истрадался в чужбине холодной...
 Так утешь ты его: возродится Сион
 И воспрянет могучий, свободный.
 Из холодных песков, из глухих пустырей
 Резво жизнь молодая пробьется
 И расстелет ковры изумрудных полей,
 И ручьями на волю прольется!..

ИЗ ПРОРОКОВ

Излию дух мой на всякую плоть, и
будут пророчествовать сыны ваши и
дщери ваши...

И я явлю знамения на небе и земле:
кровь, огонь и столпы дыма...

Иоель, гл. III

Я предвещаю вам пору,
Мои знаменья вас разбудят:
Светить зловеще-грозно будут
Луна и солнце поутру.
А в полдень ветер мой нагонит
Клубы багряных облаков —
То вашу пролитую кровь
Они покажут и застонут...
И там, где грозный стон падет,
Земля расколется на части.
И из ее разверстой пасти,
Шипя, прорвется и пожрет
Светил и звезд ночных сиянье
Многовековый ваш костер...
И мир услышит страшный хор
Тысячелетнего стенанья
Всех жертв его. И он поймет,
И в ужасе он содрогнется,
Но вас тот ужас не коснется.
На вас мой дух опочнет.
Пророками меж вами встанут
Юницы ваши и сыны,
И веще-золотые сны
Мужам и старцам сниться станут...
Кто был вчера еще рабом,
Уже не будет им сегодня:
Моя рука — рука Господня —
Зажжет святое пламя в нем!

Железной мощью и отвагой
 На вас дохну я с высоты,
 И возрождения мечты
 Уже не будут старой сагой, —
 Они стеною вас сплотят
 И двинут вас к единой воле,
 Как движет ветер в хлебном поле
 Колосьев спелых дружный ряд.
 И поведу я легионы
 Моих искупленных сынов
 В страну святую их отцов
 К горам и пажитям Сиона,
 Там воссияет вновь мой храм,
 Светила дня пышней и краше.
 Там всех вас ждет спасенье ваше —
 Так ваш Господь глаголет вам.

— — — — —
 К. Р.

*

ПСАЛМОПЕВЕЦ ДАВИД

О царь! Скорбит душа твоя,
 Томится и тоскует, —
 Я буду петь: пусть песнь моя
 Твою печаль врачует.

Пусть звуков арфы золотой
 Святое песнопенье
 Утешит дух унылый твой
 И облегчит мученье.

Их человек создать не мог, —
 Не от себя пою я:
 Те песни мне внушает Бог,
 Не петь их — не могу я!

О царь! Ни звучный лязг мечей,
 Ни юных дев лобзанья
 Не заглушат тоски твоей
 И жгучего страданья!

Но лишь души твоей больной
 Святая цель коснется,—
 Мгновенно скорбь от песни той
 Слезами изольется.

И вспрянет дух унылый твой,
 О царь! И, торжествуя,
 У ног твоих, властитель мой,
 Пусть за тебя умру я.

ЛЕГЕНДА ПРО МЕРТВОЕ МОРЕ

В знойной степи у истока священной реки
 Иордана,
 В каменных сжато объятиях скал, раскаленных
 полуднем,
 Чудно синяя, безмолвно покоится Мертвое море.
 Мрачной пустыни бесплодная почва безжизненна,
 скудна.
 Издали волн заколдованных гладь голубую завидев,
 В ужасе зверь убегает; пугливо небесные
 птицы
 С жалобным криком спешат улететь от проклятого
 места;
 Змеи одни обитают в глубоких расселинах
 камней;
 Лишь бедуин одинокий, копьём тростниковым
 махая,
 Быстрый конем уносимый, промчится песчаным
 побережьем.

Древнее ходит сказанье про это пустынное море:
 Лишь только звезды золотые зажгутся в безоблачном
 небе,
 Тьмою огней отражаясь в заснувших лазоревых
 волнах,
 Лишь в вышину голубую серебряный выплывет
 месяц,—
 Вдруг просветляется влажное лоно прозрачной
 пучины;
 Сноп белоснежных лучей всю глубокую бездну
 морскую
 С глади незабываемой вод и до самого дна
 проникает
 Там, в глубине, озаренные блеском полночного
 неба,
 Груды развалин толпятся в безжизненном
 древнем величье;
 Словно как трупы недвижимые, в мертвенном
 сне цепенея,
 Эти обломки морское песочное дно
 покрывают...
 — Это Содом и Гоморра... Господь их
 порочное племя
 В оные дни покарал за великие, тяжкие
 вины.
 Долготерпенья предвечного Бога исполнилась
 мера:
 Огненный дождь ниспослал Он на царство греха
 и разврата;
 Недра земные разверзлись и те города
 поглотили;
 Бездну провала залили морские соленые воды...
 Там, где был край многолюдный, подобно
 великой могиле,
 Ныне, синяя, безмолвно покоится Мертвое море.

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

*

ПОДРАЖАНИЯ

1

ПЕСНЯ В ПУСТЫНЕ

Пускай не нам почить от дел
В день вожделенного покоя —
Еговы меч нам дан в удел,
Предуготованным для боя.

И бой, кровавый, смертный бой,
Не утомит сынов избранья;
Во брани падших ждет покой
В святом краю обетованья.

Мы по пескам пустым идем,
Палимы знойными лучами,
Но указующим столпом
Егова сам идет пред нами.

Егова с нами — он живет,
И крепче каменной твердыни,
Несокрушим его оплот
В сердцах носителей святыни.

Мы ту святыню пронесли
Из края рабства и плененья —
Мы с нею долгий путь прошли
В смиренном чаянье спасенья.

И в бой, кровавый, смертный бой,
Вступить с врагами мы готовы:
Святыню мы несем с собой —
И поднимаем меч Еговы.

ПРОКЛЯТИЕ

Да будет проклят тот, кто сам
Чужим поклонится богам
И — раб греха — послужит им,
Кумирам бранным и земным,
Кто осквернит Еговы храм

Служеньем идолам своим,
Или войдет, подобный псам,
С нечистым помыслом одним...
Господь отмщений, предков бог,
Ревнив, и яростен, и строг.

Да будет проклят тот вдвойне,
Кто с равнодушием узрит
Чужих богов в родной стране
И за Егову не отмстит,
Не препояшется мечом
На Велиаровых рабов,
Иль укоснит изгнать бичом
Из храма торжников и псов.
Господь отмщений, предков бог,
Ревнив, и яростен, и строг.

Да будет трижды проклят тот,
Да будет проклят в род и в род,
Кто слезы лить о псах готов,
Жалеть о гибели сынов:
Ему не свят святой Сион,
Не дорог Саваофа храм,
Не знает, малодушный, он,
Что нет в святыне части псам,
Что Адонаи, предков бог,
Ревнив, и яростен, и строг.

Он рек: «Я подниму десницу
 И стяг Свой людям покажу;
 Я настезь растворю темницу,
 И Свой народ освобожу.
 Мне внятен громкий плач Сиона,
 Израиля печальный зов:
 «Господь с небес не слышит стона,
 Он позабыл Своих сынов!»
 «Но Я в ответ: когда ж то было,
 Чтоб мать покинула дитя?
 И если б мать дитя забыла —
 Тебя не позабуду Я.
 Твоих врагов в кровавых сечах
 Я славой ослеплю твоей,
 И вознесут они на плечах
 Твоих сынов и дочерей.
 Цари покорною толпою
 От всех сбегутся стран земных
 И станут плакать пред тобою,
 И прах лизать у ног твоих.
 Ты их раздавишь, грозный мститель,—
 Да всякая познает плоть,
 Что Я — Сиона Покровитель,
 Что Я — Владыка и Господь!»

ОЛЬГА ЧЮМИНА

*

НЕЕМИЯ И СПУТНИКИ ЕГО ПЕРЕД СТЕНАМИ ИЕРУСАЛИМА

Проехал я молча вратами Долины
 К источникам царским и дальним вратам,
 И были развалины града пустынный,
 Лишь смерть и безмолвье гнездились там.

Не землю ложились полночные тени,
 Вдали раздавалось рычанье зверей,
 Терновник колючий опутал ступени
 Разбитых рукою врага алтарей.

И долго взирал я на них опечален;
 Разрушены стены, врата сожжены,
 Солим величавый — лишь груда развалин,
 В окопах и рабстве — отчизны сыны.

Взглянул я на братьев, пришедших со мною,
 И слово воззванья сорвалось с уст:
 «Взгляните, окутанный мглы пеленою,
 Наш город священный разрушен и пуст!

Воздвигнем лежащие в прахе твердыни,
 Исполнив пророка священный глагол,
 И там, где царит запустение ныне,
 Созидается Господу новый престол!

Из бездны страданья, позора и страха
 Возникнет для жизни иной обновлен,
 Победно восстанет из дальнего праха
 Главою венчаный Сион!»

СЕМЕН ФРУГ

*

ГРЯДУЩЕЕ

(Пророк Исая)

Когда под гнетом смуты злобной,
 В когтях вражды междоусобной
 Лежала, гибели полна,
 Обетованная страна;

Когда богатство, слава, сила,
 Плоды великих дел и дум,
 Что мощь народная взрастила,
 Вспоил, вскормил народный ум,
 Все гибло в бурях смуты дикой,—
 Тогда восстал пророк великий,
 В устах Господень гром храня;
 И слово острое, как жало,
 И слово, полное огня,
 Свободно, властно прозвучало
 Над исступленной, над слепой,
 Над рабски немощной толпой...
 И если смолкла речь пророка,
 Исчез и след великих дел,
 И в тьме могилы одиноко
 Священный прах его истлел;
 И если горы и равнины
 Обетованной Палестины,
 Места, где жил он, где страдал,
 Где мощный глас его звучал,
 Давно пустыней мрачной стали,—
 Народной памяти скрижали
 Слова заветные хранят...
 Внемлите, смертные! Из гроба,
 Где кости бранные лежат,
 Слова бессмертные звучат:
 «Придет пора — исчезнет злоба;
 Одной ликующей семьей
 Под знамя света и свободы
 Стекутся мирные народы,
 И над воскресшею землей
 Утихнет гул борьбы кровавой,
 Угаснет пыл вражды навек;
 Иною доблестью и славой
 Гордиться будет человек:

То будет доблесть дум высоких,
 То будет слава добрых дел,
 И там, где в мраке смут жестоких
 Сверкала сталь и щит звенел,
 На тучных нивах в чистом поле
 Высокий колос зашумит,
 И песня пахаря на воле
 Отрадой светлой зазвучит!»

—•—

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

*

ПРОРОК

Темнеют тучи в небосклоне,
 Клубятся волны на реке,
 А он в изодранном хитоне,
 С тяжелым посохом в руке
 Бредет... Пусть плачет непогода.
 Пусть небо громом смущено:
 Пророк спешит на вопль народа,
 С пророком буря заодно.

Вдали стена Иерихона
 Стоит, как сторож вековой,
 За нею вечный скрежет стона,
 Борьба голодных с нищетой.
 Туда обычною дорогой
 Для вразумления толпы
 Неправды бич, каратель строгий,
 Направил первые стопы.

Невольно сердце пламя мечет,
 Невольно в душу свет проник,
 И речь высокую лепечет
 Его пылающий язык.

Уж близко к цели сокровенной...
 Но что за подвиг этот ждет
 Тебя, страдалец вдохновенный,
 И чем оплатит твой народ?

Быть может, ждут уже камня
 Пророка пламенную грудь.
 Пусть! Без преград его стремленья,
 И верен избранный им путь.
 Быть может, ждут его оковы,
 Темницы каменная пасть?
 Пусть! Он избранник Иеговы —
 Ему ль страшна людская власть!
 Идет он бодрый и суровый,
 И все равно приятъ ему
 Венок бессмертия лавровый
 Иль бездыханную тюрьму.

И верит он: наступит время —
 Его исполнится завет,
 И им возлюбленное племя
 Увидит новый правды свет.
 Падут гонители-вампиры,
 Пожрут отверженцев мечи,
 И рухнут старые кумиры —
 Святынь заветных палачи.

АЛЕКСЕЙ ХОМЯКОВ

* *
 *

Широка, необозрима,
 Чудной радости полна,
 Из ворот Ерусалима
 Шла народная волна.

Галилейская дорога
 Оглашалась торжеством:
 «Ты идешь во имя Бога,
 Ты идешь в свой царский дом.
 Честь тебе, наш царь смиренный,
 Честь тебе, Давыдов сын!»
 Так, внезапно вдохновенный,
 Пел народ; но там один,
 Недвижим в толпе подвижной,
 Школ воспитанник седой,
 Гордый мудростию книжной,
 Говорил с насмешкой злой:
 «Это ль царь ваш? слабый, бледный,
 Рыбаками окружен?
 Для чего он в ризе бедной?
 И зачем не мчится он,
 Силу Божью обличая,
 Весь одеян черной мглой,
 Пламенея и сверкая,
 Над трепещущей землей?»
 И века пошли чредою,
 И Давыдов сын с тех пор,
 Тайно правя их судьбою,
 Усмиря буйный спор,
 Налагая на волнение
 Цепь любовной тишины,
 Мир живет, как дуновение
 Наступающей весны.
 И в трудах борьбы великой
 Им согреты сердца
 Узнают шаги владыки,
 Слышат сладкий зов отца.
 Но в своем неверьи твердый,
 Неисцельно ослеплен,
 Все, как прежде, книжник гордый
 Говорит: «Да где же он?»

И зачем в борьбе смятенной
 Исторического дня
 Он проходит так смиренно,
 Так незримо для меня,
 А нейдет, как буря злая,
 Весь одеян черной мглой,
 Пламенея и сверкая
 Над трепещущей землей?»

ПО ПРОЧТЕНИИ ПСАЛМА

Земля трепещет: по эфиру
 Катится гром из края в край.
 То Божий глас; он судит миру:
 «Израиль, мой народ, внимай!
 Израиль, ты мне строишь храмы,
 И храмы золотом блестят,
 И в них курятся фимиамы,
 И день и ночь огни горят.
 К чему мне ваших храмов своды,
 Бездушный камень, прах земной?
 Я создал землю, создал воды,
 Я небо очертил рукой;
 Хочу — и словом расширяю
 Предел неизвестных вам чудес;
 И бесконечность созидаю
 За бесконечностью небес.
 К чему мне золото? В глубь земную,
 В утробу вековых скал,
 Я влил, как воду дождевую,
 Огнем расплавленный металл.
 Он там кипит и рвется, сжатый
 В оковах темной глубины,
 А ваши серебро и золото —
 Лишь всплеск той пламенной волны.

К чему куренья? Предо мною
 Земля со всех своих концов
 Кадит дыханьем под росую
 Благоухающих цветов.
 К чему огни? Не я ль светила
 Зажег над вашей головой?
 Не я ль, как искры из горнила,
 Бросаю звезды в мрак ночной?
 Твой скуден дар. Есть дар бесценный,
 Дар, нужный Богу твоему:
 Ты с ним явись, и, примиренный,
 Я все дары твои приму.
 Мне нужно сердце чище злата
 И воля крепкая в труде,
 Мне нужен брат, любящий брата,
 Нужна мне правда на суде».

ДАВИД

Певец-пастух на подвиг ратный
 Не брал ни тяжкого меча,
 Ни шлема, ни брони булатной,
 Ни лат с Саулова плеча;
 Но, духом Божьим осененный,
 Он в поле брал кремень простой —
 И падал враг иноплеменный,
 Сверкая и гремя броней.

И ты, когда на битву с ложью
 Восстанет правда дум святых,
 Не налагай на правду Божью
 Гнилую тягость лат земных.
 Доспех Саула ей окова,
 Саулов тягостен шелом:
 Ее оружие — Божье слово,
 А Божье слово — Божий гром!

НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ

*

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XIV

Кому, о Господи! доступны
 Твои Сионские высоты?
 Тому, чьи мысли неподкупны,
 Чьи целомудренны мечты;
 Кто дел своих ценою злата
 Не взвешивал, не продавал,
 Не ухищрялся против брата
 И на врага не клеветал;
 Но верой в Бога укреплялся,
 Но сердцем чистым и живым
 Ему со страхом поклонялся,
 С любовью плакал перед ним!

И свят, о Боже, твой избранник!
 Мечом ли руку ополчит?
 Веселий Господа посланник,
 Он исполина сокрушит!
 В венце ли он — его народы
 Возлюбят правду; весь и град
 Взыграют радостью свободы,
 И нивы златом закипят!
 Возьмет ли арфу — дивной силой
 Дух преисполнится его,
 И, как орел ширококрылый,
 Взлетит до неба твоего!

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ CXXXVI

В дни плена, полные печали,
 На Вавилонских берегах,
 Среди врагов мы восседали
 В молчанье горьком и слезах;

Там вопрошали нас тираны,
 Почто мы плачем и грустим.
 «Возьмите гусли и тимпаны
 И пойте ваш Ерусалим».

Нет! Свято нам воспоминанье
 О славной родине своей;
 Мы не дадим на посмеянье
 Высоких песен прошлых дней!

Твои, Сион, они прекрасны!
 В них ум и звук любимых стран!
 Порвитесь, струны сладкогласны,
 Разбейся, звонкий мой тимпан!

Окаменей, язык лукавый,
 Когда забуду грусть мою
 И песнь отечественной славы
 Ее губителям спою.

А ты, среди огней и грома
 Нам даровавший свой закон,
 Напомяни сынам Эдома
 День, опозоривший Сион,

Когда они в весельи диком
 Убийства, шумные вином,
 Нас оглушали грозным криком:
 «Все истребим, всех поженем!»

Блажен, кто смелою десницей
 Оковы плена сокрушит,
 Кто плач Израиля сторицей
 На притеснителях отмстит!

Кто в дом тирана меч и пламень
 И смерть ужасную внесет!
 И с ярким хохотом о камень
 Его младенцев разобьет!

САМПСОН

А. С. Хомякову

На праздник стеклися в божницу Дагона
 Народ и князя Филистимской земли,
 Себе на потеху они — и Сампсона
 В оковах туда привели,

И шумно ликуют. Душа в нем уныла,
 Он думает думу: давно ли жила,
 Кипела в нем дивная, страшная сила,
 Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и бледнея, толпами
 Враги перед ним повергались во прах,
 И львиную пасть раздирал он руками,
 Ворота носил на плечах!

Его соблазнили Далилы прекрасной
 Коварные ласки, сверканье очей,
 И пышное лоно, и звук любострастный
 Пленительных женских речей;

В объятиях неги его усыпила
 Далида и кудри остригла ему, —
 Зане в них была его дивная сила,
 Какой не дано никому!

И Бога забыл он, и падшего взяли
 Сампсона враги, и лишился очей,
 И грозные руки ему заковали
 В медяную тяжесть цепей.

Жестоко поруган и презрен, томился
 В темнице и мельницу двигал Сампсон;
 Но выросли кудри его, но смирился,
 И Богу покаялся он.

На праздник Дагона его из темницы
 Враги привели,— и потеха он им!
 И старый, и малый, и жены-блудницы,
 Ликуя, смеются над ним.

Безумные! бросьте свое ликованье!
 Не смейтесь, смотрите, душа в нем кипит:
 Несносно ему от врагов поруганье,
 Он губительно вам отомстит!

Незрячие очи он к небу возводит,
 И зыблется грудь его, гневом полна;
 Он слышит: бывалая сила в нем бродит,
 Могучи его рамена.

«О, дай мне погибнуть с моими врагами!
 Внемли, о мой Боже, последней мольбе
 Сампсона!» И крепко схватил он руками
 Столбы и позвал их к себе.

И вдруг оглянулись враги на Сампсона,
 И страхом и трепетом обдали их,
 И пала божница... и праздник Дагона
 Под грудой развалин утих...

ЛЕВ МЕЙ

*

ПСАЛОМ ДАВИДУ ИЕРЕМИЕЙ

На реках Вавилонских
 Мы сидели и плакали, бедные,
 Вспоминая в тоске и слезах
 О вершинах Сионских:

Там мы лютни повесили медные
 На зеленых ветках.
 И сказали враги нам:
 «Спойте, пленники, песни Сионские».
 Нет, в земле нечестивой, чужой,
 По враждебным долинам
 Не раздаться, сыны Вавилонские,
 Нашей песне святой!
 Город Господа брани,
 Мой Шалим светозарный, в забвении
 Будет вечно десница моя,
 И присохнет к гортани
 Мой язык, если я на мгновенье
 Позабуду тебя!
 Помяни, Адонаи.
 В день суда — как эдомляне пламени
 Предавали твой город и в плен
 Нас вели, восклицая:
 «Не оставим и камня на камени!»
 О, блажен и блажен.
 Злая дочь Вавилона,
 Кто воздаст твоей злобе сторицею,
 Кто младенцев твоих оторвет
 От нечистого лона
 И о камень их мощной десницею
 Пред тобой разобьет!

ПСАЛОМ ДАВИДА НА ЕДИНОБОРСТВО С ГОЛИАФОМ

Я меньше братьев был, о Боже,
 И всех в дому отца моложе,
 И пас отцовские стада,
 Но руки отрока тогда

Псалтирь священную сложили,
 Персты настроили ее
 И имя присное Твое
 На вещих струнах восхвалили.
 И кто о мне тебе вещал?
 Ты сам услышать соизволил,
 И сам мне ангела послал,
 И сам от прав отцовских взял,
 И на главу младую пролил
 Елей помазанья святой...
 Велики братья и красивы,
 Но неудобны пред Тобой...
 Когда ж Израиля на бой
 Иноплеменник горделивый
 Позвал — и я на злую речь
 Пошел к врагу стопою верной —
 Меня он проклял всею скверной,
 Но я исторгнул вражий меч
 И исполина обезглавил,
 И имя Господа прославил.

СКИТАЛЕЦ

*

САМСОН

Из добродетелей вы цепи мне сковали,
 Из твердости моей воздвигнули тюрьму,
 И силу мощную, как воры, вы украли,
 И душу ввергнули в безрадостную тьму.

Те цепи мрачные, как змеи, сердце гложут.
 И в той тюрьме верчу я ваши жернова;
 Унылый звон цепей вас больше не тревожит,
 И вы бросаете мне дерзкие слова.

Но — чувствую — во мне растет и зреет сила...
 Чем дольше я терплю, тем будет хуже вам.
 Пусть света я лишен,— но праздник ваш — могила:
 На вас и на себя я опрокину храм!

ЛЕВ МЕЙ

*

ЭНДОРСКАЯ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА

Саул разгневан и суров:
 Повсюду видит тайный зов;
 Везде врагов подозревая,
 Он, в лютой ярости, из края
 Изгнал пророков и волхвов.

Ему висонная хламида
 И золотой венец — обида
 И бремя тяжкое, с тех пор,
 Как восхвалил евреек хор
 Певца и пастыря Давида.

Меж тем напасть со всех сторон:
 Народ взволнован и смятен;
 Перед Сунемом, в крепком стане,
 Опять стоят Филистимляне;
 Гроза собралась на Сион.

Душа Саула тьмой одета...
 Нет Самуила — нет совета...
 Склонив молитвенно главу,
 Царь спросил Иегову;
 Но не дал Бог ему ответа.

Призвал вельмож: «Хочу сполна
Изведать — что сулит война?
Сыщите мне волхвов...» И вскоре
Ему приносят весть: «В Эндоре
Есть духовидица-жена».

Пошел он к ней; в ночную пору,
Как тат, приблизился к Эндору,—
И двое слуг любимых с ним...
Старуха призраком седым
Предстала царственному взору.

«Я знаю,— царь промолвил ей,—
Тебе, на вызов твой, теней
Являет темная могила;
Внемли же мне и Самуила
Из гроба вызови скорей».

Ему старуха: «Я не смею:
Могильной чарою владею,
Но гнева царского страшусь...»
И отвечал ей царь: «Клянусь
Душой и жизнью моею,

Саул простит тебе, жена!»
...И — тайным ужасом полна,
И прорицанья вещим жаром —
Старуха приступила к чарам...
Но вдруг замедлилась она.

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

* *
*

От пламени страстей, нечистых и жестоких,
От злобных помыслов и лживой суеты
Не исцелит нас жар порывов одиноких,
Не унесет побег тоскующей мечты.

Не средь житейской мертвенной пустыни,
 Не на распутье праздных дум и слов
 Найти нам путь к утраченной святыне,
 Напасть на след потерянных богов.

Не нужно их! В бессмертной благостыне
 Наш Бог земли своей не покидал
 И всем единый путь от низменной гордыни
 К смиренной высоте открыл и указал.

И не колеблются Сионские твердыни,
 Саронских пышных роз не меркнет красота,
 И над живой водой, в таинственной долине
 Святая линия нетленна и чиста.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

*

В ЗЕМЛЮ ОБЕТОВАННУЮ

(Посв. А. П. Соломону)

«Покинь скорей родимые пределы,
 И весь твой род, и дом отцов твоих,
 И как стрелку его покорны стрелы,
 Покорен будь глаголам уст Моих.
 Иди вперед, о прежнем не тоскуя,
 Иди вперед, все прошлое забыв,
 И все иди, — доколь не укажу я,
 Куда ведет любви Моей призыв».
 Он с ложа встал и в трепетном смущении
 Не мог решить, то истина иль сон...
 Вдруг над главой промчалось дуновенье
 Нездешнее — и снова слышит он:
 «От родных многоводных Халдейских равнин,
 От нагорных лугов Арамейской земли,

От Харрана, где дожил до поздних седин
И от Ура, где юные годы текли, —

 Не на год лишь один,
 А на много годин,
 А на вечные веки уйди».

И он собрал дружину кочевую,
И по пути воскреснувших лучей
Пустился в даль туманно-голубую
На мощный зов таинственных речей:
«Вьет прямо в лицо теплый ветер морской,

Против ветра иди ты вперед,
А когда небосклон далеко пред тобой
Вод великих всю ширь развернет, —
Ты налево тогда свороти

И вперед поспешай
По прямому пути,
На пути отдыхай,
И к полудню на солнце гляди, —
В стороне ж будет град или весь,

 Мимо ты проходи
 И иди, все иди,

Пока сам не скажу тебе: здесь!
Я навеки с тобой;

 Мой завет сохрани:

Чистым сердцем и крепкой душой
Будь мне верен в ненастье и в ясные дни.

 Ты ходи предо Мной
 И назад не гляди,
 А что ждет впереди —

То откроется верой одной,
 Се, Я клялся собой,
 Обещал Я, любя,

Я воздвигну всемирный Мой дом из тебя,
Что прославят тебя все земные края,
Что из рода потомков твоих
Выйдет мир и спасенье народов земных».

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ

*

ИМЯ

В ревушей буре Куры, ликуя,—
Водоворотов рукоплесканье...
Под гул чонгури им вслед бегу я
И над лугами и над песками.

О, в этом сильном круговороте,
Властолюбивом, крутом разбеге —
Раздолье свежей покорной плоти,
Блаженной смерти, звериной неги.

О жизнь слепая, ты — отраженье
Вершин и храмов, долин и хижин.
То мир — в тревоге, в передвиженье,
То вновь зеркален и неподвижен.

Войти в течение, смежая веки,
В миг омовенья забудь мгновенье.
Роняя руки в родные реки,
Как дуновенье, прими забвенье.

Давно, Халдея, твои колена
В земле Колхиды свой плен забыли.
И только пена, речная пена
Летит сквозь время, как туча пыли.

В огне и дыме родятся реки,
Ведут пророков пути прямые!
И только имя гремит вовеки:
Иеремия!

Иеремия!

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

*

ИОВ

I

...И непорочного Иова струпьями лютой проказы
 Бог поразил от подошвы ноги и по самое темя.
 Иов сидел далеко за оградой селенья на пепле.
 Острую взял он себе черепицу скоблить свои раны.
 Молвит жена ему: «Все еще тверд ты в своем
 благочестьи?»

Встань и Творца похули, чтоб тебе умереть». Но
 смиренно
 Иов жене отвечает: «Я доброе принял от Бога.
 Должно и злое принять: да исполнится воля Господня!»
 Мудрый Софар, Елифаз из Темани, Волдат из
 Савхеи

Вместе сошлись, чтобы сетовать с ним, утешая
 страдальца,
 Очи подняв, издали не узнали несчастного друга.
 Жалобный голос возвысили, ризы свои разодрали,
 Стали рыдать, неутешные, пыль над главами бросая.
 С Иовом рядом семь дней и ночей просидели в
 молчаньи:

Слова никто не сказал, оттого что страдание было
 Слишком велико. И первый открыл он уста и
 промолвил:

II

Да будет проклятым навек
 Тот день, как я рожден для смерти и печали,
 Да будет проклятой и ночь, когда сказали:
 «Зачался человек».
 Теперь я плачу и тоскую:
 Зачем сосал я грудь родную,
 Зачем не умер я: лежал бы в тишине,
 Дремал — и было бы спокойно мне.

И почивал бы я с великими царями,
 С могучими владыками земли,—
 Победоносными вождями,—
 Что войны некогда вели,
 Копили золото и строили чертоги...
 Я был бы там, где нет тревоги,
 Где больше нет вражды земной,
 Где равен малому великий,
 Вкушают узники покой,
 И раб свободен от владыки.
 На что мне жизнь, на что мне свет?
 Как знойным полднем изнуренный,
 Тоскуя, тени ждет работник утомленный,
 Я смерти жду — а смерти нет.
 Если б на меня простер Ты, Боже, руку
 И больше страхом не томил,—
 Чтоб кончить сразу жизнь и муку,
 Одним ударом поразил.

.....

Кричу: обида! Бог не внемлет,
 Я вопию — и нет суда.
 И что мы — для Него? Зачем подстерегает,
 Зачем испытывает нас
 Он каждый день и каждый час,

И мстит, и горечью нам душу пресыщает?
 Не Ты ль образовал, скрепил костями плоть,
 И жизнь не Сам ли Ты вдохнул в меня, Господь,
 Не Ты ли надо мной трудился как ваятель?

 За что невинного губить?
 Ужели хочешь истребить
 Ты дело рук Твоих, Создатель?
 И в нескончаемой борьбе

Зачем меня врагом поставил ты Себе?
 Кого преследуешь? Как ураган — пылинку,
 Меня похитит смерть. Я слаб и одинок.
 Не гонишь ли, Господь, Ты сорванный листок,
 Не сокрушаешь ли увядшую былинку?

Кто знает, доживу ль до завтрашнего дня.
 Вот скоро я умру,— поищешь,— нет меня.
 Уйду — и не вернусь — в страну могильной сени,
 В страну безмолвия и ужаса, и тени.
 Когда могучий ствол повалит дровосек,
 Еще надежда есть, что вновь зазеленеет
 Полуиссохший пень и даст живой побег,
 Как только брызнет дождь и сыростью повеет;
 А если человек с лица земли исчез,—
 Он не вернется вновь, из гроба не воспрянет,
 Во прахе ляжет и не встанет
 Он до скончания небес.

О, если у Тебя — могущество и благость,
 Господь, что значит грех людей,
 Зачем бы не простить и осуждений тягость
 Не снять с души моей?

Ответ же, выслушай, Владыка, оправданье,
 Иль лучше — нет, оставь, оставь меня, забудь,
 Чтоб мне опомниться, перевести дыханье,
 Не мучай, отступи и дай мне отдохнуть!

III

Смертному Бог отвечал несказанным глаголом из
 бури.
 Иов лежал пред лицом Иеговы во прахе и пепле:
 «Вот я ничтожен, о Господи! Мне ли с Тобою
 бороться?
 Руку мою на уста полагаю, умолкнув навеки».
 Но против воли, меж тем, как лежал он во прахе и
 пепле,—
 Ненасыщенное правдою сердце его возмущалось.
 Бог возвратил ему прежнее счастье, богатство
 умножил.
 Новые дети на празднике светлом опять пировали.
 Овцы, быки и верблюды в долинах паслись
 безмятежных.

Умер он в старости, долгими днями вполне
 насыщенный,
 И до колена четвертого внуков и правнуков видел.
 Только в морщинах лица его вечная дума таилась,
 Только и в радости взор омрачен был неведомой
 скорбью,
 Тщетно за всех угнетенных алкала душа его правды,—
 Правды Господь никому никогда на земле не откроет.

ПРОРОК ИЕРЕМИЯ

О, дайте мне родник, родник воды живой!
 Я плакал бы весь день, всю ночь в тоске немой
 Слезами жгучими о гибнущем народе.
 О, дайте мне приют, приют в степи глухой!
 Покинул бы навек я край земли родной,
 Ушел бы от людей скитаться на свободе.
 Зачем меня, Господь, на подвиг Ты увлек?
 Открою лишь уста, в устах моих — упрек...
 Но ненавистен Бог — служителям кумира!
 Устал я проклинать насилье и порок;
 И что им истина, и что для них пророк!
 От сна не пробудить царей и сильных мира...
 И я хотел забыть, забыть в чужих краях
 Народ мой, гибнущий в позоре и цепях.
 Но я не мог уйти — вернулся я в неволю.
 Огонь — в моей груди, огонь — в моих костях...
 И как мне удержать проклятье на устах?
 Оно сожжет меня, но вырвется на волю!...

ЖЕНЫ СИОНА

В каждой женской еврейской душе и глазах
Есть отличие одно вековое:
И в душе той дрожит о возлюбленных страх,
И в глазах тех – страданье живое.

Т. Щепкина-Куперник

Ты – Сиона звезда, ты – денница денниц...

Л. Мей

Сладчайшее из слов земных! Рахиль!

И. Бунин

ТАТЬЯНА ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

*

ЕВРЕЙКЕ

Эти мысли горят... Они жгут, как огнем,
И в душе у меня пробудили
Затаенный на дне — я забыла о нем! —
Скорбный плач неутешной Рахили.
В каждой женской еврейской душе и в глазах
Есть отличие одно вековое:
И в душе той дрожит о возлюбленных страх,
И в глазах тех — страданье живое.
Пусть еврейка прекрасна, как утро весны,
И горда, как лилея Сарона:
Посмотри ей в глаза, в звездный мрак глубины —
Там вся мука безмолвного стога.
У красавицы юной, у нищей с клюкой —
Тот же ужас глаза сохранили:
Отразился в них странной, нездешней тоской
Скорбный взгляд неутешной Рахили.
Истерзали их душу жестокой игрой
Злые ужасы долгих столетий:
Первый ужас — бесправье; и голод — второй;
И убийц издевательства — третий!
Кровь невинных детей, стон поруганных дев.
Затаило немое рыданье...
И мне хочется плакать, и, руки воздев,
Упрекать небеса за молчанье!..
— О, начнись же, начнись же, обещанный день,
Солнце радости — золотом брызни!..
Прогони эту вечную черную тень,
И несчастный народ поскорее одень
Светом новой свободы и жизни!

СЕМЕН ФРУГ

*

ПЕСНЯ ПЕСНЕЙ

Из цикла «Три книги»

...Пой: «Зажигается заря вечерняя.
Из лесу веет прохлада.

В синем тумане, росой облитые,
Дремлют поля Гилаада.

Только вершина Кармеля скалистая
В зареве розовом тонет;

Горной тропой пастухи запоздалые
Стадо последнее гонят...

Где же ты, милый мой? Где ты, желанный мой,
Мирный шатер свой скрываешь?

Где ты пасешь свое стадо? Где полуднем
Знойным в тени отдыхаешь?

Слышишь ли голос мой? Видишь ли страстные,
Жгучие, черные очи?..

Долго искала я друга любимого
В мраке задумчивой ночи,

Долго искала — и вот он, желанный мой!
Взор его страстью пылает.

Под головой у меня его левая,
Правой меня он ласкает...

Кровлею кедры над нами сплетаются,
Мирты сомкнулись стенами;

Травы росистые, розы саронские
Стелются ложем под нами»...

*

Милые образы... Песнь незабвенная,
Полная блеска и звона...

Утро играет лучами на радостном,
Светлом челе Соломона.

Отрок державный над лирой склоняется,
Быстро проводит перстами,—

Песня любви, ароматная, жгучая,
Брызжет и льется ручьями...

ЛЕВ МЕЙ

*

ЕВРЕЙСКИЕ ПЕСНИ

I

«Поцелуй же меня, выпей душу до дна...
Сладки перси твои и хмельнее вина;
Запах черных кудрей чище мирры стократ,
Скажут имя твое — пролитой аромат!

Оттого отроковица —
 Полюбила я тебя...
 Царь мой, где твоя ложница?
 Я сгорела, любя...

Милый мой, возлюбленный, желанный,
 Где, скажи, твой одр благоуханный?..»

II

«Хороша я и смугла;
 Дочери Шалима!
 Не корите, что была
 Солнцем я палима —
 Не найдете вы стройней
 Пальмы на Энгадде:
 Дети матери моей
 За меня в разладе.
 Я за братьев вертоград
 Ночью сторожила,
 Да девичий виноград
 Свой не сохранила...
 Добрый мой, душевный мой,
 Что ты не бываешь?
 Где пасешь в полдневный зной?
 Где опочиваешь?
 Я найду, я сослежу
 Друга в полдень жгучий
 И на перси положу
 Смирною пахучей.
 По опушке леса гнал
 Он козлят, я — тоже,
 И тенистый лес постлал
 Нам двойное ложе —
 Кровлей лиственной навис,
 Темный, скромный, щедрый;
 Наши звенья — кипарис,
 А стропила — кедры».

III

«Я — цветок полевой, я — лилея долин».
 «Голубица моя белолонная
 Между юных подруг — словно в тернии крин».
 «Словно яблонь в цвету благовонная
 Посредине бесплодных деревьев лесных,
 Милый мой — средь друзей молодых;
 Я под тень его сесть восхотела — и села,
 И плоды его сладкие ела,
 Проведите меня в дом вина и пиров,
 Одарите любовною властью,
 Положите на одр из душистых цветов:
 Я больна, я уязвлена страстью.
 Вот рука его здесь, под моей головой;
 Он меня обнимает другой...
 Заклинаю вас, юные дёвы Шалима,
 Я должна, я хочу быть любима!..»

.....

V

Сплю, но сердце мое чуткое не спит.
 За дверями голос милого звучит:
 «Отвори, моя невеста, отвори!
 Догорело пламя алое зари;

Над лугами, над шелковыми,
 Бродит белая роса
 И слезинками перловыми
 Мне смочила волоса;

Сходит с неба ночь прохладная —
 Отвори мне, ненаглядная!»
 «Я одежды легкотканые сняла,
 Я омыла мои ноги и легла,
 Я на ложе цепенею и горю —
 Как я встану, как я двери отворю?»

Милый в дверь мою кедровую
 Стукнул белою рукой:
 Всколыхнуло грудь пуховую
 Перекатною волной,

И, полна желанья знойного,
 Встала с ложа я покойного.
 С смуглых плеч моих покров ночной скользит;
 Жжет нога моя холодный мрамор плит;
 С черных кос моих струится аромат;
 На руках запястья ценные бренчат.

Отперла я дверь докучную:
 Статный юноша вошел
 И со мною сладкозвучную
 Потихоньку речь завел —

И слилась я с речью нежною
 Всей душой моей мятежною.

VI

На ложе девичьем, в полуночной тиши,
 Искала я тебя, возлюбленный души:
 Искала я тебя — напрасно все искала,
 Звала тебя к себе — напрасно призывала:
 От ложа встану я и город обойду,
 На улицах тебя, на торжищах найду.
 Искала я тебя — напрасно я искала,
 Звала тебя к себе — напрасно призывала!
 Мне стражи встретились в полуночной тиши:
 «Не знаете ль — где он, возлюбленный души?»
 Не знали — я прошла... но вскоре и неожиданно
 Я встретилась с тобой, бледна и бездыханна...
 Нашла тебя — нашла и крепко обняла,
 И не пускала прочь, пока не увела
 В дом нашей матери, под сень того чертога,
 Где мать нас зачала и поболела много...

.....

XIII

«Ты — Сиона звезда, ты — денница денниц;
 Пурпуровая ветвь — твои губы,
 Чище снега перловые зубы,
 Как стада остриженных ягниц,
 Двоеплодно с зимы отягченных,
 И дрожат у тебя смуглых персей сосцы,
 Как у серны пугливой дрожат близнецы,
 С каждым шорохом яворов сонных».

«Мой возлюбленный, милый мой, царь мой и брат,
 Приложи меня к сердцу печатью!
 Не давай разрываться объятию:
 Ревность жарче жжет душу, чем ад.
 А любви не загасят и реки —
 Не загасят и воды потопа вовек...
 И — отдай за любовь все добро, человек —
 Только мученик будет навеки!»

— — — — —
 ПЕТР БУТУРЛИН

*

СУЛАМИТА

Подражание «Песни Песней»

Я — роза Сарона, я — ландыш долин!
 От башен Сидонских до Чермных пучин,
 От Нила до рек Ниневии далекой
 Нет краше меня между женщин Востока.

Сыны моей матери, злобно кляня,
 Стеречь виноградник послали меня;
 Но солнце с небес любовалось мною
 И знойной меня одарило красою.

Спустилась я горной тропой в вертоград
Смотреть, как цветет молодой виноград,
Как зыблются травы большими волнами,
Как статный гранат увенчался цветами,—

Но там не нашла я весенних цветов...
Нашла я тогда в вертограде любовь!..
Мой милый — как царь среди царского стана,
И риз его запах — что запах Ливана!

Он властно обвинил меня правой рукой;
Другая рука — под моей головой!..
Мне дайте вина! Я от счастья страдаю!..
Мне дайте вина... От любви умираю!...

АННА АХМАТОВА

*

БИБЛЕЙСКИЕ СТИХИ

1. РАХИЛЬ

И служил Иаков за Рахиль семь лет;
и они показались ему за несколько
дней, потому что он любил ее.

Книга Бытия

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.
Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.
Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.

Но стало в груди его сердце грустить,
 Болеть, как открытая рана,
 И он согласился за деву служить
 Семь лет пастухом у Лавана.
 Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
 Семь лет — словно семь ослепительных дней.

Но много премудр сребролюбец Лаван,
 И жалость ему незнакома.
 Он думает: каждый простится обман
 Во славу Лаванова дома.
 И Лию незрячую твердой рукой
 Приводит к Иакову в брачный покой.

Течет над пустыней высокая ночь,
 Роняет прохладные росы,
 И стонет Лаванова младшая дочь,
 Терзая пушистые косы.
 Сестру проклиная, и Бога хулит,
 И ангелу смерти явиться велит.

И снится Иакову сладостный час:
 Прозрачный источник долины,
 Веселые взоры Рахилиных глаз
 И голос ее голубиный:
 Иаков, не ты ли меня целовал
 И черной голубкой своей называл?

2. ЛОТОВА ЖЕНА

Жена же Лотова оглянулась позади
 его и стала соляным столпом.

Книга Бытия

И праведник шел за посланником бога,
 Огромный и светлый, по черной горе.
 Но громко жене говорила тревога:
 Не поздно, ты можешь еще посмотреть

На красные башни родного Содома,
 На площадь, где пела, на двор, где пряла,
 На окна пустые высокого дома,
 Где милому мужу детей родила.

Взглянула — и, скованы смертною болью,
 Глаза ее больше смотреть не могли;
 И сделалось тело прозрачною солью,
 И быстрые ноги к земле приросли.

Кто женщину эту оплакивать будет?
 Не меньшей ли мнится она из утрат?
 Лишь сердце мое никогда не забудет
 Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

3. МЕЛХОЛА

Но Давида полюбила... дочь Саула,
 Мелхола.

Саул думал: отдам ее за него, и она
 будет ему сетью.

Первая Книга Царств

И отрок играет безумцу царю,
 И ночь беспощадную рушит,
 И громко победную кличет зарю,
 И призраки ужаса душит.
 И царь благосклонно ему говорит:
 «Огонь в тебе, юноша, дивный горит,
 И я за такое лекарство
 Отдам тебе дочку и царство».
 А царская дочка глядит на певца,
 Ей песен не нужно, не нужно венца,
 В душе ее скорбь и обида,
 Но хочет Мелхола — Давида.
 Бледнее, чем мертвая; рот ее сжат;
 В зеленых глазах исступленье;
 Сияют одежды, и стройно звенят
 Запястья при каждом движении.

Как тайна, как сон, как праматерь Лилит...
Не волей своею она говорит:
«Наверно, с отравой мне дали питье,
И мой помрачается дух.
Бесстыдство мое! Униженье мое!
Бродяга! Разбойник! Пастух!
Зачем же никто из придворных вельмож,
Увы, на него не похож?
А солнца лучи... а звезды в ночи...
А эта холодная дрожь...»

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВ

*

ГРОБНИЦА РАХИЛИ

На полпути от стен Ерусалима
В ветхозаветный белый Вифлеем
Стоит одна гробница нерушима —
Великая, родная, древле всем.

На ней и в ней нет царских диадем,
Но выше их святая бедность чтима.
Пришел араб, ей прошептал Салем,
Еврей в слезах простерся недвижимо.

Вокруг камня, дикая трава,
Холмы долины, срывы и уклоны.
Среди камней алеют анемоны —

А над гробницей блещет синева
Небесная. И льются с неба звоны:
Мать всех сирот — Рахиль жива! жива!

ИВАН БУНИН

*

ГРОБНИЦА РАХИЛИ

«И умерла, и схоронил Иаков
Ее в пути»... И на гробнице нет
Ни имени, ни надписей, ни знаков.

Ночной порой в ней светит слабый свет,
И купол гроба, выбеленный мелом,
Таинственной бледностью одет.

Я приближаюсь в сумраке несмелом
И с трепетом целую прах и пыль
На этом камне женственном и белом...

Сладчайшее из слов земных! Рахиль!

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

* *
*

Высоки плечи Рахили,
Вот возвысил я голос свой,
Вот я ткани священной были
Развеваю над головой.

Передайте Господину, дети,
Вашему и моему,
Для кого я закину сети
И волов пригоню к ярму.

Длинные глаза Рахили,
Не уйти от них никуда.
Для них мои руки склонились
Под тяжелым солнцем труда.

Упорным путь одинаков,
Он не сравним ни с чем,
Я помню твой труд, Иаков:
Семь лет и еще раз семь.

Оттого и легки вериги,
Что служу не себе, не стране,—
О ком же рассказано в книге,
Если не обо мне?

ВЯЧЕСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

*

СЛЕЗЫ РАХИЛИ

Мир земле, вечерней и грешной!
Блещут лужи, перила, стекла.
Под дождем я иду неспешно,
Мокры плечи, и шляпа промокла.
Нынче все мы стали бездомны,
Словно вечно бродягами были,
И поет нам дождь неумный
Про древние слезы Рахили.

Пусть потомки с гордой любовью
Про дедов легенды сложат —
В нашем сердце грехом и кровью
Каждый день отмечен и прожит.
Горе нам, что по воле Божьей
В страшный час сей мир посетили!
На щеках у старухи прохожей —
Горючие слезы Рахили.

Не приму ни чести, ни славы,
Если вот, на прошлой неделе,
Ей прислали клочок кровавый
Заскорузлой солдатской шинели.

Ах, под нашей тяжелой ношей
 Сколько б песен мы ни сложили —
 Лишь один есть припев хороший:
 Неутешные слезы Рахили!

НЕСТОР КУКОЛЬНИК

*

ПЕСНЬ РАХИЛИ

С горных стран
 Пал туман
 На долины,—
 И покрыл
 Ряд могил
 Палестины.
 Прах отцов
 Ждет веков
 Обновленья.
 Ночи тень
 Сменит день
 Возвращенья:
 Загорит
 Заблестит
 Свет денницы
 И орган,
 И тимпан,
 И цевницы,
 И серебро,
 И добро,
 И святыню
 Понесем
 В старый дом
 В Палестину.

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ

*

ХАМСИН

Все забыл обманутый Иаков.
И Лавана гибельную дочь
Полюбил. Он с каждой одинаков,
Поровну меж ними делит ночь.

Но глаза горячие Рахили
Памятью полны. И суховой
В сон приносит с пригоршнями пыли
Голоса прекрасных сыновей.

И, до крови стиснув губы злые,
Мглою вожденной облита,
Мужу внемлет дремлющая Лия...
Темнота, прозренье, слепота.

САМУИЛ МАРШАК

*

КНИГА РУФЬ

1. Моавитянка — Руфь. Еврейка — Ноэминь.

*

2. — Мать! Скорбную сноху в унынье не покинь.
О как постылы мне родимые края!
Твой бог — отныне мой. Твоя страна — моя.
Муж не оставил мне ребенка — им бы жить! —
Мать мужа моего! Позволь тебе служить!

*

3. Вот неразлучны мы... Вот родина твоя...
 На жатву позднюю в поля собралась я.
 Удела нет у нас. Ты мне позволь, о мать,
 Пойти в поля к чужим — остатки подбирать.

*

4. О радость! Знаешь, мать,— позволил мне Вооз
 Сбирать остатки с нив и с виноградных лоз.
 Об имени спросил. Узнал он — с кем живу,
 И гнать он запретил убогую вдову.

*

5. Мать! Мудрый твой совет исполнить довелось.
 Пришла я — и легла. Твой родственник Вооз
 Проснулся полночью — не знаю, отчего? —
 И видит: я лежу у самых ног его.
 Был мой наряд красив — как ты велела мне...
 И долго речь мою он слушал в тишине.

*

6. Он думает о нас! Я видела его!
 Он с кем-то говорил из рода твоего.
 Я слышала его. Ушла — едва умолк.
 Другой твой родственник не мог исполнить долг —
 И дом наш выкупить. Но чашу вдовьих слез
 В совет к старейшинам решил нести Вооз.

*

7. Заветами отцов сильна твоя страна...
 Вооз купил наш дом. И я — его жена.

*

8. Мать счастья моего! Взгляни: мой сын растет...
 С ним — на тебя, на всех — пусть благодать сойдет!

ИННА ЛИСНЯНСКАЯ

*

РУФЬ

Следует долг за любовью,
Но сэкономлю слова.—
Твердо идет за свекровью
Руфь, молодая вдова.

Сладко ль идти на чужбину,
Знают лишь Бог да она.
Бьются пожитки о спину,
Ноет плечо и спина.

И образуется ранка —
Груб сыромятный ремень.
Смуглая моавитянка
Жарит на ужин ячмень.

А за спиною — кумиры
И дорогая родня.
Но милосердием мирры
Пахнет зерно ячменя.

До Вифлеема не близко,
Нет при дороге воды,—
Горсточка зерен да искра —
Искра грядущей звезды...

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

*

ЮДИФЬ

Отрывок

.....

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил,

И Олоферн весь край азийский
 Его деснице покорил —
 Высок смиреньем терпеливым
 И крепок верой в Бога сил,
 Перед сатрапом горделивым
 Израиль выи не склонил.
 Во все пределы Иудеи
 Проникнул трепет... Иереи
 Одели вретищем алтарь;
 Главу покрыв золой и прахом,
 Народ завыл, объятый страхом,
 И внял ему Всевышний Царь.
 Пришел сатрап к уществьям горным
 И зрит: их узкие врата
 Замком замкнуты непокорным,
 Грозой грозится высота.
 И над тесниной торжествуя,
 Как муж на страже, в тишине,
 Стоит, белеясь, Ветилуя
 В недостижимой вышине.
 Сатрап смутился; гнев жестокий
 Его объял. Сзывает он
 Совет...

— — — — —
ЛЕВ МЕЙ

*

ЮДИФЬ

Посвящается Софье Григорьевне Мей

I

Недавно, ночью, ассирийской стражей,
 К шагру вождя была приведена
 Из Ветилуи беглая жена...
 Еврейский город, перед силой вражей,

На смелый бой и тысячу смертей
 Готовяся в отчаянье упорном,
 Как старый лев, залег в ущелье горном
 И выжидал непрошенных гостей;
 Но обманулся он: враги не подходили,
 А голодом его и жаждою томили.

И вот уж тридцать и четыре дня
 Народ выносит ужасы осады —
 И нет ему спасенья и пощады...
 Вотще воззвал он к Господу, стена;
 Вотще в нем вера праотцев воскресла;
 Вотще принес он на алтарь свой дар,
 И пеплом пересыпал свой кидарь,
 И вретischem перепоясал чресла,
 И умертвил постом и покаяньем плоть:
 Во гневе отвратил лицо свое Господь.

От Дофаима вплоть до Экревила,
 От Ветилуи и нагорных мест,
 По всей долине Хусской и окрест,
 Ассуров рать лицо земли покрыла.
 И конники, и пешие бойцы,
 И в ополченье бранном колесницы,
 И на слонах подвижные стрельницы,
 И челядь, и плясуньи, и ловцы,
 И евнухи, и вся языческая скверна, —
 Все станом — стало вокруг намета Олоферна.

Он вождь вождей... Ему самим царем,
 Властителем стовратой Пиневию,
 Повелено — согнуть народам выи
 Под тягостный, но общий всем ярем;
 Повелено — потщиться, в страхе многом,
 И истребить нещадно всякий род,

Что в слепоте своей не признает
Царя земли — единым, сильным богом...
И на челе тьмы — тем стал Олоферн тогда,—
И царства рушились, и гибли города.

И перед ним во прах главы склоняли
Недавние, кичливые враги,
И всепобедный след его ноги
С подобострастным трепетом лобзали...
И далее, успехом возгоржен,
Он шел, без боя страны покоряя...
Вдруг перед ним утесов цепь сплошная
И нет пути... Остановился он:
Ничтожный городок залег в ущелье горном
И преграждает путь в отчаянье упорном...

II

Сатрап почил на пурпуре одра,
Под сенью завесы злототканной,
В каменья многоценные убранной,
Когда, со стражей, у его шатра
Явилася Еврейка... Разгласилось
По всем шатрам пришествие жены,
И собрались Ассуровы сыны,
И все их ополчение столпилось
Вокруг пришелицы, и удивлялись все
Еврейке и ее неслыханной красе.

И посреди невольников безгласных
Вошла Юдифь в предсение шатра...
Сатрап восстал от пышного одра
И, в сонмище вельмож подобострастных,
В предшествии серебряных лампад,
Предстал перед еврейскою женою...
Смутилася Юдифь перед толпою,
И трепетом был дух ее объят,

И пала в прах она, исполненная страха,
И подняли ее невольники от праха.

И Олоферн Юдифи:

«Не страшись!

Не сделано обиды Олоферном
Тому, кто был царю слугою верным.
И твой народ передо мной смирись
И не противься в гордости — с победой
В его горах не появился б я.
И на него не поднял бы копыя...
Не бойся же и правду нам поведай:
Зачем ты от своих передалась нам?»
И молвила Юдифь в ответ его речам:
«Владыко мой! прими слова рабыни,
И лжи тебе она не возвестит:
Она тебе, владыко, предстоит
Пророчицей Господней благостыни.

«Всем ведомо, что в царстве ты один
И в разуме, и в деле бранном чуден,
И благ душой, и мудро — правосуден...
Послушай же, владыко-господин!
Мой род несокрушим — крепки его основы —
Пока угоден он пред оком Иеговы.
Но на пути нечестия и зла
Израиль стал, — и погибает ныне...
И повелел Господь твоей рабыне
Творить с тобой великие дела:
Я поведу тебя к победам новым —
И вся земля падет к твоим стопам».

И Олоферн сказал своим слугам:

«Еврейка нам угодна вещим словом».
И все сказали: «Нет жены, подобной ей,
Ни в красоте лица, ни в разуме речей».

И Олоферн: «Спасла себе ты душу,
От племени строптивного придя
В победный стан ассурского вождя.
Я говорю и слова не нарушу,
Пока я жив и власть моя жива!

Ты в этот день прославилась пред нами
И красотой и мудрыми речами,—
И, если Бог внушил тебе слова,
Войдешь в чертог царя ты в ликованье многим,
И будет твой Господь моим единым Богом».

III

Три дня Юдифь меж вражеских шатров
Свила гнездо голубкой непорочной.
И третью ночь уходит в час урочный
Молиться в сень пустынную дубров.
Но занялась четвертая денница...

Сатрап рабам вечерний пир дает...
К Еврейке евнух крадется в намет:
«Не поленись, моя отроковица,
Прославиться красой перед вождем вождей
И быть с ним, как одна из наших дочерей».
И говорит ему Еврейка: «Кто я,
Чтоб отказать владыке моему?..
Иди и возвести слова мои ему».
...И вышел от нее ликующий Вагоя...

Вечерний пир кипит уже в шатре;
Торопят вина общее веселье...
В запястиях, в перловом ожерелье.
На посланном рабынею ковре,
Вошедши — возлегла Юдифь перед гостями,
Сверкая яхонтом подвесок и очами.

И пил сатрап, так много пил сатрап,
 Как не пивал ни разу от рожденья,—
 И в нем в ту ночь дошла до наступленья
 К Юдифи страсть — и духом он ослаб...
 Позднело... Гости вышли всей толпою;
 Вагоя сам замкнул шатер отвне —
 И пребыли тогда наедине
 Ассурский вождь с еврейскою женою,—
 Он — на пурпурный одр поверженный вином,
 Она — плывшая и гневом, и стыдом...

Спит Олоферн... Полуденною кровью
 Горят его ланиты и уста,
 И все в нем — мощь, желанье, красота...
 И подошла Еврейка к изголовью —
 Меч Олоферна со стола сняла,
 Одним коленом оперлась на ложе,
 И прошептал: «Спаси народ Твой, Боже!»
 В горсть волосы сатрапа собрала
 И два раза потом, всей силою своею,
 Ударила мечом во вражескую шею.—

И голову от тела отняла,
 И, оторвав завесу золотую,
 Ей облекла добычу роковую,
 Шатер стопой неслышную прошла,
 Прокралася к внимательной рабыне —
 И миновала усыпленный стан...

IV

Бежит Ассур, испугом обуян,
 С зори бежит, рассыпавшись в пустыне,
 Затем, что свесили, с зорею, со стены
 Главу его вождя Израиля сыны.

От Дофиама вплоть до Экревила,
 От Ветилуи и нагорных мест,

По всей долине Хусской и окрест
 Бежит Ассур дрогнувшая сила.
 И вражий стан расхищен и сожжен;
 Возмещены сторицею евреи,
 И к Господу воззвали иереи,—
 И, посреди хвалебных ликов жен,
 Воскликнула Юдифь в опустошенном стане:
 «Хвала Господа в кимвале и тимпане!

Пришел Ассур от севера — и тьмы
 Его стрельцов лицо земли покрыли,
 И водные истоки заградили,
 И конница покрыла все холмы.
 Хвалился он — пожечь мою обитель,
 И юношей мечами умертвить,
 И помостом младенцев положить,
 И дев пленить... Но Бог и Вседержитель,—
 Непреборимый Бог и мира и войны,—
 Во прах низверг врага десницею жены!

Не силою земного исполина
 Враг сокрушен и гибнет до конца,—
 Его красой победною лица
 Сразила дочь младая Мерарина,
 Затем, что ризы вдовии сняла,
 И умастилась благовонным маслом,
 И увенчала волосы увяслом,
 И взор вождя соблазном привлекла:
 Моя сандалия ему прельстила око —
 И выю вражью прошел мой меч глубоко.

Велик наш Бог! Воспойте песнь Ему!
 Погибнул враг от Божья ополченья,
 И мало жертв, и мало всесожженья,
 Достойного Владыке моему!
 Он — Судия и племенам и родам,

И движутся, словам Его внемля,
И небеса, и воды, и земля...
Велик наш Бог!... И горе тем народам,
Которые на нас, кичаяся, восстают,—
Зане их призовет Господь на страшный суд!»

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

*

ЮДИФЬ

Какой мудрейшею из мудрых пифий
Поведан будет нам нелицемерный
Рассказ об иудеянке Юдифи,
О вавилонянине Олоферне?

Ведь много дней томилась Иудея,
Опалена горячими ветрами,
Ни спорить, ни покорствовать не смея,
Пред красными, как зарево, шатрами.

Сатрап был мощен и прекрасен телом,
Был голос у него, как гул сраженья,
И все же девушкой не овладело
Томительное головокруженье.

Но, верно, в час блаженный и проклятый,
Когда, как омут, приняло их ложе,
Поднялся ассирийский бык крылатый,
Так странно с ангелом любви несхожий.

Иль, может быть, в дыму камильниц рея
И вскрикивая в грохоте тимпана,
Из мрака будущего Саломея
Кичилась головой Иоканаана.

СОФИЯ ПАРНОК

*

АГАРЬ

Сидит Агарь опальная,
и плачутся струи
источника печального
Беэр-лахай-рой.

Там — земли Авраамовы,
а сей простор — ничей:
вокруг, до Сура самого,
пустыня перед ней.

Тоска, тоска звериная!
Впервые жжет слеза
египетские, длинные,
пустынные глаза.

Блестит струя холодная,
как лезвие ножа,—
о, страшная, бесплодная,
о, злая госпожа!..

«Агарь!» — И кровь отхлынула
от смуглого лица.
Глядит — и брови сдвинула
на Божьего гонца.

ЮЛИЯ НЕЙМАН

*

РЕВЕККА

Шли верблюды, покачивая перегнувшимися горбами,
Шли верблюды, пожевывая смеющимися губами.
И, качаясь, они прикрывали свои воспаленные веки,
И дремалось Ревекке, все время дремалось Ревекке.

Но внезапно она пробуждалась тревожно и странно:
 Что свершается с нею — любимой сестрою Лавана?
 Кто велел ей собраться? Чья неодолимая сила
 Увела ее из дому — юную дочь Вафуила?

Напрягает Рсвекка дремотную память свою:
 Началось у источника. Раб, неизвестный по имени,
 Вел усталых верблюдов и вдруг говорит: — Напои меня!
 И послушно она отвечала ему: — Напою.
 Вспоминает Ревекка. А может быть, все это снится?
 Может, только мерещится в зыбком полдневном бреду?
 — В Ханаанскую землю невестой пойдешь ли, девица? —
 И, себе удивляясь, она отвечала: — Пойду.—
 И верблюды, качаясь, идут и вчера, и сегодня,
 И холмы Ханаана уже показались вдали...
 Загорелась звезда. Совершается воля Господня:
 Раб везет Исааку навесту из отчей земли.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

*

ЕВРЕЙКА

I

Избытком страсти пламенея,
 Палящим, солнечным лучом,
 На грудь мою упала Лея,
 И я весь вспыхнул, как Содом!
 О, обнимай меня! Как сладок
 Рожденный страстью поцелуй!

II

Плывет в сиянии алмазном
 На небе полная луна; —
 Но только ты лишь мне видна

С обворожительным соблазном!
 Как будто жизни с смертью спор
 Тебя томит, тускнеет взор,
 И перси бьются, негой полны;
 Клубитесь, девственные волны!
 Вы волны скрытого огня;
 Ласкайте, трогайте меня!

III

Когда не видят света очи,
 Но ты, о Лея, близ меня,
 Не ясному светилу дня
 Скажу я: «Стой, — светилу ночи. —
 В твоих объятьях таю я!
 То поцелуями ласкаешь,
 То страстно, нежно обвиваешь
 Меня, как райская змея!»

IV

Нет, страсть твоя ко мне безмерна!
 Боюсь ее, не верю ей! —
 Так усыпила Олоферна
 Еврейка ласкою своей!

И Л Ь Я С Е Л Ь В И Н С К И Й

*

Е В Р Е Й С К А Я М Е Л О Д И Я

Спасибо за тяжелый сон,
 Который ты мне подарила;
 Как обессиленный Самсон,
 Лежал я пред тобой, Далила.

А впрочем, что мне в сказке сей?
Развей я хоть двенадцать дюжин —
Тебе я попросту не нужен
Со всею силою своей.

И все же ты сыграла роль
Далилианскую отчасти...
Благодарю тебя за счастье,
Хоть это счастье — только боль.

БОРИС СЛУЦКИЙ

*

ЕВРЕЙСКАЯ БАБУШКА

Как еврейская бабушка, эта строка
хороша. Но сейчас ни к чему.
Слишком схожа, похожа, близка —
слишком, слишком — ко мне самому.

Как еврейская бабушка, что во главе
праздничного
 заседает
— стола,
не идет эта строчка к угрюмой Москве.
Не идет совершенно. А — шла!

Но какое она сотворила добро,
благо деяла
 внукам своим!

Но какое седин у нее серебро!
Мы пред ней изумленно стоим.

Как сильна эта слабенькая рука
и чего о ней не вспомяну!
Как еврейская бабушка эта строка.
Но не вычеркну, не зачеркну.

САМУИЛ МОРОЗ

*

БАБУШКА

Из далекого детства мне запомнилась бабушка Фейга,
Вся в морщинах повязана белым платком.

Я запомнил не только медовые тейглах,
Но и толстые книги, которые вечером,
При субботних свечах, шевеля в напряженье губами,
Она тихо читала. Ей молиться никто не мешал,
Только было мне страшно. Я бежал, посерьезневший,
к маме,

И метался, и плакал, но никто меня не утешал.
До сих пор не пойму: отчего же лились мои слезы.

«Это молится Богу твоя бабушка. Что ты, малыш?»—
Говорил мне отец. Но, наверное, неба угрозы
Я услышал, известные бабушке лишь.

О ее доброте не расскажешь скупыми словами.
Нас тогда было двое в семье, шалунов-сорванцов.
Мы отчаянно друг с другом дрались, заливаясь
слезами,

А она нас мирила. И все-таки к вере отцов
Приобщить не смогла: в те годы мы смеялись над
верой.

«Это просто смешно, чтобы дети молились, как ты»,—
Говорила ей мать. В красных галстучках пионеры,
Мы летели на крыльях прекрасной и светлой мечты.

Это было и правда смешно: провожать в синагогу
И встречать; на девятом живя этаже,
Бедной бабушке нашей пешком не осилить дорогу,
А на лифте нельзя, потому что работа уже.
Был отец мой из Шклова и бабушка тоже из Шклова.
Что имела она, чтоб кормить хоть бы чем всю семью?
Продавала кошерное мясо. Но рухнула в мире основа,
Умер дед мой, и осталась, бедняга, с семью.

Накормила, одела, всех детей своих вывела в люди,
Даже внукам своим посылала она сухари в лагерь.
В сорок первом году еврейского Шклова не будет,
Но нелегкую жизнь эти люди прожили не зря.

* *
*

Как зовут ее, верную, ту,
Что я так и не встретил от века?
Как зовут мою деву-мечту:
Сарра, Хая, а может, Ревекка?

Не нашел, не узнал, повстречал —
И толпа ее вновь поглотила.
Не за тот зацепился причал...
И накрыла волна, накатила.

ЛЕОНИД КАНЕГИССЕР

*

ЕВРЕЙСКОЕ ВЕНЧАНИЕ

Семь свечей горят, оплывая,
А восьмая — в его руке,
И орган поет, надрываясь,
О своей старой тоске.

О раввин, о венчатель строгий, --
Поднял перст, кольцо — и грозит,
И под сонный свод синагоги,
Будто сокол, голос летит.

Адонай! Адонай! Угроза!
Стонут звуки, — Ты слышишь их?
Под серпом нежнейшая роза
Палестинских садов Твоих.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

*

ЕВРЕЙСКИМ ДЕВУШКАМ

Красивые девушки еврейского племени,
Я вас наблюдал с тайной дрожью в мечтах:
Как черные волосы упруги на темени,
Как странен огонь в ваших черных очах!

В Варшаве, и в Вильне, и в задумчивом Тальсене
За вами я грустно и долго следил.
И все мне казалось: стремитесь вы в вальсе
Неизбежном над тайной могил.

Как будто в вас ожили виденья библейские,
И мать Ревекка, и дева Рахиль,—
Отвеяны помыслы ненужно-житейские,
И в новом жива вековечная быль.

Еврейские девушки, в холодной России
Вы — бессонная память о знойной стране,
Живое преданье о грядущем Мессии, вы...
Девушки-матери, близки вы мне!

ПРИМЕЧАНИЯ

НАРОД ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

- «Вейзмир!» — «Горе мне!» (*Идиш*)
 Голус (галут — изгнание, *ивр.*) — вынужденное переселение евреев из страны Израиля в другие страны.
 Суламита — Суламифь.
 Хеврон — город, расположенный южнее Иерусалима, был первой столицей государства евреев.
 Шалим — Ерушалаим, Иерусалим.
 Debarim Rabbā — религиозный сборник толкований к Пятикнижию.
 Chaj ha Shēm! — жив Бог! (*Ивр.*)
 Hespéd — траурная церемония.
 «Таанис» — еврейский религиозный трактат, посвященный постным дням.

ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

- Девятое Аба — день поста и траура в память о разрушении первого и второго Храмов — вавилонянами и римлянами.
 Еремия — Иеремия.
 Erez Izrael — Земля Израиля (*ивр.*).
 «Lecho doidi likrath Kalah!» (*Ивр.*) — «Пойдем, друг, встретим невесту» — песнь-молитва, которой встречают субботу.
 Schir-Zion — Гимн Сиону.

ХОЛОКОСТ

- Варте нох! — жди еще! (*Идиш*)
 Нит гедайге — не огорчайся (*идиш*).

- Т а т у — папа (*белорус.*) в форме обращения.
 «Ш ма, И с р а э л ь» — первые слова важнейшей еврейской молитвы.
 Ш п и л т — играет (*идиш*).
 Ю д е н ф р а й — свободно от евресв (*нем.*).

ЕВРЕЙСКО-РУССКОЕ

- Г е ш е ф т — дело (*идиш*).
 П о а л е й - Ц и о н — сионистская партия.

НАД БИБЛИЕЙ

- «Х а в е л - х а в а л и м», «х е в е л - х е в а л и м» — «суета су-ет» (*ивр.*), выражение из книги «Экклезиаст».

ЖЕНЫ СИОНА

- С а л е м — Иерусалим.
 Х а м с и н — горячий весенний ветер, сопровождающийся удушливым зноем (от арабского слова «пятьдесят»).

עיריית חיפה
 מצרכת תרבות הפנאי
 מרכז תרבות לעולים
 בית ארדשטיין - ספריה
 י.ס. מלאי.....

85829/2

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

- Абрамович Михаил 11, 18, 27, 135
 Айхенвальд Юрий 45
 Анстей Ольга 112
 Антокольский Павел 99, 108
 Аронов Александр 64, 95, 119
 Ахматова Анна 273
 Бальмонт Константин 223
 Бек Татьяна 176
 Берестов Валентин 213
 Берлянт Александр 1
 Бродский Иосиф 154, 238
 Брюсов Валерий 217, 232, 293
 Бунин Иван 24, 25, 70, 87, 220, 221, 237, 275
 Бутурлин Петр 272
 Вагинов Константин 231
 Вознесенский Андрей 122
 Вяземский Петр 66
 Галич Александр 101, 109, 111, 115, 151, 152, 163, 167
 Георгиева А. 88
 Гинзбург Евгения 49
 Гиппиус Зинаида 39, 85
 Гитин Яков 28, 244, 245
 Глезер Александр 144, 145
 Гликман Давид 30
 Годин Яков 40
 Голенищев-Кутузов Арсений 250
 Городницкий Александр 98
 Григорьев Аполлон 248
 Губерман Игорь 195
 Гумилев Николай 284
 Долина Вероника 149
 Друскин Лев 48, 147
 Дубнова-Эрлих София 13, 116, 146
 Дымшиц Л. 41
 Евтушенко Евгений 120, 202

- Ефимов Федор 194
 Жаботинский Владимир 47, 93
 Жданова Л. 121
 Жигулин Анатолий 201
 Жуковский Василий 218, 230
 Заблоцкий Николай 94
 Зац Борис 29, 31
 Злотников Натан 140, 180, 181, 215
 Канегиссер Леонид 292
 Кобенков Анатолий 62, 143, 174, 187, 191, 192, 209
 Козловский Яков 235
 Кнут Довид 32, 153
 К. Р. (Романов Константин) 246, 247
 Коржавин Наум 110, 139, 186
 Котляр Иосиф 130, 150, 175, 190
 Краско Валерий 22, 161, 203
 Кукольник Нестор 278
 Лебедев В. 60
 Левинзон Владимир 148, 211
 Лермонтов Михаил 2
 Лесман Борис 15, 33, 34
 Липкин Семен 4, 46, 54, 92, 126, 131, 132, 159, 160, 239, 240
 Липскеров Константин 243
 Лиснянская Инна 281
 Лифшиц Владимир 97
 Льдов Константин 228
 Мальцева Надежда 156
 Мандельштам Осип 50, 57
 Маршак Самуил 17, 55, 66, 76, 89, 90, 124, 125, 212, 249, 280
 Матусовский Михаил 155
 Маяковский Владимир 197
 Межиров Александр 138
 Мей Лев 12, 236, 260, 261, 263, 271, 283
 Мережковский Дмитрий 267, 268
 Митин Д. 23
 Мороз Самуил 164, 210, 290, 291
 Надсон Семен 14
 Наровчатов Сергей 157
 Неизвестный автор 287
 Нейман Юлия 20, 21, 114, 128, 170, 196, 241, 286
 Несмелов Арсений 58, 141, 242
 Павлович Надежда 134

- Парнок София 71, 285
 Погреб Сарра 59, 78, 79, 80, 81, 177, 178, 179
 Прегель София 117, 118, 234
 Пригов Дмитрий 214
 Пустынин Михаил 84
 Пушкин Александр 26, 282
 Рейн Евгений 171
 Сатуновский Ян 129
 Светлов Михаил 158
 Сельвинский Илья 107, 288
 Синельников Михаил 56, 182, 183, 184, 266, 279
 Скиталец 262
 Слуцкий Борис 19, 52, 53, 96, 100, 127, 136, 137, 142, 165,
 166, 172, 173, 188, 189, 193, 206, 207, 208, 289
 Соловьев Владимир 265
 Соловьев Сергей 264
 Сологуб Федор 205
 Тихонов Николай 276
 Файншмидт И. 83
 Федоров Александр 82, 274
 Фейнберг Сергей 204
 Ферлегер Владимир 185, 229
 Филиппов Борис 77
 Фофанов Константин 219, 222, 253
 Фруг Семен 6, 7, 8, 9, 44, 61, 63, 225, 252, 270
 Ходасевич Вячеслав 277
 Хомяков Алексей 42, 254, 255, 256
 Цветаева Марина 133
 Цензор Дмитрий 10, 16, 43
 Чичибабин Борис 168, 198, 199, 200
 Чуковский Корней 68
 Чюмина Ольга 5, 251
 Шенгели Георгий 3, 36, 86, 224, 227, 233
 Шилейко Владимир 226
 Шипулинский Феофан 35
 Штейн Борис 162
 Щепкина-Куперник Татьяна 269
 Эренбург Илья 37, 38, 65, 102, 103, 104, 105, 106, 113, 123
 Юдахин Александр 216
 Языков Николай 257, 258, 259
 Яффе Лев 51, 69, 72, 73, 74, 75, 91

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОД ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

1. Александр Берлянт. Я молча на колени встану...	15
2. Михаил Лермонтов. Плачь! плачь! Израиля народ...	16
3. Георгий Шенгели. Семиты	16
4. Семен Липкин. Странники	17
5. Ольга Чюмина. Восстановление Храма	18
6. Семен Фруг. Несгораемый куст	19
7. Семен Фруг. Изгнанники	20
8. Семен Фруг. Еврейская мелодия	21
9. Семен Фруг. Пора!	21
10. Дмитрий Цензор. В этих глазах, потускневших от слез...	23
11. Михаил Абрамович. Ошейник	24
12. Лев Мей. Жиды	25
13. София Дубнова-Эрлих. Панихида	26
14. Семен Надсон. Я рос тебе чужим, отверженный народ...	27
15. Борис Лесман. Еврейская мелодия	27
16. Дмитрий Цензор. Я вернулся к тебе. Не отвергни, прости!..	28
17. Самуил Маршак. Две зари	29
18. Михаил Абрамович. Ах! Званье избранного мне надоело!..	30
19. Борис Слуцкий. Созреваю или старею...* (Имеется вариант под названием «Уриэль Акоста»)	31
20. Юлия Нейман. Еврейскому народу*	32
21. Юлия Нейман. О родословной*	32
22. Валерий Краско. Ассимиляция*	33
23. Д. Митин. Свечи Хануки	34

* Далее этим знаком отмечены первые публикации произведений. Стихотворения Б. Слуцкого, публикующиеся впервые, предоставлены Ю. Болдыревым.

24. Иван Бунин. Да исполнятся сроки	34
25. Иван Бунин. Долина Иосафата	35
26. Александр Пушкин. В еврейской хижине лампада...	35
27. Михаил Абрамович. Легенда	36
28. Яков Гитин. Разбитая арфа	38
29. Борис Зац. Другу	39
30. Давид Гликман. Праздник Торы	40
31. Борис Зац. Всюду тучи... Будто небо...	43
32. Довид Кнут. Я, Довид-Ари бен Меир...	43
33. Борис Лесман. Верь: настанет блаженное время, родной...	45
34. Борис Лесман. Недаром	46
35. Феофан Шипулинский. Народу-другу	47
36. Георгий Шенгели. Иудеи	47
37. Илья Эренбург. Еврейскому народу	48
38. Илья Эренбург. Евреи, с вами жить не в силах...	50
39. Зинаида Гиппиус. Адонаи	50
40. Яков Годин. Поэзия печали. Сонет	51
41. Л. Дымшиц. В синагоге	52
42. Алексей Хомяков. Мы род избранный, — говори- ли...	52
43. Дмитрий Цензор. Из цикла «Старое гетто»	54
44. Семен Фруг. Мудрец и народный учитель. Траг. «Таанис» XXIV	54
45. Юрий Айхенвальд. Диалог о вечном жиде. Из цикла «Песенки из долговой ямы»	57
46. Семен Липкин. Присягаю песенке пастушьей...	58
47. Владимир Жаботинский. Hespéd	59
48. Лев Друскин. Мелькает огонек зеленый...	61
49. Евгения Гинзбург. ...И вновь, как седые евреи...	62
50. Осип Мандельштам. Эта ночь непоправима...	62
51. Лев Яффе. Еврейский язык	63
52. Борис Слуцкий. Гебраизмы*	64
53. Борис Слуцкий. Родственники Христа*	64
54. Семен Липкин. Одесская синагога	65
55. Самуил Маршак. Менделе	67
56. Михаил Синельников. Еврейка	68
57. Осип Мандельштам. Жил Александр Герцевич...	69

58. Арсений Несмелов. Часовщик	70
59. Сарра Погреб. Как славно подгонять к строке строку...*	71
60. В. Лебедев. Кавказский еврей	71
61. Семен Фруг. Книгохранилище	73
62. Анатолий Кобенков. Визит*	74
63. Семен Фруг. Общий праздник	75
64. Александр Аронов. Невнятицею всей...	78

ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

65. Илья Эренбург. Я не завидую ни долголетью дуба...	81
66. Самуил Маршак. Палестина	81
67. Петр Вяземский. Палестина	86
68. Корней Чуковский. Песни Сиона. Из Ричарда Гар- нета. Сонет	90
69. Лев Яффе. Erez Israel	90
70. Иван Бунин. На пути под Хевроном...	92
71. София Парнок. В те дни младенчества напевом...	92
72. Лев Яффе. У руин Бетара	93
73. Лев Яффе. Из народных преданий.	94
74. Лев Яффе. Огни на высотах.	95
75. Лев Яффе. В долине Сарона.	96
76. Самуил Маршак. Из Сионид.	97
77. Борис Филиппов. Стада овец библейские седые...	98
78. Сарра Погреб. Я начинаю с откоса, с обрыва...*	98
79. Сарра Погреб. Из Ариэля в Иерусалим...*	99
80. Сарра Погреб. Мы теперь самаритяне...*	99
81. Сарра Погреб. Испоконность оливковых рощ...*	100
82. Александр Федоров. У прудов Соломона	101
83. И. Файншмидт. Ты часто говорил о родине своей...	101
84. Михаил Пустынин. Песня	102
85. Зинаида Гиппиус. Он принял скорбь земной до- роги...	103
86. Георгий Шенгели. Храм	103
87. Иван Бунин. Иерусалим	104
88. А. Георгиева. Одинокий, без участия...	105

89. Самуил Маршак. Иерусалим	106
90. Самуил Маршак. Schir-Zion	107
91. Лев Яффе. У берегов Корфу. Из путевых заметок . . .	108
92. Семен Липкин. В нищей хате	109
93. Владимир Жаботинский. Город Мира	110
94. Николай Заболоцкий. Бегство в Египет	112
95. Александр Аронов. Хайфа. Лагерь для переселенцев . . .	113

ХОЛОКОСТ

96. Борис Слуцкий. Черта под чертою. Пропала осед- лость...	117
97. Владимир Лифшиц. Датская легенда	118
98. Александр Городницкий. Вспоминая Фейхтванге- ра	119
99. Павел Антокольский. Теряются следы в тысячелет- них...	120
100. Борис Слуцкий. Я освобождал Украину...	123
101. Александр Галич. Баллада о вечном огне	124
102. Илья Эренбург. За то, что зной полуденный Эс- фири...	127
103. Илья Эренбург. Бродят Рахили, Хаимы, Лии...	128
104. Илья Эренбург. В это гетто люди не придут...	128
105. Илья Эренбург. Морили прежде в розницу...	128
106. Илья Эренбург. Скребет себя на пепле Иов...	129
107. Илья Сельвинский. Я это видел	130
108. Павел Антокольский. Лагерь уничтожения	134
109. Александр Галич. Кадиш. Отрывки из поэмы	136
110. Наум Коржавин. Дети в Освенциме	144
111. Александр Галич. Поезд	145
112. Ольга Анстей. Кирилловские яры	146
113. Илья Эренбург. Бабий Яр	148
114. Юлия Нейман. Бабий Яр. Два года спустя*	149
115. Александр Галич. Засыпая и просыпаясь	149
116. София Дубнова-Эрлих. Гетто	150
117. София Прегель. В гетто	151
118. София Прегель. Вы припомните...	152
119. Александр Аронов. Гетто. 1943 г.	153

120. Евгений Евтушенко. Диспетчер света. Из поэмы «Братская ГЭС»	155
121. Л. Жданова. Расстрелянные звезды	160
122. Андрей Вознесенский. ...Певзнер 1903, Сергеев 1934, Лебедев 1916...	161
123. Илья Эренбург. Запомни этот ров. Ты все узнал...	163
124. Самуил Маршак. Колыбельная	164
125. Самуил Маршак. Настали сумрачные годы...	165
126. Семен Липкин. Вильнюсское подворье	165
127. Борис Слуцкий. Как убивали мою бабуку	166
128. Юлия Нейман. Старик. Из военных стихов*	167
129. Ян Сатуновский. Нет никого на свете...	169
130. Иосиф Котляр. Март	169
131. Семен Липкин. Моисей	170

ЕВРЕЙСКО-РУССКОЕ

132. Семен Липкин. Кочевой огонь	173
133. Марина Цветаева. Поэма конца. Отрывок	174
134. Надежда Павлович. Таит тоску тысячелетий...	175
135. Михаил Абрамович. Из песен дня	175
136. Борис Слуцкий. А нам, евреям, повезло...	176
137. Борис Слуцкий. Национальная особенность	177
138. Александр Межиров. Пускай другого рода я...	178
139. Наум Коржавин. Родине	179
140. Натан Злотников. Повисни надо мной, повисни...	181
141. Арсений Несмелов. Я вспомнил Стоход...	182
142. Борис Слуцкий. Пятиконечная звезда с шестиконечной...*	183
143. Анатолий Кобенков. Полотна Шагала*	184
144. Александр Глезер. Из цикла «Хава Нагила»	187
145. Александр Глезер. Пасхальное	188
146. София Дубнова-Эрлих. Листало детство Книгу Книг...	188
147. Лев Друскин. Голос предков...	189
148. Владимир Левинзон. Эта рана не закрылась...	190
149. Вероника Долина. Уезжают мои родственники...	191
150. Иосиф Котляр. Вопрос	192

151. Александр Галич. Вечный транзит	192
152. Александр Галич. Воспоминание об Одессе	195
153. Довид Кнут. Кишиневские похороны	198
154. Иосиф Бродский. Еврейское кладбище около Ленинграда	200
155. Михаил Матусовский. Еврейское кладбище в Луганске	201
156. Надежда Мальцева. Старая, старая песня	202
157. Сергей Наровчатов. Волчонок	204
158. Михаил Светлов. Стихи о ребенке. Отрывки	206
159. Семен Липкин. Комиссар	209
160. Семен Липкин. Техник-интендант. Отрывок из поэмы	210
161. Валерий Краско. Алые кони — для мальчика Мони...*	214
162. Борис Штейн. Недавно умер замполит Леви...	215
163. Александр Галич. Рассказ, который я услышал в привокзальном шалмане	216
164. Самуил Мороз. В детстве кто-то назвал меня Мендель Маранц*	219
165. Борис Слуцкий. Православие не в процветанье...	221
166. Борис Слуцкий. Украинские евреи, которые лезут всюду...	221
167. Александр Галич. Предостережение	222
168. Борис Чичибабин. За Надсона	222
169. Борис Слуцкий. Было много жалости и горечи...	223
170. Юлия Нейман. Памяти Ильи Эренбурга*	224
171. Евгений Рейн. В последний раз	225
172. Борис Слуцкий**. Молодые евреи за старыми...*	227
173. Борис Слуцкий. Полукровки*	227
174. Анатолий Кобенков. Родня*	228
175. Иосиф Котляр. Тем, которых нет	229
176. Татьяна Бек. Вот и кончена разлука...	231
177. Сарра Погреб. Пока не могу, не умею...*	232
178. Сарра Погреб. Пробудиться, когда темнота не как сажа черна...	233
179. Сарра Погреб. Когда я покидала отчий дом...*	233

** Стихотворение не завершено.

180. Натан Злотников. Исход*	234
181. Натан Злотников. Дикий гусь*	235
182. Михаил Синельников. Беженцы*	236
183. Михаил Синельников. Перелетные птицы*	237
184. Михаил Синельников. Пыль*	237
185. Владимир Ферлегер. Одесса, старый двор	238
186. Наум Коржавин. Мир еврейских местечек...*	239
187. Анатолий Кобенков. Мир еврейских местечек...*	240
188. Борис Слуцкий. Внезапное воспоминание	241
189. Борис Слуцкий. Самое начало философии	242
190. Иосиф Котляр. Едва услышу. Из цикла «На Волыни»	243
191. Анатолий Кобенков. Вечер в провинции*	245
192. Анатолий Кобенков. Улочка*	248
193. Борис Слуцкий. Еврейским хилым детям...	249
194. Федор Ефимов. Переводил еврейского поэта...	250
195. Игорь Губерман. Гарики на каждый день	250

ЮДОФИЛЫ И ЮДОФОБЫ

196. Юлия Нейман. На полях книги «Эсфирь»*	255
197. Владимир Маяковский. Еврей	256
198. Борис Чичибабин. Народу еврейскому	259
199. Борис Чичибабин. Признание	260
200. Борис Чичибабин. Бессмыслен русский национализм...	262
201. Анатолий Жигулин. Из далекого прошлого	263
202. Евгений Евтушенко. Бабий Яр	264
203. Валерий Краско. Я немножко помолчу...*	266
204. Сергей Фейнберг. Бердяев	267
205. Федор Сологуб. Я спешил к моей невесте...	268
206. Борис Слуцкий. Люблю антисемитов, задарма...*	268
207. Борис Слуцкий. Примазываются к России...*	269
208. Борис Слуцкий. Про евреев	269
209. Анатолий Кобенков. Из семейного альбома*	270
210. Самуил Мороз. Любовь*	271
211. Владимир Левинзон. Облава	273

212. Самуил Маршак. Мой ответ (Маркову)	275
213. Валентин Берестов. Стереопат или патриотип	276
214. Дмитрий Пригов. Русский вот пришел к еврею...	276
215. Натан Злотников. В тени костра	277
216. Александр Юдахин. Шовинистам асташвили	278

НАД БИБЛИЕЙ

217. Валерий Брюсов. Библия	281
218. Василий Жуковский. Библия	282
219. Константин Фофанов. Над Библией	285
220. Иван Бунин. Тора	287
221. Иван Бунин. Огненный столп	288
222. Константин Фофанов. Неопалимая купина. Из цикла «Библейские мотивы»	288
223. Константин Бальмонт. Купина	289
224. Георгий Шенгели. Иегова	290
225. Семен Фруг. Псалом Субботе	292
226. Владимир Шилейко. Господь, ты знаешь, сколько раз...	293
227. Георгий Шенгели. Экклезиаст	293
228. Константин Льдов. Экклезиаст. Из цикла «Набро- ски»	294
229. Владимир Ферлегер. Хавел-хавалим	295
230. Василий Жуковский. Египетская тьма. Из книги «Премудрость Соломона». Глава XVII	296
231. Константин Вагинов. Путешествие в Хаос. Отрыв- ки	298
232. Валерий Брюсов. Моисей	299
233. Георгий Шенгели. Мойсей	300
234. София Прегель. Дочь фараона	302
235. Яков Козловский. Подражание Батыраю	303
236. Лев Мей. Пустынный ключ	303
237. Иван Бунин. Благовестие о рождении Исаака	304
238. Иосиф Бродский. Исаак и Авраам. Из поэмы	305
239. Семен Липкин. Размышления Авраама у жертвен- ника	311
240. Семен Липкин. Последняя ночь Авраама	315

241. Юлия Нейман. Исаак*	317
242. Арсений Несмелов. Глаз таких черных, ресниц таких длинных...	318
243. Константин Липскеров. Соломон	319
244. Яков Гитин. Из пророков... Я — помазанник Бо- жий; меня Адонай...	320
245. Яков Гитин. Из пророков. Я предвещаю вам по- ру...	321
246. К. Р. (Константин Романов). Псалмопевец Давид	322
247. К. Р. (Константин Романов). Легенда про Мертвое море	323
248. Аполлон Григорьев. Подражания	
1. Песня в пустыне	325
2. Проклятие	326
249. Самуил Маршак. О, рыдай!..	327
250. Арсений Голенищев-Кутузов. Из пророка Исайи	327
251. Ольга Чюмина. Неемия и спутники его перед стенами Иерусалима	328
252. Семен Фруг. Грядущее	329
253. Константин Фофанов. Пророк	331
254. Алексей Хомяков. Широка, необозрима...	332
255. Алексей Хомяков. По прочтении Псалма	334
256. Алексей Хомяков. Давид	335
257. Николай Языков. Подражание Псалму XIV	336
258. Николай Языков. Подражание Псалму СXXXVI	336
259. Николай Языков. Сампсон	338
260. Лев Мей. Псалом Давиду Иеремией	339
261. Лев Мей. Псалом Давида на единоборство с Го- лиафом	340
262. Скиталец. Самсон	341
263. Лев Мей. Эндорская прорицательница	342
264. Сергей Соловьев. От пламени страстей, нечистых и жестоких...	343
265. Владимир Соловьев. В землю Обетованную	344
266. Михаил Синельников. Имя	346
267. Дмитрий Мережковский. Иов	347
268. Дмитрий Мережковский. Пророк Иеремия	350

ЖЕНЫ СИОНА

269. Татьяна Шенкина-Куперник. Еврейке	353
270. Семен Фруг. Песня Песней. Из цикла «Три книги».	354
271. Лев Мей. Еврейские песни	355
272. Петр Бутурлин. Суламита. Подражание «Песни Песней»	359
273. Анна Ахматова. Библейские стихи	
1. Рахиль	360
2. Лотова жена	361
3. Мелхола	362
274. Александр Федоров. Гробница Рахили	363
275. Иван Бунин. Гробница Рахили	364
276. Николай Тихонов. Высоки плечи Рахили...	364
277. Вячеслав Ходасевич. Слезы Рахили	365
278. Нестор Кукольник. Песнь Рахили	366
279. Михаил Синельников. Хамсин	367
280. Самуил Маршак. Книга Руфь	367
281. Инна Лиснянская. Руфь	369
282. Александр Пушкин. Юдифь. Отрывок	369
283. Лев Мей. Юдифь	370
284. Николай Гумилев. Юдифь	377
285. София Парнок. Агарь	378
286. Юлия Нейман. Ревекка*	378
287. Неизвестный автор. Еврейка*	379
288. Илья Сельвинский. Еврейская мелодия	380
289. Борис Слуцкий. Еврейская бабушка	381
290. Самуил Мороз. Бабушка*	382
291. Самуил Мороз. Как зовут ее, верную, ту...*	383
292. Леонид Канегиссер. Еврейское венчание	383
293. Валерий Брюсов. Еврейским девушкам	384
Примечания	385
Указатель авторов	387

МЕНОРА

Еврейские мотивы в русской поэзии

עיריית חיפה
מירכת תרבות הפנאי
מדכז תרבות לעולים
בית ארדסטיין - ספריה
..... מלאי

85829/2

Лицензия № 030528 от 7 мая 1993 г.

Сдано в набор 30.06.93. Полн. к печати 25.12.93
Формат 70x100 1/32. Бумага офсетная. Офсетная
печать. Тираж 5 000 экз. Печ. л. 12,5. Зак. 846

Еврейский университет в Москве,
ул. Моховая, 9.
«Гешарим», Иерусалим

Московская типография № 2 ВО «Наука»,
Шубинский пер., 6.
OSR Давид Типневский, октябрь 2019 г., Хайфа

